С. ВЕНЦОВ
И
С. БЕЛИЦКИЙ

КРАСНАЯ ВАРФИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

С. С. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЕННО-НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

С. ВЕНЦОВ и С. БЕЛИЦКИЙ

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ

с 10 схемами-картами
в тексте

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 1924 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО № 1120
Главлит № 27451.
Тираж 7.000 экз.
Мосполиграф, 27 типография,
„Красная Печать“,
Москва, Остоженка 10.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Военная Академия поставила перед нами трудную задачу начать разработку и дать первое исследование по истории Гражданской войны на территории нашей Республики.

Сознавая всю ответственность этой работы, мы в 1923 году приступили к чтению лекций, изложение которых и составляет основное содержание данной книги. Естественно, что начинать эту историю необходимо с изучения борьбы Красной гвардии— предшественницы Красной армии. При этом исследовании нам пришлось столкнуться с большими затруднениями. История Гражданской войны в ее первом периоде, в сущности говоря, является историей нашей революции. А, между тем, этот период в нашей исторической литературе освещен чрезвычайно слабо. Почти полное отсутствие архивов не позволило с достаточной полнотой дать исследование тех событий, которые знаменуют собою зарождение Красной армии. Пришлось отдельные факты, статьи, газетные сообщения, немногочисленные документы и личные воспоминания попытаться связать в единое целое.

Исследование этого, столь важного для всей истории Революции, периода должно продолжаться с неослабным вниманием. В нашем изложении, по понятным причинам, можно найти и существенные пропуски, и неверно освещенные факты, и много неясных мест. Все это не остановило авторов перед решением выпустить эту работу в свет и дать тем самым широкой массе командного состава возможность изучить процесс зарождения Красной армии и первый этап Гражданской войны.

Просьба к читателям, и в особенности ко всем работникам ВНО, принять самое активное участие в исправлении этой первой попытки. Все указания будут приняты с искренней признательностью. Перечень источников, использованных при составлении этой книги, дан в ее конце.

Авторы.

ГЛАВА I.

1905 Г.

Военные организации в армии и флоте. Красная гвардия в 1905 году. Декабрьское восстание в Москве.

20 февраля 1918 г. был опубликован декрет Советского Правительства о формировании Рабоче-Крестьянской Красной армии. Эта дата лишь отмечает формальное завершение того процесса, который начался значительно раньше. Уже в октябрьские дни в вооруженном восстании участвовали, с одной стороны, наиболее сознательные элементы старой армии, и с другой — вооруженные отряды лучших пролетариев промышленных центров России. Поэтому для исследования вопроса о создании Красной гвардии и Красной армии необходимо проследить, каким путем распадающаяся армия царизма смогла выделить из себя элементы, способные к гражданской борьбе; вооруженная сила рабочей гвардии, влившая впоследствии свои кадры в Красную армию, также подлежит специальному исследованию. Все указанное заставляет начинать наш очерк не с октябрьских дней 1917 г., и даже не с февральского переворота, а с могущественного пролога пролетарской революции в России, развернувшегося в 1905 г. Именно там можно обнаружить зачаточные корни вооруженных сил Советского Союза.

Революция 1905 г. выросла непосредственно из русско-японской войны. Стачечное движение на юге России в 1903 г., сильная дороговизна, пораженчество во время войны среди рабочих, интеллигенции и части либеральной буржуазии — все это не предвещало для царизма ничего доброго. После расстрела рабочих 9 января 1905 г. по всей России прокатилась новая стачечная волна. Сразу после январских событий в Петрограде т. Ленин отчетливо сформулировал не только политическую оценку событий, но и военные задачи русского рабочего класса. Он писал в газете «Вперед» 18 января: «Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреж-

дений—вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры».

Третий с'езд РС-ДРП, происходивший в Лондоне в мае 1905 г., выдвигает уже совершенно отчетливо лозунг сочетания всеобщей забастовки с вооруженным восстанием пролетариата. С'езд признал необходимым принять энергичные меры к вооружению рабочих и заняться выработкой четкого плана вооруженного восстания. Во исполнение этой обще-партийной директивы началась повсеместная работа по созданию боевых дружин из рабочих и военных организаций в царской армии. Эта работа протекала, примерно, в одних и тех-же районах; именно там, где больше всего была развита промышленность, где концентрировались наибольшие группы пролетариев, там с наибольшей успешностью протекала работа по разложению царской армии и по созданию первых отрядов Красной гвардии.

С какой программой шла социал-демократическая партия к солдатским массам? Крестьянство было еще не подготовлено в своей массе к восприятию политических лозунгов. Поэтому основные требования сводились к изменению быта солдата, его прав и экономического положения. Отмена телесных наказаний, цензуры писем, обязательной присяги и церковных обрядов, установление свободы совести, вежливое обращение начальников с подчиненными, улучшение питания, помещения и жалованья—вот те требования, с которыми с.-д. агитаторы работали в войсковых частях, создавая ячейки партийной военной организации. Эти программы изменялись в зависимости от условий местной обстановки; однако, влияние этих ячеек в некоторых частях было очень сильным. Например, во время декабрьского восстания в Москве, военное командование не могло даже целиком опереться на части Московского гарнизона. За несколько дней до начала восстания барон Медем шлет следующую телеграмму министру внутренних дел: «обязываюсь доложить, что Ростовский полк в полном восстании, в Несвижском и саперном батальоне полное брожение; остальные войсковые части наготове на случай бунта, так что столичный порядок поддерживаю двумя тысячами измученных полицейских чинов и жандармским дивизионом»... Правда эта телеграмма имела своей целью заставить Петроград выслать добавочные вооруженные силы в Москву, но из других источников (воспоминания участников) обнаруживается большая доля правды в этом донесении.

Вся работа в армии в 1905 г. велась без об'единяющего центра и вне связи военных организаций между собою. Только в марте 1906 г. делается первая попытка об'единить эту работу, и в Москве созывается конференция военных организаций Московского, Петербургского, Виленского и Варшавского военных округов. На эту конференцию собираются товарищи, которые и сейчас продолжают вести активную работу в коммунистической партии: т.т. Дзержинский, Ярославский, Вельтман-Павлович,

Землячка, Антонов-Овсеенко и др. На первом же заседании конференция была арестована; работа ее осталась незаконченной, но потребность к об'единению была настолько сильной, что уже зимой 1906 г. она собирается вновь в Таммерфорсе, где и обсуждаются вопросы о централизации и об'единенном плане работы по разложению царской армии.

Особенно успешно протекала работа с.-д. организаций во флоте. Большой процент рабочих и тяжелое материальное и моральное положение матросов позволили здесь проводить активную агитацию против существующего строя. Уже в 1903 году имелись первые партийные ячейки на боевых судах Балтийского и Черноморского флота. Первое вооруженное восстание против царизма произошло не в рядах армии, а в Черноморском флоте. Несмотря на неудачный исход, это восстание имело большое значение для дальнейшего развития революционной борьбы. Еще в 1904 году после приказа об отправке эскадры ген. Рождественского на Дальний Восток, усилилось брожен ие среди моряков. После январского расстрела рабочих в Петрограде, моряки начали разрабатывать детальный план восстания. Согласно этому плану во время осенних практических занятий и учебной стрельбы (август—сентябрь 1905 г.) по сигналу броненосца «Екатерина II» должно было начаться восстание. Уничтожив наиболее реакционных офицеров, подвергнув аресту остальных и подняв красные революционные флаги, флот должен был двинуться к городам Черноморского побережья для того, чтобы поднять всеобщее восстание. Восстание на броненосце «Потемкин-Таврический» произошло несколько ранее условленного срока и своей изолированностью сорвало всю общую подготовительную работу. 14 июня 1905 года команда «Потемкина» в ответ на непрерывное издевательство командного состава и питание гнилой пищей, арестовала всех офицеров, часть из них расстреляла и подняла красный флаг. Войдя в Одесский порт, команда «Потемкина» пыталась установить связь с революционными организациями на берегу. Обнаружилось полное бессилие и пехотного и морского командования в г. Одессе. Вице-адмирал Чухнин, несмотря на категорическое требование Николая II немедленно подавить восстание и уничтожить мятежный броненосец, оказался не в силах сделать этого. «Море в руках мятежников» доносит он своему государю 18 июля; при попытке двинуть против «Потемкина» Черноморскую эскадру на сторону восставших переходит «Георгий Победоносец», и Чухнин вынужден, из-за боязни превратить этот бунт во всеобщее восстание флота, уйти с эскадрой в открытое море. Пять дней «Плавучая Республика» находилась в водах Черного моря. Недостаток угля, полная оторванность от берега и нерешительность самих революционеров, заставили броненосец уйти в Констанцу и сдаться румынским властям. Так бесславно кончилась эта первая героическая попытка воору-

женного восстания против царизма во флоте. Если бы одесские рабочие поддержали-бы это движение, если бы меньшевистские соглашатели не мешали нашей партии вести подготовку этого восстания, если-бы, наконец, революционная команда «Потемкина» была бы решительней — эти события имели-бы еще бо́льшие результаты для подрыва царизма.

Деятельность военных организаций, революционные вспышки в войсковых частях, восстания во флоте — все это доказывает, что уже в 1905 г. царская армия и флот не были монолитным организмом. Начинался внутренний распад, и только благодаря тому, что крестьянство в своей массе не было втянуто в революционную борьбу, царизм, опираясь на бо́льшую часть армии, смог просуществовать в России до 1917 г.

Параллельно работе военных организаций в армии, революция 1905 г. порождает первые ячейки классовых вооружений пролетариата. После 9 января почти по всей России наблюдаются вспышки вооруженного восстания. Раньше всего мы наблюдаем их на Кавказе, где правильно организованные Красные дружины (цители-разми) включали в свой состав не только рабочих и крестьян, но и дезертировавших из армии солдат и даже офицеров. Западная часть Закавказья служила главным районом действия этих дружин. В восточной части Закавказья действовали революционные армянские отряды партии дашнакцутюн. Эти две боевые организации и явились ядром Красной гвардии Кавказа в 1905—1906 г.г. Особую активность проявляют революционные организации на другой окраине России, в Прибалтийском крае. Здесь к осени 1905 г. уже насчитывалось несколько тысяч подготовленных к восстанию рабочих и крестьян. Недостаток оружия, слабая связь между собою и работа в подполье затрудняют положение этих организаций. Восстание в Риге, Митаве, Виндаве, соединенное с крестьянскими бунтами против помещиков, было жестоко подавлено карательными отрядами под руководством генерала Орлова.

Такая же кровавая борьба происходила и в других, главным образом, промышленных центрах России. В Харькове рабочие механического завода Гельфериха гибнут на баррикадах, защищая восставший город. В Луганске рабочие Алчевских рудников захватывают временно город в свои руки.

Наиболее законченный характер как в отношении организации, так и в смысле тактических приемов борьбы, имели Московские боевые дружины 1905 г. Их зарождение относится к дням сентябрьской стачки этого года; боевые кадры этих дружин были незначительны: около восьмисот человек насчитывалось в партийных дружинах большевиков, меньшевиков и эс-эров, до пятисот железнодорожников действовало на вокзалах и железнодорожных линиях, наконец, около двухсот человек было зарегистрировано в небольших дружинах, не входивших в состав партий (Вольная, Университетская, Грузинская и др.).

В конце октября из представителей партийных комитетов и наиболее крупных дружин создается об'единенный «Коалиционный Совет Дружин»; для удобства управления боевыми действиями организуются штабы и намечаются сборные пункты; вся эта работа ведется уже в период разворачивания боевых сил Москвы.

Первый Совет Рабочих Депутатов был образован в Петрограде 13 октября 1905 г. «За насильственное посягательство на изменение установленного в России образа правления» Совет в полном составе был привлечен к суду. Второго декабря этого же года вновь собравшийся второй состав Совета обратился к населению с манифестом, призывавшим к свержению правительства. В ответ на этот призыв Московский Совет 4 декабря выносит постановление, призывающее московских рабочих быть готовыми каждую минуту к всеобщей политической забастовке и к вооруженному восстанию. Всеобщая стачка была об'явлена 7 декабря и в постановлении о ней указывалось, что нужно стремиться перевести эту стачку в вооруженное восстание для свержения существующего правительства, созыва Учредительного Собрания и учреждения демократической республики. Это постановление Совета было вынесено без всякой предварительной подготовки; не было ясного представления о плане борьбы, о вооруженных силах сторон, не был подготовлен штаб. Борьба, которая развернулась на улицах Москвы, шла помимо и через голову слабых руководящих центров. В этом одна из крупнейших организационных ошибок декабрьского восстания. С первого же момента борьбы было ясно, что Москва, изолированная от всей страны, успеха иметь не могла; Петербург оказался недостаточно решительным:—восьмого декабря там началась забастовка, а уже 12 она пошла на убыль. Роковое значение в развитии Московских событий имело то, что не удалось прекратить движение поездов по Николаевской жел. дороге. При помощи этой магистрали, быстро занятой правительственными войсками, была оказана помощь для подавления восстания слабому Московскому гарнизону. Уже 7 декабря ген.-губ. Ф. В. Дубасов шлет тревожные телеграммы о недостаточности войск гарнизона председателю Комитета обороны великому князю Николаю Николаевичу. Дубасов просит срочной высылки бригады пехоты; без этого он признает положение катастрофическим. Несмотря на паническое настроение военного командования, руководители соц.-демократической организации понимают опасность открытого столкновения с гарнизоном; привлечение войск на сторону рабочих становится основной задачей для успешного исхода восстания. Поэтому в первые дни стачки Исполком Совета постановил, что «при появлении войск необходимо стараться вступать в разговоры с солдатами и действовать на них товарищеским словом; открытого столкновения избегать и давать вооруженный отпор только при особенно вызывающем поведении войск».

Переход к активным боевым действиям со стороны дружинников начался лишь 9 декабря после событий в Лобковском пер. у дома Фидлера. В этом доме был созван большой митинг и сосредоточилось около 200 вооруженных дружинников. Для ареста этой незначительной группы в помощь полиции выделяется отряд из всех родов войск (в том числе два орудия) под командою ротмистра Рахманинова. После длительных переговоров и двенадцатичасовой осады (осажденные требовали свободного пропуска из дома без переписи) был открыт ружейный и артиллерийский огонь; на это осажденные отвечали выстрелами из винтовок и бросаньем бомб. После двенадцатого орудийного выстрела дружинники вынуждены были сдаться. Опыт этого столкновения выявил, что при превосходстве сил и при наличии только слабого разложения правительственных войск восставшие не могут действовать крупными частями; при отсутствии массовой вооруженной поддержки необходимо придерживаться партизанской тактики уличной борьбы.

На следующий день после разгрома дома Фидлера вся Москва покрылась баррикадами; дружинники при этом работали по общему плану, который составлен штабом боевых дружин; в первую очередь им надлежало занять окраины и вокзалы, оттесняя отсюда войска и принуждая их сложить оружие. В тактических указаниях того же штаба предусматривалось, что на время боевых действий дружины должны разбиватся на группы в два, три, самое большое пять человек; построив с помощью добровольцев баррикаду, опутав ее проволокой с телеграфных и телефонных столбов, боевая группа рассыпалась по близлежащим домам и подворотням. Правительственные войска громили баррикады артиллерийским и ружейным огнем, нанося большие потери мирному населению столицы, а боевая группа, расположившись под солидным прикрытием, открывала вовремя меткий одиночный огонь по наиболее важным целям. Неуловимость дружинников приводит в ярость Дубасова, который приказывает беспощадным артиллерийским огнем смести с лица земли все баррикады; войскам приказано было открывать огонь по каждой даже незначительной группе собравшихся обывателей. Фактически 10 декабря дружины, как единое целое, не приняли участия в борьбе. Коалиционный совет не дал никаких указаний и борьба развертывалась совершенно стихийно.

Одиннадцатого и двенадцатого декабря события продолжали развиваться. Первая неудача постигла дружинников в борьбе за обладание Каланчевской площадью и Николаевским вокзалом. Сумские драгуны сумели отразить все атаки восставших, и Николаевская жел. дор. оказалась свободной для подвоза подкреплений. В других местах города положение немногочисленных частей Московского гарнизона становилось критическим. Двенадцатого декабря по улицам Москвы расклеивалось воззвание (см. приложение № 1 и 2), в котором давались важные такти-

ческие указания для восставших. «Главное правило», говорилось в этой инструкции «не действуйте толпою. Действуйте небольшими отрядами, человека в три-четыре, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше и пусть каждый из них выучится быстро нападать и быстро исчезать. Полиция старается одной сотней казаков расстреливать тысячные толпы. Вы же против сотни казаков ставьте одного-двух стрелков. Попасть в сотню легче чем в одного, особенно если этот один неожиданно стреляет и неизвестно куда исчезает. Полиция и войска будут бессильны, если вся Москва покроется этими маленькими неуловимыми отрядами... Не занимайте укрепленных мест... Пусть нашими крепостями будут проходные дворы и все места, из которых легко стрелять и легко уйти. Если даже такое место займут, то никого там не найдут, а потеряют многое».

13 декабря со ст. Перово и Люберцы прибыли дружинники Московского железнодорожного узла. В городе строились новые баррикады. Дубасов продолжал обстреливать город шрапнелью. К этому моменту в войсках Московского гарнизона под влиянием партизанских действий и недружелюбного отношения населения царило полное уныние; в некоторых частях стало проявляться революционное настроение. Дубасов троекратно просил помощи у Петрограда и, наконец, 13 декабря с тревожной телеграммой обратился непосредственно к царю. В ответ на эти просьбы 15 декабря в Москву прибыл Семеновский полк под командою полковника Мина и Ладожский полк (из Варшавы) под командою Римана. В этот же день на Военном Совете, под председательством Дубасова, решено 16 декабря занять все вокзалы и начать общее наступление для ликвидации восстания. С этого момента положение резко изменилось не в пользу красных. Московская реакция воспрянула духом, настроение рабочих и дружинников падало. 16 декабря Исполком Совета об'явил о прекращении партизанской борьбы с вечера 18 декабря.

16 декабря начался артиллерийский обстрел последнего опорного пункта революционных рабочих Москвы—Красной Пресни. Здесь около трехсот дружинников из рабочих местных фабрик вели непрерывные, упорные бои с войсками и превратили свой район в сплошные баррикадные позиции. Уже к 17 декабря Пресня была окружена кольцом царских войск, под командою Мина. Большое количество домов и фабричных зданий было разрушено жестоким артиллерийским огнем, продолжавшимся в течение целого дня. После этой подготовки семеновцы начали свое наступление, и беспощадные расстрелы продолжались в течение двух дней. Почти вся Красно-Пресненская боевая дружина успела скрыться, уехав на паровозе из пределов города.

Какие уроки извлекла рабочая соц.-демократическая партия из декабрьского восстания в Москве? Уже в августе 1906 года т. Ленин дает настолько яркие, не только политические, но и

военные выводы из этих событий, что на них следует хотя бы вкратце, остановиться. Первый урок заключался в том, что рабочие массы в Москве в декабрьские дни 1905 года оказались впереди руководящих центров; от всеобщей стачки московские рабочие перешли к баррикадным боям помимо и без всяких директив от коалиционного совета или совета рабочих депутатов. Вместо решительного и активного руководства сверху—мы там наблюдали одни бесконечные колебания. Тов. Ленин писал... «Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления—значит, обманывать и себя, и народ». Другой урок касается привлечения правительственных войск на сторону народа. Московское восстание с полной ясностью обнаружило, что здесь одним убеждением многого достигнуть нельзя. В то время как правительство всеми средствами (обезоруживание и аресты негодных войск, награды, подкупы и спаивание отличившихся) боролось за колеблющееся войско, красные в этом отношении предпринимали очень мало. Значение силы при наличии элементов внутреннего распада—вот урок, который рабочая партия вывела из учета Московских событий. Наконец, третий и особенно важный урок касается приемов уличного боя и тактики баррикадной борьбы. Изменившаяся военная техника требовала и новых приемов борьбы. Если в первые дни восстания мы еще видели попытки дружинников массой (скопом) бороться против лучше вооруженных и более многочисленных правительственных войск, то уже с 12 декабря практика боевой работы заставила дружинников перейти к приемам партизанской борьбы. Подвижные и чрезвычайно малочисленные отряды, обладающие большой инициативой и беззаветной храбростью, при всеобщем сочувствии широких масс Московского населения,—вот что позволило в течение 9 дней рабочим держать в своих руках весь город. Декабрьское восстание выдвинуло лозунг партизанской тактики в уличном бою; слабость сил, несогласованность в действиях, неподготовленность руководителей—все это принадлежит к тем минусам, которые надлежащим образом были учтены в 1917 году.

Не менее важные уроки получила с.-д. партия и в отношении организации всеобщего восстания. В декабрьские дни силы противника не были разобщены одновременностью восстания в разных пунктах; всеобшая забастовка не была организована, и потому войсковые части не оказались изолированными друг от друга; неразрушенные железные дороги быстро позволили правительству подбросить нужные подкрепления Москве; сохранность телеграфных и телефонных линий позволила царизму сохранить все нити управления в своих руках.

Все эти уроки вместе с кадрами бойцов остались от 1905 года и в этом—величайшее значение пролога Октябрьской революции.

ГЛАВА II.

Разложение старой армии.

Февральский переворот и армия.—Июньское наступление.—Занятие немцами Риги.—Корниловский мятеж.—Выводы.

Во время революции 1905 года можно было наблюдать, как зачатки фабрично-заводских боевых дружин и ячейки военной организации с.-д. партии внутри царской армии создавали ядра, которые к октябрьским дням 1917 г. выросли в красную вооруженную силу.

Красная армия слагается из двух элементов 1) из старой царской армии, в которой путем расслоения разнородных элементов происходил отбор революционного ядра, явившегося основой для наших первых формирований после октябрьского переворота; 2) из Красной гвардии, которая с 1905 года служила пролетарской защитой для революции.

При изложении событий 1905 года мы уже могли наблюдать все элементы разложения царской армии. В течение мировой войны и второй революции это разложение превратилось в распад. Война лучше всякого другого явления народной жизни выявляет недостатки того или иного режима. Состояние культуры, экономики, борьба классов—все это находит свое отражение в армии и оказывает соответствующее влияние на ее способность к сопротивлению. Наша русская армия была детищем неразвитого капитализма и гниющего помещичьего хозяйства; отражая в себе разнородные элементы, входившие в ее состав, она начала разлагаться задолго до октябрьского переворота. Остановимся вкратце на главных причинах этого распада, разделяя их на материальные и моральные.

В настоящее время не нуждается в доказательствах тот факт, что Россия была неподготовлена к мировой войне. Несмотря на официальные заявления военного министра Сухомлинова в начале 1914 года о том, что русская армия сразу после начала боевых операций может начать повсеместное наступление,—уже к октябрю 1914 г. начинает чувствоваться на фронте недостаток боевых припасов. В феврале 1915 года наштаверх посылал в центр тревожные телеграммы о катастрофическом

положении армии в отношении снарядов и артиллерии. Особенно тяжелым для армии оказалось галицийское отступление в 1915 году. В это же время в тылу, не без участия ответственных руководителей военного ведомства, имели место большие хищения, которые вскрылись в 1917 г. во время известного процесса Сухомлинова. К концу 1917 года по данным Ставки сильно ухудшилось положение с продовольствием и транспортом. Эти материальные факторы решающим образом влияли на состояние армейского организма. Для учета морального состояния войск необходимо иметь в виду, что армия в корне изменила свою сущность за время войны. Непрерывное уменьшение кадрового состава и приток новых пополнений превратили армию в конце мировой войны в вооруженный народ; элементы классовой борьбы и противоречия, которые существовали и развивались в условиях мирной обстановки, были принесены и в армейскую среду. Взаимоотношения командного состава и рядовых солдат еще более усложняли разрешение указанных противоречий. Подбор высшего командного состава зачастую производился не в зависимости от личных заслуг кандидатов, а благодаря связям и протекции. Командный состав в своем большинстве оказался неподготовленным не только в политическом, но даже и в военном отношении [1]). — Указанные выше причины привели к тому, что в архивах штабов дивизий, корпусов и армий, начиная с 1914 года, мы находим ясные следы разложения царской армии. Здесь и многочисленные случаи уклонения от участия в боевых столкновениях (самострелы), здесь и массовое дезертирство, и добровольная сдача в плен (см. прилож. № 3). Из доклада наштаверха Духонина, относящегося к сентябрю 1917 года выясняется, что из пятнадцати миллионов солдат, взятых из страны за время мировой войны, только два миллиона бойцов находились непосредственно в боевом соприкосновении с противником; остальные тринадцать миллионов распределялись следующим образом: в тыловых учреждениях действующей армии (парки, обозы, хлебопекарни, склады и т. д.)—три с половиной миллиона; в Красном Кресте, Земском и Городском Союзе, на постройке дорог и позиций—три миллиона; в тыловых округах России—полтора миллиона, а, кроме этого, два миллиона дезертиров и более двух миллионов в плену. Цифры эти достаточно красочны и не нуждаются в пояснениях.

Подводя общие итоги, необходимо признать, что уже к февральскому перевороту 1917 года царская армия носила в себе все признаки разлагающегося организма. Последующие события революционной эпохи лишь ускорили и обострили этот процесс, приведя армию в состояние полного распада.

---

[1]) Указанные черты выявляются особенно отчетливо из переписки генерала Янушкевича с Сухомлиновым, опубликованной в журнале „Красный Архив“. Яркие иллюстрации состояния командного состава можно найти в „Очерках русской смуты“ ген. Деникина.

24 февраля 1917 года на улицах Петрограда начались первые столкновения рабочих с полицией. Массовое движение поддерживалось Петроградским гарнизоном, который целиком перешел на сторону бастующих рабочих. К этому моменту у пролетариата еще не было хорошо организованной партии, отсутствовала связь с крестьянством и армией; поэтому, в результате массового выступления рабочих, власть переходит в руки более организованной крупной и мелкой буржуазии. Государственная Дума образовала первое Временное Правительство под руководством кн. Львова.

Каково же отношение фронта к этому перевороту? Прежде всего следует вкратце остановиться на неудачной попытке вооруженной ликвидации февральской революции. Военный министр Беляев 26 февраля требовал у Ставки присылки надежных частей в Петроград; наштаверх Алексеев от имени государя приказывал главкосеву и главкозапу иметь на готове для отправки в Петроград по бригаде пехоты с артиллерией и по бригаде конницы во главе с «энергичными генералами», как сказано в подлинной телеграмме; тесную связь со Ставкой поддерживал также председатель Думы Родзянко, которого сильно беспокоил «переход войсковых частей на сторону черни». Во главе этой последней карательной экспедиции царизма Николай II приказывает назначить удачного усмирителя Кронштадтского восстания 1905 года ген.-ад. Иванова; кроме указанных выше войск, в его распоряжение передавался «вполне надежный» Георгиевский батальон, расположенный в Могилеве. Но, после 1905 года крестьянство на своей спине выдержало и волну реакции, и Столыпинские реформы, и мировую войну; к 1917 г. надежных частей для защиты царизма в армии не оказалось. 28 февраля ген. Иванов с Георгиевским батальоном прибыл из Могилева в Царское село; он не начал решительных действий против Петрограда; навстречу батальону выехали многочисленные делегации, раз'яснявшие смысл событий; Георгиевские кавалеры отказались продолжить свое движение и возвратились на ст. Дно. Части северного фронта дальше Луги проехать также не смогли; сдав свои винтовки делегатам запасных частей они заявили, что против своих драться не будут. Запоздалая телеграмма Николая II от 2 марта приказывала Иванову приостановить боевые действия против Временного Правительства. Эта попытка доказала, какое слабое влияние имел царизм в своей армии, которая до войны являлась его единственной опорой в стране.

В первый период после февральского переворота создалась видимость повсеместного под'ема на фронте и в тылу. Началось стихийное стремление к организации, повсюду создались комитеты, созывались об'единяющие их с'езды. С особой силой вырывается наружу придушенная потребность в свободном слове; бесконечные речи, собрания, митинги, резолюции — все это в первые дни создает впечатление бодрого настроения армии. Но

это была только видимость. На самом деле в глубоких недрах крестьянских масс на фронте и в тылу, и тем более в среде русских пролетариев назревал процесс, который черпал свои силы, не только из классовых противоречий, но и из политики Временного Правительства. Солдаты на фронте чутко прислушивались к событиям в тылу. Для удержания их в окопах требовалась совершенно ясная постановка вопроса о целях войны. Между тем Временное Правительство, несмотря на декларацию Петроградского Совета от 14 марта о готовности заключить мир без аннексий и контрибуций, продолжало делать заявления о верности союзникам и необходимости продолжать войну до победного конца. Вместо разрешения аграрных требований крестьянства начались аресты радикальных земельных комитетов. Солдаты становились более требовательными, придирчивыми, начались конфликты с оборонческими и соглашательскими комитетами, а также с офицерством.

Первые вспышки мщения революционного народа проявились среди матросов. Именно они были крепче других зажаты тисками царской дисциплины, они же первые учинили расправу с ненавистными ими офицерами. 14/III в Кронштадте матросами был убит военный губернатор Вирен, начальник порта контр-адмирал Бутаков и мн. др. офицеров. 17/III был убит командующий Балтфлотом Непенин.

Было бы большой ошибкой преувеличивать значение первых декретов по демократизации армии. Приказ № 1, декларация прав солдата и другие декреты фиксировали этапы, которые уже были пройдены революцией в своем стихийном движении вперед. Временное Правительство, не имея понятной и приемлемой для масс базы для продолжения кровавой борьбы, должно было, опираясь на комитеты, в первый период находившиеся в руках эс-эров и меньшевиков, прикрыть революционными фразами империалистическую сущность своего стремления к победе. Ген. Алексеев, во время демократического совещания в Москве, говорил по поводу приказа № 1: «*он первый положил начало к глубокому разложению и расколу армии на две части*[1]): солдат это—одно, а офицер, якобы враг солдату,—другое». Это очень примитивное об'яснение причин разложения армии; такое же отношение к первым декретам мы находим не только среди правых, по своим взглядам офицеров, но и на левом крыле в среде активных военных работников Временного Правительства. А. И. Верховский в своем дневнике «Россия на Голгофе» [2]) записывает по поводу этого же злополучного приказа: «Как бомба с ядовитыми газами, упал к нам приказ № 1. Будь проклят человек, придумавший эту га-

[1]) Курсив мой.

[2]) Дневник издан А. И. Верховским после выхода из состава Временного Правительства в предоктябрьские дни.

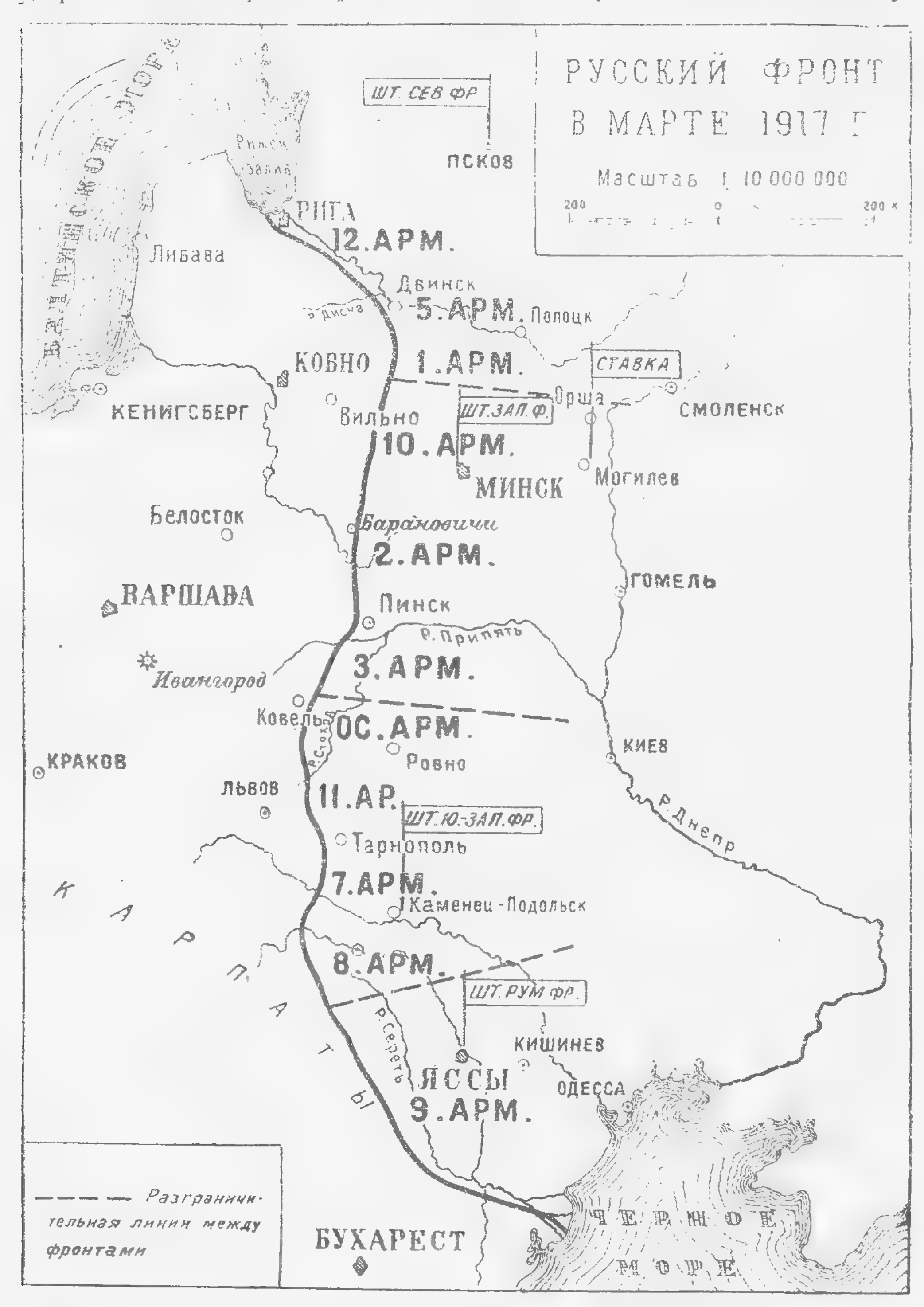
дость. Что сделал он армии, что сделал он России? Ведь теперь чернь получила язык, которым она может говорить». Не декреты и приказы являлись причиной развала армии, а длительный процесс, который изложен выше в кратких чертах.

В указанных выше условиях Керенский начинает подготовку к июньскому наступлению. С политической точки зрения это означало окончательный разрыв официальной демократии Временного Правительства с революционными массами страны. «Переход к наступлению—говорил тов. Ленин—на первом с'езде Советов в июне 1917 года,—есть перелом всей политики Русской революции, т.-е. переход от ожидания, от подготовки мира революционным восстанием снизу к возобновлению войны». С военной точки зрения организацию этого наступления также нельзя признать целесообразной.

Состояние армии, правда без понимания причин, было хорошо известно главному командованию. Командующий юго-западным фронтом ген. Брусилов еще 24 апреля доносил в Ставку: «На достаточный и своевременный приток укомплектований рассчитывать нельзя и по всей вероятности части к началу операций не будут доведены до их штатного состава. Внутреннее состояние войск под влиянием все непрекращающейся германской пропаганды (?) значительно ухудшилось и, несмотря на все принимаемые строевым начальством меры, грозит развалом. Ухудшение подвоза продовольствия вызвало систематическое недоедание, отразилось на физическом и нравственном состоянии войск, вызывая чувство озлобления, а крайний недостаток фуража влечет за собой усиленный и угрожающий падеж лошадей, в которых и без того ощущается громадный недостаток». Большой и вполне понятный пессимизм в возможности успешного наступления — вот вывод из этого послания ген. Брусилова. Начало наступления откладывалось несколько раз. Однако, необходимость поддержать с русской стороны активные операции союзников, которые начались в конце марта 1917 года, заставляет Временное Правительство торопить командование с началом наступления.

30 марта была подписана окончательная директива Ставки. Главный удар согласно этой директиве наносился юго-западным фронтом из района 7-ой и 11-ой армий на Львовском направлении с вспогательными ударами на Сокаль и Мармарош-Сигет. На румынском фронте одновременно с юго-западным приказывалось начать наступление с общей целью занять Добруджу; на северном и западном фронтах предлагалось нанести вспомогательные удары на участках по выбору главнокомандующих. В развитие общего приказа главкоюз Гутор 3 (16) июня подписывает директиву о том, что операции по захвату Злочевского и Бржежанского районов с прорывом позиции противника возлагаются на 7-ю и 11-ю армию; особая армия короткими ударами не должна была допустить переброску, находившихся

против нее сил на главное направление; наконец, 8-ой армии приказывалось прикрыть операции со стороны Карпат и нанести удар на своем правом фланге с целью продвижения в долину

реки Ломницы и развития дальнейшего успеха на Калуш и Болехов. В резерве фронта оставлялись два гвардейских, один

стрелковый и один кавалерийский корпуса. На всем фронте сосредоточивалось большое количество тяжелой артиллерии. Личные выезды Керенского и других членов правительства. агитационная кампания за наступление знаменовали собою усиленную моральную подготовку фронта. 18 июня 7-я и 11-я армии начали атаку неприятельских позиций; в течение первых двух дней эти армии имели незначительный успех, а затем началось топтание на месте. Особая армия производила демонстративные удары, которые не оказывали влияния на общий ход операций. 8-я армия, имевшая пассивную задачу, начала свое наступление 23 июня, и ударные корпуса, продвигаясь успешно, к вечеру 27 июня заняли Галич, а 28—Калуш. К 30 июня угас наступательный порыв и в этой армии. Искусственно созданного под'ема хватило не надолго. Подготовка к новому удару совпала с сосредоточением немцами в начале трех, а потом шести дивизий против левого фланга 11-й армии. 6 июля эти дивизии начали свою атаку и 8 июля уже подошли к городу Тарнополю, который являлся базой фронта и имел большие запасы снарядов и продовольствия. 11-я, за ней 7-я и 8-я армии откатывались почти без всякого сопротивления и к 15 июля заняли позиции вдоль государственной границы. Отступление сопровождалось сильными погромами в Тарнополе, Калуше и Станиславове. Июльская катастрофа быстро распространилась на западный фронт. И здесь, несмотря на значительное превосходство сил и средств, после первого незначителного порыва, следует оставление неприятельских позиций и отход в прежнее положение.

Как раз в этот момент на фоне общего развала в армии и стремления Временного Правительства принять «решительные меры» выдвинулся впервые ген. Корнилов (командарм 8). С 7 июля он вступил в командование юго-западным фронтом и в тот же день послал правительству резкую телеграмму, в которой без всяких тонкостей выявил свое отношение к развертывающимся событиям: «армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит ...это бедствие может быть прекращено, и этот стыд или будет снят революционным правительством, или, если оно не сумеет этого сделать, неизбежным ходом истории будут выдвинуты другие люди, которые, сняв бесчестие, вместе с тем уничтожат завоевания революции и потому тоже не смогут дать счастья стране». Далее Корнилов в еще более резких выражениях требовал введения смертной казни и организации полевых судов на театре военных действий; в случае невыполнения этих требований Корнилов грозил сложением своих полномочий. В этом призыве уже чувствовалась августовская программа Корнилова, вокруг которой об'единились все контр-революционные силы страны. Керенский в этот момент последовал за корниловскими предложениями.

12 июля на фронте была восстановлена смертная казнь. 15 июля вновь введена в жизнь военная цензура и созданы военно-революционные суды. Для обсуждения вопросов о восстановлении дисциплины Керенский созвал 16 июля особое совещание в ставке. На этом совещании ген. Деникин формулировал те меры, которые, по его мнению, могли восстановить боеспособность в армии: из'ятие политики из армии, возращение власти начальникам и командирам, распространение военно-революционных судов и смертной казни на всю страну — вот основные требования ген. Деникина. Соглашательская позиция правительства в основных вопросах революции все более осложняла его положение на фронте и в тылу. Росло стихийное стремление солдат вернуться к себе на родину, с другой стороны, нарастало контр-революционное брожение в среде недовольного отсутствием твердой власти и развалом армии офицерства. 17 июля Корнилов сменил Брусилова и вступил в верховное командование всеми армиями фронта. Этим фактом Керенский значительно ускорил дальнейший процесс развала армии. Солдатские массы левели, усиливалось влияние большевистских ячеек в армии; в это же время Корнилов и Каледин своими выступлениями на Московском Государственном Совещании еще более обострили взаимоотношения между офицерами и солдатами.

Между тем еще не успело закончиться наше отступление на юго-западном фронте, как немцы подготовили для нас новый удар. Людендорф в своих воспоминаниях указывает, что никаких наступательных операций на русском фронте в крупном масштабе производить не предполагалось. Все внимание немцев в это время было сосредоточено на своем западном фронте; американские перевозки продолжались с возрастающей энергией; выявилась безрезультатность ведения подводной войны; опасность с запада росла для немцев с каждым днем войны. Поэтому, правильно учитывая общее состояние русской армии, немцы ждали естественного развала нашего фронта и отдельными ударами в важнейших направлениях стремились ускорить этот процесс.

18 августа 8-я немецкая армия ген. Гутьера, после сильной артиллерийской подготовки, заняла Икскюльское предмостное укрепление и, переправившись через Двину, прорвала расположение 12-й армии. 20 августа немцы перешли в наступление вдоль Митавского шоссе против 6-го Сибирского корпуса. Икскюльская группа противника, быстро распространяясь на север, угрожала захватом путей отступления правофланговых корпусов армии. 12-я армия откатилась на 60—70 верст, потеряв соприкосновение с противником, и лишь к 25 августа штабу армии удалось восстановить связь и управление корпусами, расположение которых фиксировалось на линии Венденских позиций. Немцы, не продолжая своего наступления, пере-

бросили вновь две дивизии с этого участка на западный фронт.

Таким образом, оправдалось предсказание ген. Корнилова, которое он делал на Государственном Совещании за четыре дня до начала наступления немцев на Ригу. «Враг уже стучиться в ворота Риги,—говорил Корнилов,—и если только неустойчивость нашей армии не даст нам возможности удержаться на побережьи Рижского залива, дорога к Петрограду будет открыта» Было бы неправильно из этих слов делать вывод о преднамеренной виновности главного командования в этой неудаче. Здесь играло роль и общее состояние войск, и растерянность штабов, и, наконец, умелые и решительные действия немецкой армии.

На фоне этих поражений и общего состояния армии и страны выросла попытка Корниловской реставрации. Воспоминания почти всех участников этого движения (Керенского, Савинкова, Деникина, Лукомского, Краснова и др.) позволяют нам восстановить ход этих событий с достаточной полнотой. Суб'ективизм упомянутых воспоминаний заставляет, однако, с большой осторожностью подходить к выводам о роли и взаимоотношениях, существовавших между героями этой эпопеи. Ген. Деникин так определяет суть этого движения: «Корнилов стремился вернуть власть в армии военному вождю и ввести на территории всей страны такие военно-судебные репрессии, которые острием своим в значительной степени были направлены против Советов и особенно их левого сектора. Поэтому, не говоря уже о глубоком политическом расхождении, борьба Советов против Корнилова являлась вместе с тем их борьбой за самосохранение». Сам Корнилов откровенно признавался Лукомскому (начальнику штаба при нем) после возвращения с Московского Совещания: «пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет Рабочих и Солдатских Депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде больше не собрался». Суммируя обращения, речи и телеграммы Корнилова, получим следующие требования: независимость власти от Советов, создание боеспособной армии без политики, невмешательство комитетов и комиссаров в работу командного состава, применение суровых мер наказания вплоть до смертной казни за военные проступки.

Каково же отношение Временного Правительства к этим требованиям? После Рижских событий управляющий военным министерством Савинков вел с Корниловым в Ставке длительные переговоры. Он уверял главковерха в готовности Керенского выполнить большинство требований, связанных с укреплением армии. Одновременно (24 августа) Савинков указывал, что, в связи с опубликованием этих мероприятий, могут возникнуть серьезные осложнения в Петрограде; по сведениям Правительства 28—29 августа в столице ожидалось выступление большеви-

ков. Савинков поэтому от имени Временного Правительства просил распорядиться о направлении 3-го конного корпуса в Петроград, так как на гарнизон столицы рассчитывать нельзя; после сосредоточения конного корпуса предполагалось об'явить военное положение и подавить восстание большевиков. «В случае, говорит Савинков, если, кроме большевиков, выступят и члены Советов Р. и С. Д., нам придется действовать против них,» при этом Савинков прибавлял, что действия должны быть самые решительные и беспощадные. Савинков добился полного соглашения с Корниловым, который, по просьбе Керенского, обещал не направлять дикой дивизии в составе конного корпуса и не назначать во главе отряда ген. Крымова. Таким образом, в этой стадии переговоров за 3 дня до открытого разрыва мы должны причислить к «мятежникам» не только Савинкова, но и самого Керенского, который в своих воспоминаниях не отрицает указанных выше распоряжений. Корнилов, таким образом, в этот период предполагал пойти на соглашение с Керенским. Но военные круги, офицерские организации и ряд ближайших советников главковерха шли дальше и откровенно требовали единоличной диктатуры Корнилова. Губернаторский дом в Могилеве (Ставка) в течение августа 1917 года становится центром, приковывающим к себе внимание всех контр революционных сил страны. Устанавливались организационные связи с целым рядом белогвардейских организаций. Главный комитет офицерского союза производил при помощи Ставки тайную переброску офицеров из действующей армии в Петроград с официальным назначением обучаться бомбометанию; оживленные сношения происходили между Ставкой и Советом Союза Казачьих войск; активную поддержку обещал Корнилову и так называемый «Республиканский центр»; у Деникина приводится перечень тех организаций, которые в конце июля подали Корнилову коллективное обращение с обещанием поддержки. Это были: 1) Военная лига, 2) Союз георгиевских кавалеров, 3) Союз воинского долга, 4) Союз чести родины, 5) Союз добровольцев народной обороны, 6) Союз спасения родины и многие др. Из воспоминаний Винберга («В плену у обезьян») выясняется, что в эти дни «Республиканский центр» вел напряженную работу в связи с предстоящим выступлением. Решительный день должен был наступить в тот момент, когда корпус ген. Крымова или авангард, составленный из дикой дивизии, подойдет к окрестностям Петрограда. К этому времени, находившиеся в столице офицеры-заговорщики, заранее распределенные по группам, должны были выполнить свои задачи по захвату броневых автомобилей, аресту Временного Правительства, аресту и казни наиболее влиятельных членов Совета. Дальнейший порядок в Петрограде должен был восстановить ген. Крымов.

24 августа был окончательно сформирован третий казачий корпус и особым приказом главковерха в этот корпус была

включена и дикая дивизия с подчинением всех войск ген. Крымову. В ночь на 27 августа Савинков получил в Петрограде извещение ген. Корнилова о том, что корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 27 августа. Директивы, данные Крымову, заключались в следующем: «В случае оплучения от меня (Корнилова) или непосредственно на месте сведений о начале выступления большевиков, немедленно двинуться на Петроград, занять город, обезоружить части петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать советы». Никаких указаний на тот случай, если большевистского восстания не произойдет, у ген. Крымова на руках не было. Таким образом, в этой стадии мы еще не видим наличия открытого мятежа Ставки против Временного Правительства. Наоборот, все действия Корнилова (за исключением, правда, назначения начальником войск ген. Крымова и включения в отряд дикой дивизии) направлены на выполнение директив, которые были даны самим Керенским.

За день до этого, т.-е. 26 августа, Керенского посетил известный буржуазный деятель В. Н. Львов, который передал премьеру ряд предложений Корнилова, из коих главными были: об'явить немедленно Петроград на военном положении, передать всю власть военную и гражданскую в руки верховного главнокомандующего и, наконец, Керенскому вместе с Савинковым прибыть в Ставку для окончательных переговоров. Керенский по прямому проводу проверил подлинность этих предложений и в ночь на 27 августа предложил Корнилову сдать свои обязанности командсеву ген. Клембовскому, а последнему остановить все перевозки войск на Петроград. Никаких реальных мер защиты против наступавших частей третьего корпуса Правительство не принимало. Керенский, не желая порывать коалицию с кадетами и буржуазией, пытался мирно ликвидировать этот конфликт. Но уже 28 августа он значительно расширился, захватив всю армию и страну. В ответ на воззвание Керенского, Корнилов выпустил свое об'явление, обращаясь ко всем фронтам и требуя поддержки общественного мнения страны для установления единоличной диктатуры (см. прилож. № 4). На его призыв немедленно откликнулись командующий юго-зап. фронтом Деникин, командзап Балуев и командсев Клембовский, при чем последний, несмотря на получение приказа Керенского о приостановлении движения третьего корпуса, подтвердил директиву о дальнейшем движении всех войск на Петроград. Откликнулся на этот призыв и казачий атаман Каледин, обещавший оказать Корнилову полную поддержку. Таким образом, верхушка армии оказалась всецело на стороне диктатуры ген. Корнилова.

Руководство обороной против корниловщины из Зимнего дворца (местопребывание Временного Правительства) быстро переходит в Смольный (местопребывание советских организаций).

Здесь был создан коалиционный военно-революционный комитет, который вооружил рабочих Петрограда и разослал телеграммы железнодорожным организациям о перерыве путей сообщения, ведущих к Петрограду. Наиболее активную работу вели в эти дни организации большевистской партии во всей стране. В Петрограде военная организация организовала митинги во всех казармах, подняла на ноги всю рабочую Красную гвардию, связалась с флотскими организациями и Кронштадтом. В ряде городов для самообороны создались революционные штабы, в которых большевики играли руководящую роль. Таким образом, корниловские дни послужили для нашей партии хорошей военной репетицией перед октябрьским переворотом.

Каковы же были те реальные силы, на которые рассчитывал Корнилов, отказываясь подчиниться Временному Правительству? В армейских массах корниловщина вызвала лишь еще большее озлобление против генералитета; здесь поддержки он получить не мог. Корнилов рассчитывал при своем выступлении на офицерство, казачьи части, военные училища, на ударников; он рассчитывал на слабость правительственного организма, на растущее недовольство всех несоциалистических слоев населения (по телеграмме Трубецкого, посланной Терещенке). Но ясного учета реальных сил у Корнилова не было. Единодушный, хотя и неорганизованный отпор рабочих, трудящихся и армейской массы, без всякого кровопролития, разрушил эту постройку, воздвигнутую буржуазией на песке.

С утра 28 августа первые 8 эшелонов казачьих войск, во главе с ген. Крымовым, прибыли в Лугу; дальше ехать было невозможно, так как путь за Лугой был разобран. Агитация партийных и советских работников быстро разложила части Крымова. Обманутым казакам с документами в руках было доказано, что никакого большевистского восстания в Петрограде нет, и что третий корпус по директиве мятежника двигается для борьбы против законной власти. Никаких решительных действий Крымов не предпринимал, так как связь со Ставкой была прервана.

В это же утро первые эшелоны дикой дивизии подошли к ст. Дно, а два из них продвинулись к ст. Вырица; далее этого пункта из-за разобранных путей эшелоны проникнуть не смогли. Между тем уже к вечеру 28 августа вокруг самого Петрограда части гарнизона вперемежку с красногвардейскими отрядами были развернуты для обороны столицы; гарнизоны Гатчины, Царского и Павловска также были выдвинуты навстречу эшелонам Крымова. Никакой реальной помощи внутри Петрограда Корнилову оказано не было. Все его организации были подавлены единодушным выступлением рабочих и частей гарнизона. Дни корниловщины были сочтены.

29 августа отряды Крымова из Луги принуждены были свернуть к Нарве; в окрестностях Петрограда шло усиленное

братание частей третьего корпуса с революционными частями петроградского гарнизона. 30 августа Крымов явился к Керенскому и после короткой беседы покончил жизнь самоубийством. Делегация от туземных частей заявила Керенскому о своем полном ему подчинении. Керенский назначил себя главковерхом, при чем фактическое руководство Ставкой перешло к ген. Алексееву (наштаверх), который выехал в Могилев для ликвидации мятежа. После длительных переговоров основные зачинщики: Корнилов, Деникин, Лукомский, Романовский были заключены в Быховскую тюрьму.

Выступление Корнилова окончательно убило в трудящихся веру в коалиционное правительство. Кадеты в корниловские дни, не желая поддерживать социалистов, вышли из состава правительства. По всей стране начался быстрый процесс полевения масс. На всех выборах в советы и городские самоуправления побеждают большевики. Армия еще более убедилась в неспособности Временного Правительства довести дело мира до конца. Мысль о полной невозможности четвертой зимней кампании проникла в толщу солдатских масс. Корниловщина ясно обнаружила, что у страны остался один выход—это переход власти к рабочим и крестьянам. Товарищ Ленин в сентябре 1917 года писал: «Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция до корниловщины могли пойти и пошли бы на Питер. Теперь картина совсем иная. За нами большинство класса, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.»

Было бы неправильным предполагать, что наиболее «зараженные» большевистской пропагандой части были наименее боеспособными. Это не подтверждается во время Рижских событий в 12-ой армии, где латышские полки, целиком находившиеся под влиянием большевиков, оказались единственными частями, способными сопротивляться. Это не подтверждается на Моонзунской операции, где Балтийский флот, который всегда внушал недоверие Главному Командованию, выявил достаточную стойкость в борьбе с немецким флотом. В нескольких строках остановимся на этой последней операции перед октябрьским переворотом. По словам Людендорфа немецкая эскадра была использована полностью с целью дать ей какое-либо боевое применение (и там начинала чувствоваться возможность разложения). Намерение немцев захватить Моонзунд было известно нашему командованию еще весною 1917 года; поэтому появление немецкой эскадры не было для нас неожиданностью; размеры ее, однако, были значительно больше тех, какие мы могли предполагать. Немцы, под командою вице-адм. Шмидта, сосредоточили 11 дредноутов, 9 крейсеров, 47 миноносцев и около 90 вспомогательных судов (в том числе пятнадцать океанских пароходов для перевозки десантного отряда). Десантный отряд состоял из частей 23-го корпуса, общей численностью 23 тысячи человек и пять

тысяч лошадей. Мы при максимальном напряжении сил смогли противопоставить немецкой эскадре только два дредноута, три крейсера, двадцать семь эскадренных миноносцев и около пятнадцати вспомогательных судов; на островах находились слабые оборонительные позиции, которые занимались всего 8-ю тысячами человек. Столь внушительное превосходство немцев предвещало им верную победу. 29 сентября эскадра подходит к бухте Тагелахт; высадка не встречает сопротивления со стороны сухопутных частей, которые отступают к дамбе, расположенной на восточной окраине острова Эзеля. В этот же день часть немецкой эскадры безуспешно пытается пробиться через Соэло-Зунд. 30 сентября г. Аренсбург оставляется нашими войсками; этим ухудшается положение защитников Ирбенского пролива с суши. На следующий день, несмотря на сильный и превосходный огонь немцев, нашим судам удается выставить минное заграждение в Соэло-Зунде. Второго октября начались операции по захвату Ирбенского пролива. Помощь нашим сухопутным батареям оказывали «Гражданин» и «Слава». На следующий день артиллеристы, не выдержав напряженного состояния, эвакуировали Церель; с разсветом 4 октября немецкая эскадра прорвалась в Рижский залив и начался неравный бой с нашей эскадрой. С боем наши суда эвакуировались во внутренние воды Финского залива. Ф. Васильев, исследовав в специальном труде эту операцию, считает основной причиной неудачи не потерю боеспособности флота, а недостаток сухопутных и морских сил, весьма слабую подготовку позиций на островах в инженерном отношении и отсутствие согласованности в действиях сухопутных войск и флота. Таким образом, среди моряков Балтфлота, которые являлись верной опорой большевистской партии, были крепко заложены принципы революционной обороны и здоровое стремление сохранить боеспособность флота.

Предыдущее изложение событий на фронте и в тылу с февральского переворота до октябрьских дней было произведено нами с целью анализа тех причин, кои привели к развалу царскую армию. Развал этой армии был следствием не только политической пропаганды большевиков; основные причины этого распада значительно глубже. Военные катастрофы при царском режиме, неподготовленность к мировой войне и к обороне государства—все это уже с 1914 года начало подрывать цельность армейского организма. Февральская революция еще с большей отчетливостью обнажает внутренние классовые противоречия в армии и вместе с тем увеличивает и трудности материального порядка. Временное Правительство, стремясь довести все основы феодально-помещичьего режима до Учредительного Собрания и продолжать войну до победного конца, встретило сильное сопротивление в массах и подорвало совершенно основы слабого армейского организма. Корниловский мятеж привел армию в состояние полного распада, а политическая работа

большевиков позволила выделить из нее наиболее сознательные элементы, кои послужили верной опорой рабочей революции.

Вся остальная масса не была годна в момент октябрьского переворота для строительства новых вооруженных сил. «Она должна была атомизироваться, распылиться, — каждый солдат, рабочий и крестьянин должен был войти в свои трудовые соты, трудовые ячейки, чтобы оттуда, возродившись, он мог снова войти в новую армию, построенную сообразно с интересами и задачами новых классов, ставших у власти — рабочих и крестьян, не эксплоатирующих чужого труда».

(Троцкий).

ГЛАВА III.

Вооруженные силы Октябрьской революции.

Октябрьский переворот и старая армия. Поход Керенского на Петроград. Ликвидация ставки. Создание армии на добровольческих началах.

В предыдущей главе мы рассмотрели в основных чертах процесс разложения царской армии. Для понимания второго процесса—создания вооруженных сил Октябрьской революции. необходимо в самых кратких чертах изложить работу военных организаций нашей партии и рабочих дружин Красной гвардии за период с февраля по октябрь 1917 года.

Незначительная по своим размерам работа велась коммунистической партией в армии уже во время мировой войны. С начала февральской революции эта работа оформилась, и большевистские военные организации создались повсеместно параллельно «демократическим» комитетам и комиссарскому аппарату Временного Правительства. Центром всей этой работы становится Петроград. Уже на втором легальном заседании Петроградского комитета РС-ДРП (бол.) была выделена военная комиссия для работы в частях петроградского гарнизона. Такие же ячейки выделились на северном фронте и в Балтийском флоте. Уже в середине апреля 1917 года в Петрограде начала выходить газета «Солдатская Правда», которая быстро становилась центральным органом военной организации нашей партии; в 12-ой армии издавалась, пользовавшаяся большой популярностью среди солдатских масс, «Окопная Правда»; несмотря на энергичную борьбу с «большевистской заразой», отождествляемой с германским шпионажем,—военные организации нашей партии быстро приобретали значительное влияние в старой армии. Тов. Ленин отчетливо понимал громадное значение создания вооруженных сил пролетариата после февральского переворота. «Народу нужно поголовно учиться владеть оружием и поголовно входить в милицию, заменяющую полицию и постоянную армию» писал тов. Ленин в «Правде» 20 апреля 1917 года. Не менее отчетливо понимал тов. Ленин и необходимость втягивания в эту работу старой армии. «Немедленный, безусловный, повсеместный приступ к организации всенародной милиции,

к всестороннему развитию участия солдат в милиции — вот насущнейший вопрос для рабочих, крестьян и солдат — всего огромного большинства населения, большинства, не заинтересованного в охране прибылей помещиков и капиталистов».

Наиболее сильная Петроградская военная организация быстро поставила вопрос об об'единении всей работы по подготовке вооруженных сил революции, и 16 июня был созван Всероссийский с'езд военных организаций, который в своем составе насчитывал представительство до 500 отдельных частей с общим количеством 30.000 большевиков; в наибольшем числе представлен был северный фронт, частично западный, Балтфлот, Финляндия, Петроград с прилегающими гарнизонами и Москва; наиболее реакционными и оторванными от центра в это время были части румынского и юго-западного фронтов. На этой конференции выделилось Центральное бюро военных организаций, которое и об'единяло под руководством ЦК партии всю работу, которая велась в это время в солдатских массах. Основную задачу военных организаций эта конференция определила, как создание среди революционно-демократических элементов армии материального вооруженного оплота для революции. Корниловское восстание значительно способствовало ускорению подготовки масс к вооруженному восстанию. В предоктябрьские дни Военная организация создала краткосрочные курсы, через которые пропускались агитаторы перед посылкой на фронты. Военная организация совместно с военной секцией Петроградского Совета вела непосредственную подготовку вооруженного восстания в Петрограде, содействуя работе Военно-Революционного Комитета. Сравнительно легкий захват власти в октябрьские дни в Петрограде, главным образом, и об'яснялся тем, что почти весь Петроградский гарнизон был завоеван нашей военной организацией; работа наших ячеек в тылу Петрограда значительно нейтрализовала и не допустила возможности продвижения к столице юнкерских частей и ударников.

Параллельно этой работе за влияние в армии шло самобытное образование рабочих дружин Красной гвардии. В 1917 году не повторялись более ошибки 1905 года. Оружие, захваченное рабочими в февральские дни, не выпускалось ими из рук до полной победы. Сразу же после свержения царизма под разными названиями («Рабочая гвардия», «Красная гвардия», «Рабочая охрана») начали организовываться первые отряды наиболее революционного Выборгского района Петрограда; за ним следовали Нарвский, Невский и др. районы. Недостаток оружия и командного состава, отсутствие об'единения—сильнейшим образом тормозили развертывание всей работы. Препятствия для нее оказывало не только Временное Правительство, но даже и соглашательский Петроградский Совет Раб. и Сол. Деп. Церетелли открыто настаивал в президиуме первого с'езда Советов на необходимости разоружить рабочих. После июльских дней

Красная гвардия перешла на нелегальное положение. Перелом в солдатских массах петроградского гарнизона дал возможность получать вооружение и боеприпасы из складов войсковых частей. Задачей дня становилось создание общегородского об'единения Красной гвардии. Корниловское восстание было новым и сильным толчком к развертыванию пролетарских сил. Уже в эти дни был создан главный штаб Красной гвардии. К октябрьским дням было достигнуто почти полное единообразие в системе формирования. Основной единицей Красной гвардии была рота (сотня, дружина), которая обычно делилась на 3—4 десятка; на крупных заводах несколько рот (обычно 3 или 4) об'единялись в баталион, при котором формировалась пулеметная команда, команда связи, санчасть и отдел снабжения; управлением Красной гвардии в пределах района ведал штаб района, члены которого, так же как и весь остальной командный состав, были выборными; районный штаб ведал не только формированием и комплектованием отрядов в пределах района, но и снабжением их всеми видами довольствия, а также и обучением; оружие красногвардейцам выдавалось по отзыву фабрично-заводских комитетов; последние вели все личные списки и контролировали ход обучения; это обучение производилось в определенные часы, при чем дружинники сохраняли за это время свое обычное содержание. Инструкторами Красной гвардии являлись в большинстве своем командный состав или солдаты из старой армии, роль которой в этом отношении очень значительна. Для того, чтобы представить себе размеры этой работы необходимо иметь в виду, что уже в сентябре 1917 года шли регулярные занятия на 79 фабриках всех районов Петрограда; посменные занятия позволяли в течение всего рабочего дня две-трети иметь на заводах, а одну треть рабочих на военной подготовке. Эта мощная организация, плод инициативы авангарда петроградских пролетариев,—послужила первой опорой советской власти в октябрьские дни. На Пулковских высотах, против польских легионеров, Петлюры, Каледина и Дутова —всюду отряды Красной гвардии являлись тем ядром, которое совместно с лучшими бойцами и частями из старой армии вынесло на своих плечах тяжесть обороны Советской республики.

В Москве развертывание вооруженных сил пролетариата началось значительно позже, чем в Петрограде; только в середине мая здесь мы видим зачатки организационной работы по созданию Красной гвардии. Только в предоктябрьские дни были созданы центральный и районные штабы. Особенно сильно чувствовался недостаток оружия, для изготовления которого (особенно ручных гранат и бомб) пришлось прибегнуть к организации работ на заводе Михельсона и др. Подготовка в Москве была слабой, и это одна из причин длительности и особой упорности борьбы на улицах Москвы в ноябре 1917 г. Организация Красной гвардии и подготовка ее к боевой работе про-

текала не только в Петрограде и в Москве, но и в промышленных центрах всей России, которые соперничали между собою в численности и в боевой организованности своих вооруженных сил. Особенно успешно развивалась Красная гвардия в Донбассе; здесь в наиболее крупных пунктах сосредоточения рабочих (Юзово, Таганрог) уже к октябрьским дням существовали прочные и хорошо вооруженные ячейки. В Одессе еще летом 1917 года были сформированы не только рабочие отряды, но также три баталиона интернациональной гвардии и отряд рабочей молодежи.

Несколько своеобразной была организация Красной гвардии на Урале, и это заставляет нас остановиться на ней в нескольких строках. Отличительной чертой «боевых организаций народного вооружения Урала» было то, что они создавались, руководились и финансировались исключительно партийными организациями. Все партии, ставившие себе целью защиту советской власти, как-то: РС-ДРП (б.), левые эс-эры, анархисты выделяли из своей среды членов, хорошо знакомых с военным делом; это было инструкторское ядро, занимавшее все ответственные должности; эти вожаки, обычно старые революционеры с опытом 1905 года, составляли первую дружину. Вокруг этой дружины все партийные товарищи, способные носить оружие, составляли вторую дружину, которая проходила полный курс военного обучения. Наконец, все беспартийные рабочие и сочувствовавшие советам крестьяне, сорганизованные заводскими и сельскими комитетами, проходили обучение под руководством инструкторов и составляли из себя третью дружину боевых организаций. Таким образом, здесь на Урале мы впервые до октябрьского переворота имели опыт милиционного построения вооруженных сил под руководством лучших партийных работников. Самая схема построения была весьма строгой и централизованной, что позволило этим дружинам быть достаточно боеспособными. При каждой местной партийной ячейке существовала своя собственная боевая организация; одного из десяти своих членов эта организация посылала в уездный центр, который, в свою очередь, каждого десятого посылал в губернский центр; таким путем создавались наиболее крепкие кадры. Вооружение этих отрядов было очень разнообразным. Частью оно изготовлялось на заводах, частью получалось путем конфискации. Весьма суровая внутренняя дисциплина регламентировалась уставами и указаниями для боевиков. Подготовка бойцов протекала по трем категориям: обучение 3-й дружины производилось по заводам и по деревням; вторая категория—это казарменное обучение всех боевиков, входивших в состав второй дружины; наконец, первая дружина проходила только инструкторские курсы в губернских центрах. Как метод обучения—максимальная самодеятельность дружинника: главное внимание уделялось тому, чтобы в кратчайший срок научиться хорошо стрелять из винтовки. «Никаких

ружейных приемов, никакой шагистики вам знать не надо», говорит инструкция для стрелка «Народного вооружения». Тактика этих дружин не допускала никаких сомкнутых строев; тройки и пятерки баррикадного боя перешли сюда в качестве групп, которые всегда в бою держались вместе вокруг своего командира; большая часть боевых действий протекала ночью; значительная роль в этих дружинах придавалась формированиям конницы и артиллерии. К апрелю 1918 года численность всех боевиков превышала 5.000 человек. Под энергичным руководством братьев Кадомцевых, Чевырева, Ковшова и др. боевые организации насаждали советскую власть на Урале, сражались под Оренбургом и Троицком, ликвидируя Дутовскую авантюру и участвовали в борьбе с чехо-словацкими эшелонами. Эти дружины послужили крепким кадром для красноармейских частей, дравшихся с Колчаком на Волге, Урале и в Сибири.

Краткость изложения не позволяет нам коснуться организации Красной гвардии в других местах России; но почти повсюду мы можем отметить однообразные черты: территориальный принцип формирования, роль фабрично-заводских комитетов, использование инструкторами солдат и частью командиров старой армии, наконец, крепкая связь и руководство партийных организаций всей этой работой—вот основные черты, которые были проверены боевой практикой в октябрьские дни. Отсутствие опыта в полевой войне, слабая обученность и непривычка к воинской дисциплине — это те минусы, которые влияли и на тактические приемы, применявшиеся в борьбе этих отрядов с внутренней, а затем и внешней контр-революцией. Оценку этих отрядов читатель найдет после изложения первых боевых действий Красной гвардии в 1917—1918 г.

Таким образом, упорная работа нашей партии с 1905 года и в особенности после февральского переворота 1917 года, позволила уже к октябрьским дням иметь крепкие кадры для организации вооруженных сил в виде отрядов рабочей Красной гвардии. Благодаря классовому характеру своей организации, эти боевые отряды смогли спаять воедино разнородные элементы тех сил, кои начали привлекаться в Красную армию после октябрьского переворота.

Красная гвардия не уступила своего места новой организации; она ассимилировалась в ней, как мощный костяк, проникнутый энтузиазмом класса, пришедшего к власти в октябрьские дни 1917 года.

Октябрьские дни в Петрограде отличались, главным образом, тем, что, на ряду с нарастающей активностью революционных организаций и Военно-Революционного Комитета (ВРК), в особенности, в решительные дни подготовки к восстанию, наблюдалась полная растерянность в рядах Временного Правительства и Главного Командования. Большевистская партия тщательно учла весь опыт прошлого и в особенности уроки

1905 года. Тов. Ленин внимательно следил за создавшейся обстановкой и в письмах своих из Финляндии и из подполья в Петрограде требовал немедленного перехода к решительным действиям. ВРК вел тщательную подготовку, рассылая комиссаров во все части петроградского гарнизона, заботясь о вооружении Красной гвардии и учитывая точно все активные силы революции. С'езд советов Северной области, предшествовавший Второму Всероссийскому С'езду, подготавливал почву для выступления вокруг Петрограда и способствовал организации тех сил, которые со стороны Новгорода, Валка и Финляндии не позволили войскам Керенского проникнуть в революционную столицу. Агитационная кампания с ясными для масс лозунгами «мира и земли», соединенная с усиленной работой на фронте— все это создало благоприятную почву для перехода власти в руки советов в частях старой армии.

Красная гвардия, под руководством районных штабов, развернувшись на ранее намеченных боевых участках, явилась тем авангардом, который в течение 24—25 октября захватил важнейшие пункты в столице, прервал все средства связи и начал занимать правительственные учреждения и казармы. Части гарнизона вслед за Красной гвардией заняли почту, телеграф и вокзалы, и к вечеру 25 октября Петроград находился целиком в руках ВРК. У Зимнего дворца было оказано единственное вооруженное сопротивление, которое удалось организовать Временному Правительству.

Планомерность подготовки и стремительное проведение намеченного плана в жизнь—вот основные положительные стороны октябрьского переворота в Петрограде. Не ставя себе целью проследить ход этих событий в столице, рассмотрим какое влияние октябрьские события имели на старую царскую армию. Предвидя возможность восстания, Временное Правительство и Главное Командование за несколько дней до выступления начали деятельную подготовку для его подавления. Еще в ночь с 21 на 22 октября главковерх Керенский в разговоре со своим начальником штаба Духониным по прямому проводу обнаружил опасения за судьбы столицы. Духонин для успокоения сообщил, что им послана телеграмма ген. Величко отправиться из Петрограда на Сайменские позиции для изучения инженерной подготовки обороны подступов к Петрограду. Керенский правильно учитывал, что революционному гарнизону Петрограда первая помощь будет оказана моряками из Гельсингфорса и частями, расположенными в Финляндии.

Чувствуя, что среди войск гарнизона Временное Правительство не найдет себе достаточной опоры, в ночь с 24 на 25 октября ген. Левицкий передал Духонину личное приказание Керенского о движении в Петроград всех казачьих частей, расположенных в Финляндии, и всех полков Донской казачьей дивизии. Это приказание из Ставки немедленно же для исполнения

передается наштасеву ген. Лукирскому. В ту же ночь за подписью последнего были разосланы телеграммы о срочном отправлении в Петроград: а) одной из бригад 44-й пех. дивизии под начальством начдива 44 с двумя батареями; б) 5-й кав. казачьей дивизии с ее артиллерией и 43-го Донского казачьего полка; в) 13-го и 15-го Донских полков; г) 8-й и 6-й самокатных рот. Наштасев, очевидно, выбирал самые надежные части, полагая, что их будет вполне достаточно для подавления петроградского мятежа. Эти распоряжения начали исполняться в тот момент, когда в городе шел планомерный захват всех правительственных учреждений.

Утром 25 октября Керенский без труда выехал из Петрограда в Гатчину, рассчитывая там застать первые эшелоны войск, двигавшихся с фронта. В Гатчине никаких частей еще не находилось. Керенский поехал в Лугу, отсюда в Псков, но эшелонов с фронта ему встретить так и не удалось. После свидания в Пскове с ген. Красновым, Керенский решил отправиться в штаб 3-го конного корпуса и вместе с последним двинуться на ликвидацию восстания большевиков.

Злополучный 3-й конный корпус, который был использован Корниловым в конце августа 1917 года, после неудачи этой авантюры был разбросан по всей территории северного фронта. Внутреннее его состояние было далеко неблагонадежным; офицерство ненавидело не только большевиков, но и Временное Правительство; солдаты, разочарованные после корниловщины, мечтали лишь о возвращении на тихий Дон. Керенский, рассчитывая на помощь фронта, а также и на три казачьих полка, расположенных в Петрограде, решил, во главе всего лишь одной дивизии 3-го конного корпуса (около 1.000 сабель и несколько орудий), двинуться по железной дороге к Петрограду. Утром 27 октября этот отряд приблизился к Гатчине; часть гарнизона была разоружена, часть отошла по направлению к Петрограду. Керенский с нетерпением ожидал подкреплений, особенно столь нужной ему пехоты. Из воспоминаний самого Керенского, сопоставленных с теми распоряжениями, кои сохранились в архивах, выявилась следующая картина дальнейших действий этого отряда.

В течение 27 октября крупных подкреплений Керенскому получить не удалось. В Гатчине собирались лишь незначительные группы беглецов-офицеров различных частей петроградского и других ближайших гарнизонов. Это придавало соответствующую колоритность всему лагерю бывшего главковерха. Командармом (без армии) был назначен Краснов, и ему была дана директива, после занятия Царского села, вести дальнейшее наступление на Петроград. Без особого порыва медленно подвигались вперед части ген. Краснова. Почти без всякого организованного сопротивления им удалось занять Царское село, и, воспользовавшись мощным радио, Керенский разослал на весь мир ложное

известие о полной победе над большевиками. Гарнизоны Гатчины, Царского и Красного села не проявили должной активности в обороне подступов к Петрограду.

Прежде чем перейти к описанию боевых действий 29—31 октября, необходимо в кратких чертах коснуться организации обороны красной столицы. К 26 октября все учреждения и штаб округа находились в руках большевиков. Казачьи полки, несмотря на попытки вовлечь их в активное участие в борьбу с рабочими—до конца сохранили полный нейтралитет. Юнкерские училища, хотя и были на стороне Керенского, но, невыгодно разбросанные среди частей гарнизона, они могли быть быстро окружены частями, верными большевикам. В руках Временного Правительства оставался еще женский ударный батальон, который реальной силы не представлял. Школы прапорщиков и артиллерийские части, вызванные Керенским из окрестностей Петрограда, проникнуть в город не смогли. Таким образом, в результате длительной и всесторонней подготовки ВРК одержал легкую победу внутри Петрограда. Но она была лишь частичной. Необходимо было немедленно приниматься за организацию обороны города против наступавших частей Керенского. Силы его значительно преувеличивались; связь Петрограда со страной и фронтом была почти совершенно прервана; революционные рабочие оказались в серьезном положении. ВРК и Правительство энергично взялись за организацию этой первой революционной борьбы. После обращения к рабочим массам вся Красная гвардия встала под ружье. Тов. Ленин, отложив на время в сторону решение общеполитических вопросов, сам сел за карту, требовал точной ориентировки и все время следил за настроением рабочих в районах, призывая их к борьбе. С необычайной быстротой формировались и отправлялись на фронт боевые отряды Красной гвардии. Саботаж военно-технического персонала сильно затруднял организацию снабжения; приходилось отыскивать в складах снаряды для орудий, находить необходимый обоз, самим отыскивать все потребное для снабжения войск. Рабочие орудийных заводов сами изготовляли пушки, реквизировали лошадей и отправляли готовые батареи на фронт. Вся артиллерия, решившая исход боев на Пулковских высотах, была сформирована на Путиловском, Обуховском и Ижорском заводах. 28 октября на фронте появился и первый бронепоезд, выпущенный путиловцами. Необходимую помощь в виде отряда матросов выделяет и Балтийский флот.

27 октября прошло целиком в попытках разложить агитацией наступающие части Краснова. Хотя в них и не было энтузиазма, — в этот день они еще остались верными своему командованию. Между тем красное командование в течение 27 октября старалось сосредоточить максимум сил для окончательной ликвидации частей Керенского. С большой трудностью красным удается найти военного руководителя боевыми дей-

ствиями. На гарнизонном совещании всех комиссаров и начальников частей никто из специалистов не решался взять на себя выполнение этой ответственной миссии. Выбор в конце-концов пал на полковника Муравьева — авантюриста с большими военными способностями (при Керенском он формировал ударные батальоны, а в октябрьские дни причислял себя к левым эс-эрам). Муравьев энергично взялся за боевое руководство многочисленными отрядами, выдвинутыми к Красному селу и на Пулковские высоты. Отсутствие кавалерии и артиллерии (последняя еще не успела сосредоточиться), а главное, неподготовленность Красной гвардии—вот основные причины наших неудач у Царского села.

29 октября положение Керенского значительно ухудшилось. Помощь с фронта не прибывала, и обманутые казаки, видя это, начали сильно колебаться в том, есть ли смысл продолжать борьбу с большевиками. В этот же день 29 октября в Петрограде произошло преждевременное (по словам самого Керенского) восстание юнкеров. Они выступили по призыву Комитета Спасения Революции, исполком которого был составлен из представителей городской думы, совета крестьянских депутатов, старого Петросовета и ЦК РС-ДРП (меньшевиков). В 9 часов утра отряд юнкеров занял телефонную станцию; этим захватом Комитет Спасения Революции пытался овладеть столичными средствами связи. При энергичном движении Керенского, которое сопровождалось восстанием внутри Петрограда, положение Советского Правительства становилось очень тяжелым. ВРК принял решительные меры для быстрого подавления выступления юнкеров. К вечеру же 29 октября после ожесточенной перестрелки была занята красногвардейцами телефонная станция, все юнкерские училища были оцеплены; для занятия Владимирского училища пришлось пустить в ход артиллерию. Члены Комитета Спасения — Чайковский и Авксентьев лично ездили в казачьи полки, умоляя их оказать помощь юнкерам против большевиков. Миссия их окончилась неудачно; казаки выступить не пожелали, и в эту же ночь юнкерское восстание было окончательно подавлено. ВРК рядом репрессивных мер прекратил преступную работу Комитета Спасения и этим оказал значительное влияние на настроение фронта.

Сосредоточение наших сил на Пулковских высотах закончилось 29 октября. 30 октября, согласно приказа Муравьева началось наступление на Царское село. После сильной артиллерийской подготовки наши части (отряды Красной гвардии, части Петроградского гарнизона под командою полковника Вальдена и морской отряд тов. Дыбенко), без труда, преодолевая сопротивление противника, начали свое наступление. Казаки, не выдержав натиска революционных войск и оставив Царское, отошли к Гатчине. Тов. Троцкий из Царского села посылает по радио извещение об этой победе. После отхода к Гатчине, 31 октября Керенский созвал совещание всех войсковых начальников; инфор-

мацию о положении в Петрограде давал Савинков. Краснов уже понял, что помощи Керенскому с фронта не будет, и он предложил бывшему главковерху отправиться в Петроград, начав переговоры о перемирии. Так как Керенский отклонил это предложение, Краснов сам направил парламентеров, которые и вернулись с матросской делегацией во главе с тов. Дыбенко. Керенский бежал из Гатчинского дворца, Краснов был арестован и 1 ноября части Финляндского полка заняли Гатчину. Авантюра Керенского была закончена. Революция, благодаря под'ему рабочих масс и разложению среди противников, получила законное право на свое дальнейшее существование.

Что же случилось с той помощью, которую так усердно ждал Керенский с фронта? Секретные материалы Ставки, опубликованные частью в «Архиве Русской Революции» книга 7, частью хранящиеся в архиве Красной армии дают нам ответ на поставленный вопрос.

25 и 26 октября по всем проводам, идущим от Ставки к штабам фронтов, шли переговоры, которые рисуют нам, примерно, следующее положение: в Пскове, где был расположен штаб северного фронта, уже 26 октября по инициативе местных работников организуется Ревком. Наштасев Лукирский всеми силами старался исполнить полученное приказание о направлении к Петрограду войск, верных Временному Правительству. Главкосев Черемисов, под давлением Ревкома, вечером 25 октября отменяет приказ о переброске войск, но он вновь подтверждается к исполнению комиссаром фронта Войтинским. Кроме этих недоразумений на верхах управления фронтом начало также проявляться и давление снизу; короткая телеграмма ген. Надежного говорит об этом больше, чем всякие длинные об'яснения: «Главковерх, Главкосев. По сложившимся обстоятельствам отправка казачьей дивизии в Петроград не может быть выполнена. 25 октября № 4599. Комкор. 42 Надежный». Теперь нам понятны те обстоятельства, которые мешали ген. Надежному выполнить оперативный приказ о движении казачьей дивизии из Выборга на Петроград. Отчасти дивизия выступить не пожелала, отчасти, окруженная революционными гарнизонами Финляндии, не смогла. Головные эшелоны пехоты смогли подойти лишь к Нарве и Луге; вместо движения на Петроград, они быстро сорганизовались, выделили делегатов, которых направили в Смольный, и, выяснив обстановку, об'явили себя сторонниками Советской власти.

Командование западным фронтом оказалось значительно дружнее северного в деле поддержки Временного Правительства. Командзап Балуев выразил Духонину свое недовольство «двусмысленной политикой» Черемисова. Балуев сознательно задерживал все извещения, полученные им из Петрограда в связи с организацией власти советов. Он все время взывал к необходимости решительных действий со стороны Духонина. Одновременно, однако, и он в разговоре по прямому проводу конста-

тировал, что «ни за одну часть ручаться не могу, большинство же частей безусловно не поддержит».

Штаб главковерха, надеявшийся на успех Керенского, вначале также был настроен весьма воинственно. Вместе с Общеармейским Комитетом при Ставке Духонин рассылал грозные телеграммы, обещая вооруженной силой подавить большевистское восстание. Привожу текст одной из них, опубликованной в «Могилевской Жизни» от 31 октября: «От имени армии и флота требуем прекращения большевиками насильственных действий, отказа от вооруженного захвата власти и безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами демократии Временному Правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного собрания, хозяина земли русской. Действующая армия силою поддержит это требование. Духонин, Вырубов, Ковалевский, Перекрестов» [1]).

Телеграмма Керенского от 25 октября о сохранении за ним должности главнокомандующего вселила надежды в души наштаверха и главкозапа. Духонин вновь в категорической форме подтвердил необходимость срочного выполнения всех перевозок для оказания помощи Керенскому. Но 26 октября штаб западного фронта был занят караулом большевистского 37 полка и Минск оказался в руках Советов.

В результате всех этих стараний, несмотря на то, что весь аппарат управления армией, большинство командного состава, все оборонческие комитеты были на стороне Временного Правительства,—армия не выделила в помощь своему главковерху ни одной роты пехоты, ни одной батареи. Армия в целом была против Временного Правительства. Та агитация и борьба, которая активно развивалась в недрах армии с февральских дней, те лозунги, которые были выдвинуты большевистской партией, завоевали для нее самое важное орудие захвата власти—десятимиллионную армию; именно это обстоятельство сделало октябрьский переворот наиболее бескровным переворотом в истории.

На второй день после октябрьского переворота Всероссийский С'езд Советов утвердил текст предложения перемирия и всеобщего мира. Для проведения в жизнь этого решения правительство и наркомвоен должны были прежде всего овладеть основным аппаратом управления всей армии. Между тем Ставка становилась центром всех контр-революционных сил страны. Сюда из Петрограда и с фронта стекались руководители соглашательских партий и вели длительные переговоры с Общеармейским Комитетом об образовании однородного правительства, которое должно было включить в себя представителей всех партий от народных социалистов до большевиков включительно. К 4 ноября в Могилеве уже находились бывший военмин Верховский, Чернов, Гоц, Скобелев и мн. другие. Общеармейский

---

[1]) Цитирую по книге Лелевича „Октябрь в Ставке".

Комитет обратился ко всем армейским организациям с предложением взять в свои руки инициативу по созданию нового правительства. Кандидатом в премьеры был выставлен Чернов, вокруг которого, по мнению Общеармейского Комитета, должны были об'единиться все силы «подлинной демократии».

После получения сведений о поражении Керенского под Гатчиной значительно остыл воинственный пыл генералитета Ставки. На основании положения о полевом управлении войск, Духонин 1 ноября вступил во временное исполнение должности главковерха и приказал остановить дальнейшую отправку войск на Петроград. С 1 по 8 ноября Духонин старался сохранить внешний нейтралитет, ожидая с нетерпением падения большевиков. Свое воздействие на Духонина, с целью придать ему большую решительность, пытался оказать и Корнилов из Быховской тюрьмы. Он был все время хорошо осведомлен о происходивших событиях и понимал опасность, которая угрожала армии с захватом Ставки. Он написал Духонину письмо с предложением принять немедленно необходимые меры самообороны. Он намечал следующие основные мероприятия: «1) немедленный перевод в Могилев одного из чехо-словацких и польского уланского полков; 2) занятие Орши, Смоленска, Жлобина и Гомеля частями польского корпуса; 3) сосредоточение на линии Орша, Могилев, Жлобин всех частей чехо-словацкого корпуса и одной—двух казачьих дивизий из числа наиболее крепких; 4) сосредоточение в томже районе всех английских и бельгийских броневых машин с заменой их прислуги офицерством; 5) сосредоточение в Могилеве и в одном из ближайших к нему пунктов под надежной охраной запаса винтовок, патронов, пулеметов, авторужей, ручных гранат для раздачи офицерам и волонтерам, которые должны собраться в ранее намеченных районах; 6) установление прочной связи и тесного соглашения с атаманами Донского, Терского и Кубанского войск и с комитетами польского и чехо-словацкого корпусов». Если бы эти предложения были выполнены Духониным, произошло-бы кровавое столкновение, которое могло иметь весьма тяжелые последствия для армии. Но Духонин смог выполнить только самую незначительную часть этих предложений. В общем Ставка была беззащитной, и это облегчило захват ее без особого труда.

8—9 ноября шли известные всем переговоры тов. Ленина и Крыленко с Духониным. После длительных переговоров Духонин отказался выполнить требования Правительства о заключении перемирия, ссылаясь на невозможность вести сепаратные переговоры без участия представителей румынской армии и союзников. В ответ на это Духонин был уволен от занимаемой должности и на его место назначен тов. Крыленко. В тот же день, об'являя об этом разговоре всем комитетам войсковых частей и всем солдатам и матросам, Совнарком предложил взять дело переговоров о перемирии в руки самих частей, стоящих

на позициях. Право окончательного подписания договора было оставлено за Совнаркомом. Таким образом, интриги Общеармейского Комитета и давление союзных представителей при Ставке привели к открытому столкновению правительства со Ставкой. Духонин, отказавшись исполнить приказание Исполкома, старался войти в соглашение с командующими фронтами, которые обещали ему свою поддержку. (См. приложение 5, 6, 7, 8).

Между тем новый главковерх Крыленко 12 ноября с отрядом в 20 матросов выехал в Двинск в район расположения частей 5-й армии для начала переговоров о перемирии. Через линию окопов была направлена первая делегация; через день эта делегация возвратилась назад с согласием немецкого правительства назначить первую встречу с полномочной делегацией нашего правительства в Брест-Литовске. 15 ноября главковерх со своим отрядом возвратился в Петроград, а 19 ноября, подкрепленный отрядом моряков балтийцев под командою мичмана Павлова, двумя эшелонами литовского полка и разведывательным отрядом Кудинского выехал через Витебск в Могилев. Одновременно с движением этих отрядов с севера и с севера-востока, выборный командзап т. Каменщиков распорядился о движении на Могилев с юга Минского революционного отряда с бронепоездом. В распоряжении Духонина в Могилеве находились следующие части: Георгиевский баталион, 2 баталиона ударников, 4 баталиона 1-ой Финляндской дивизии (эта дивизия двигалась на Петроград с Румынского фронта) и дивизия польских легионеров из корпуса Довбор-Мусницкого. Кроме этого, по жел.-дорожным путям от Новосокольник на Невель и далее были разбросаны казачьи части Краснова, разбитые под Петроградом. За исключением ударников ни одна из этих частей к активному сопротивлению не была способна. В этих условиях Духонин решил отказаться от вооруженного сопротивления, и через ген. Одинцова, сопровождавшего т. Крыленко, предложил ему в'ехать в Могилев без сопровождения войск. Так как Общеармейский Комитет продолжал взывать к вооруженному столкновению, Крыленко вынужден был двигаться в Могилев со своим отрядом. В ночь на 19 октября Могилевский совет выделил В. Р. К. и, взяв власть в свои руки, выслал делегацию в Витебск для встречи тов. Крыленко. Одни лишь ударники, не желая сдаться, пробились к Жлобину. 22 октября тов. Крыленко вступил в Могилев и занял Ставку. За день до этого по распоряжению Духонина были выпущены на свободу и бежали на Дон Корнилов, Деникин и др. узники Быховской тюрьмы. Это послужило причиной самосуда над Духониным, который был произведен возмущенными матросами, вопреки приказаниям тов. Крыленко (прилож. № 9). Весь технический аппарат управления армией не был нарушен и продолжал свою работу с новыми задачами и под новым руководством.

В. Р. К., выделенный Могилевским советом и включавший

в себе ответственных военно-партийных работников (тов. Берзин, Рогозинский, Турчан и др.), начал свою активную работу; во все отделы и управления Ставки для контроля за их работой назначены комиссары, начальником штаба назначен ген. Бонч-Бруевич. Революционная Ставка была более всего занята ликвидацией тяжелого наследства в виде распадавшейся старой армии; при создавшихся условиях это была очень трудная задача. Одновременно Ставка способствовала также выделению отрядов и для борьбы с внутренней контр-революцией. В начале декабря 1917 года на Общеармейском с'езде представителей корпусов всех армий и флота избирается Центральный Комитет действующей армии и флота (Цекодарф); при нем для оперативного руководства взамен старой Ставки выделен революционный штаб. На фронтах уже развертывалась широкая демобилизация, и шло революционирование всех аппаратов управления армией. Десятимиллионная масса, жадно ловившая каждую весть с тыла, с большим трудом сдерживалась в своих окопах. Перед военным ведомством была поставлена задача вернуть эти массы домой, использовав материальные ресурсы армии для новых формирований. А в конце декабря 1917 года уже развертывались боевые столкновения с польским корпусом, украинской радой и Калединым. Эта борьба требовала новых сил и снабжения их по меньшей мере боевыми припасами и оружьем; продовольствие и даже обмундирование эти отряды получали путем самоснабжения.

Заключительным аккордом для старой армии была декларация прав солдата, опубликованная в приказах наркомвоена от 16 декабря 1917 года. Основные положения, выдвинутые в ней, были: 1) равенство в правах всех военнослужащих, 2) уничтожение всех чинов, внешних отличий и привилегий, 3) выборность командного состава до комполка и одинаковое довольствие для всех военнослужащих, 4) общегражданская подсудность военных по всем преступлениям. Перевыборы командного состава начали проводиться в жизнь сразу же после октябрьского переворота. Стихийный характер их позволил допущение большого числа ошибок, но с политической точки зрения эти перевыборы имели большое значение для всего дальнейшего строительства армии. Начавшаяся усиленная работа в центре по демобилизации старой армии не успевала за действительным ходом событий на фронтах. Эта работа в центре упиралась в необходимость определения типа, формы и численности наших будущих вооруженных сил. Дислокация последних, ее боевые задачи, потребность в материальных средствах—все это должно было определять распределение по территории того имущества, конского состава и кадров, которые оставались от старой армии. Начиная с 15 ноября один за другим выпускались приказы, отпускавшие в бессрочный отпуск старшие возрасты. Для руководства всей этой работой был создан специальный комиссариат по демобилизации; одновременно, среди партийных работников и в недрах нарком-

воена велась усиленная разработка вопросов, связанных с организацией новой Красной армии. Красногвардейские отряды и части старой армии, выделенные на борьбу с внутренней контрреволюцией, самою жизнью формировались по тем признакам, которые легли в основание разрабатывающихся декретов. Утомление войной не допускало возможности строить армию на началах обязательности военной службы; массовый принудительный набор или массовое оставление в красных частях солдат старой армии не имели психологических и политических предпосылок в состоянии русского крестьянства. Отсутствие военных аппаратов на местах, приспособленных к мобилизации и учету, не позволяло и с технической стороны сразу перейти к принудительному набору. Поэтому все первые боевые отряды организовывались из наиболее активных пролетарских и частью крестьянских элементов, которые, как кадры, обрастали впоследствии массами призванных по воинской повинности. В течение первых 6 месяцев после октябрьской революции наше командование в центре и на местах должно было использовать принцип добровольчества при формировании красноармейских частей. Постоянное освежение состава армии, установление связи с производством—должно было обеспечить новой армии классовую почву для строительства вооруженных сил. Краткосрочность службы выдвигалась, как второй принцип этих формирований. Весьма важным было требование обеспечить не только самих добровольцев, но и их семьи. Все эти положения, развиваемые и в речах и в докладах, легли в основание декрета от 15 января 1918 года о создании Красной армии. Одновременно с этой подготовительной работой в центре начались первые фактические комплектования на фронтах. Борьба с польскими легионерами, с украинской радой и Калединым происходила при помощи отрядов, которые формировались без наличия каких-либо законоположений. Практика боевой действительности значительно ускорила процесс создания вооруженных сил.

С'езд по демобилизации, созванный в середине декабря 1917 года, пытался упорядочить хаотический распад армии, спасая хотя бы материальную часть. На этом с'езде из докладов с мест выявилась полная невозможность при помощи старых частей организовать оборону страны против возможного наступления немцев; между тем мирные переговоры в Бресте не обещали ничего доброго для нашей молодой республики. На специальном совещании ответственных делегатов с фронта под председательством тов. Ленина решено было, отложив в сторону ряд вопросов, связанных с демобилизацией, центр тяжести работы перенести на усиление формирований отрядов Красной армии. 20 декабря из наркомвоена выделяется Всероссийская Коллегия по организации Красной армии в составе тов. Подвойского, Мехоношина, Крыленко, Трифонова и Юренева; 28 декабря тезисы о создании Красной армии были приняты и одобрены

Петроградским советом, и 15 января 1918 года был подписан декрет Совнаркома об организации Красной армии. Одновременно с Москвой, и в Ставке также шла организационная работа. Главковерх Крыленко, вслед за постановлением Цекодарфа, выпускает специальное обращение и инструкцию «по формированию революционных батальонов Народной Социалистической гвардии в районе дивизионных резервов и в частях, расположенных в прифронтовой полосе» (опубликована 23 декабря 1917 г.).

ГЛАВА IV.

Борьба с Калединым.

Контр-революционный Дон. — Ударники. — Назначение Антонова-Овсеенко.—Каледин и добровольцы.—Донской Ревком. — Ликвидация Каледина.

Было бы неверно полагать, что корни гражданской войны имеют в своем основании только октябрьский переворот. Эти корни следует искать гораздо глубже в тех исторических взаимоотношениях отдельных классов, отдельных национальных группировок, которыми так была богата вся русская история царского периода. Наиболее убедительной в этом отношении может быть признана обстановка первой схватки русского революционного пролетариата с контр-революционным Доном.

Но прежде, чем перейти к описанию борьбы с Калединым, следует определить то место, которое эта борьба занимала в общей истории первого этапа гражданской войны в России. С первых же дней существования молодой Советской власти стало ясно, что горячие бои за утверждение и углубление социальной революции неизбежны. Контр-революционное офицерство успело выделиться из разлагавшейся царской армии и стремилось найти для себя какие-то новые организационные формы. Часть этого офицерства открыто группировалась вокруг реакционной Ставки Верховного Главнокомандующего, часть влилась в так называемые национальные части (польские, украинские, чехо-словацкие, татарские, армянские и др.), часть сбежала к себе на родину, большинство же группировалось, главным образом, в тех районах, где в силу исторических условий главенствующей группой населения в экономическом отношении был деревенский кулак. Там, вдали от пролетарских масс, контр-революционное офицерство, не веря в то, что большевики выдержат хотя бы самый слабый удар с их стороны, там, в земледельческих районах, контр-революционное офицерство пыталось организовать восстание против Советской власти. Такими очагами были, между прочими, оренбургские степи и Дон. Дутов в оренбургских степях был первоначально задавлен потому, что это была очень далекая окраина, где трудно было осуществить концентрацию больших сил, а во-

вторых потому, что уральские рабочие, руководимые товарищами Мрачковским, Кадомцевым, Блюхером и др., сразу не дали ему развернуться во всю ширь. Гораздо сложнее обстояла борьба на Дону. Здесь враг за время от февраля до октября успел накопить столько организованных военных сил, что, в сущности говоря, борьба Советской власти с Калединым была борьбой за ее существование.

Кулацкий Дон играл существенную роль в подавлении июльского восстания. Казачьи с'езды, начиная с февральской революции вплоть до октября, беспрестанно выносят контр-революционные резолюции. Под флагом «борьбы с анархией» вожди казачества открыто концентрировали вокруг себя все анти-советские силы. Контр-революционный Дон наступал вместе с Керенским на Красный Петроград. Он приглашал к себе свергнутое Временное Правительство. На Дон открыто, с угрозами на устах жестоко расправиться с большевиками, со всех сторон стекались офицеры, юнкера, гимназисты, все то, что пыталось вернуть старое и что всем своим классовым существом было враждебно Советской власти. На Дону открыто разгонялись рабочие советы. Туда с особой надеждой обращались взоры дипломатических и военных миссий Антанты, взоры русских помещиков, капиталистов и фабрикантов.

И если учесть то, что Дон лежал на путях к Черному морю и кавказской нефти, что он примыкал к Волге и сам по себе имел богатейшие источники угля, то следует понять то волнение, которое переживали в связи с донской контр-революцией наши руководящие советские органы. Необходимо было с корнем вырвать это контр-революционное гнездо, ибо оно в своей дерзости грозило захватить первоначально Воронеж и Царицын, а затем и Москву.

Ликвидировать донских контр-революционеров!—этот лозунг инстинктивно прокатился по всей революционной России. На заседаниях фронтовых комитетов, рабочих советов, на публичных митингах, на с'ездах депутатов, всюду выносились решения бороться с контр-революционным офицерством, с «кадетами». Начинается массовая, чисто стихийная подготовка к борьбе. Революционный Петроград вместе с балтийским флотом должны двинуть свои силы, уже закалившиеся в борьбе с Керенским, на Дон. Москва обещала поддержать ленинградцев и двинуться на Дон через Воронеж. Особенно остро было негодование против калединцев на фронте старой армии. Солдатская масса особенно чутко реагировала на малейшую возможность восстановления «офицерского» режима. Учитывая это настроение солдатских масс, Революционная Ставка решила наиболее сохранившиеся части старой армии сгруппировать в районе Минска и Пскова и оттуда их двинуть

на Дон[1]). Черноморские моряки точно так же хотели расправиться с калединцами со стороны моря. Демобилизующиеся стихийно солдаты Кавказского фронта, пути возвращения домой которым закрыл Каледин своим непризнанием Советской Республики, в свою очередь точно так же организовали отряды для борьбы с Калединым. Соседние пролетарские центры—Одесса, Царицын—тоже формировали красногвардейские отряды.

В силу нашего неустройства и разрушения старого аппарата управления, возникали для борьбы с Калединым многочисленные штабы, многочисленные «командующие фронтами», и все это, по большей части, в начале действовало вразброд. Отряды всевозможной численности, всевозможной организации, всевозможных источников возникновения—все это полустихийно продвигалось на Дон, временами сливалось вместе, потом расходилось, опять соединялось в своих остатках под руководством наиболее энергичных командиров. Оценка последующих событий не будет полна, если мы не учтем это массовое стихийное стремление только-что осознавших себя революционных масс покончить с наиболее активной частью ста-рого режима.

Понятно, что Совет Народных Комиссаров учитывал необходимость координировать все боевые действия на юге. Один из Народных Комиссаров по военным делам, тов. Антонов-Овсеенко выезжает с этой целью на юг. Он берет с собой в качестве начальника штаба Муравьева, который разгромил Керенского под Пулковом в октябрьские дни. Общий план красного командования сводится к тому, чтобы начать с изоляции Дона, главным образом, от украинской Рады, а затем перейти к разгрому. Это предполагалось выполнить так: а) опираясь на черноморцев, провести вооружение рабочих Донбасса, б) к Гомелю, Брянску, Харькову, Воронежу двинуть отряды с севера и Ставки, в) наиболее революционно-настроенный 2-й гвардейский корпус двинуть на восток из района Жмеринки на Донбасс.

Между украинской Радой и Калединым была самая теснейшая связь. Украинская Рада всячески способствовала тому, чтобы контр-революционные элементы накапливались на Дону. Украинские самостийники и донские кулаки отлично между собой сговаривались по всем спорным вопросам, видя перед собой общего врага—Советскую Россию.

Раз'единить Украину и Дон, захватить их столицы—Киев и Ростов—вот что являлось основной оперативной идеей красных. Так как переговоры с Украиной все таки велись и были кое-какие надежды добиться с ней соглашения, то на первое время решено было выставить заслон в сторону Украины и первоначально покончить с Доном. Но для того, чтобы это совершить, т.-е. чтобы раз'единить Украину и Дон, необходимо было захватить в свои руки ж.-д.

[1]) См. приложение № 10. „Калединщина." Из разговора Троцкого со Ставкой.

направление Харьков—Екатеринослав. То, что наркомвоен Антонов из Москвы двинулся на Харьков, а не на Воронеж, является безусловно правильным решением, ибо мощный по численности пролетариат Харькова и Екатеринослава сильно тяготел как к Донбассу, так и к Советской России. Наконец, пролетариат правобережной Украины был малочислен и находился в атмосфере, полной национальных противоречий. Пути на Дон во всяком случае не шли через Киев. В районе Харькова, Екатеринослава и Донбасса пролетариат Петрограда и Москвы безусловно ожидал встретить своих верных товарищей.

Из центра на Харьков двинут отряд т. Сиверса. Это, в сущности говоря, часть отрядов, дравшихся под Гатчиной с Керенским. В его состав входило около 19 рот, $3^1/_2$ эскадронов, 6 орудий, и к ним впоследствии присоединился 11-й Сибирский полк. Этот отряд в своем движении на юг догнал отряд т. Ховрина, который, в свою очередь, выделился из отряда Потапова, того самого Потапова, который в начале октябрьской революции был брошен из Питера в Москву, когда в последней борьба Московского Ревкома с кремлевскими юнкерами приняла затяжной характер. Нарком Антонов рассчитывал на то, что ему на местах окажут поддержку местные советы, которые из солдатских гарнизонов (запасные полки старой армии) и местной рабочей Красной гвардии создадут красногвардейские части. Необходимо было создать активные ядра из отрядов революционных моряков. Т.т. Мокроусов и Пурвит должны были проделать в этом отношении организационную работу в Черноморском и Балтийском флоте. Ожидалась обещанная значительная поддержка со стороны Революционной Ставки. Действительно, ей удалось выделить несколько пехотных полков (60, 17, 19, 268, 37 и др.), ряд батарей, несколько бронепоездов, но большинство этих сил было отвлечено тем, что одновременно с нашим наступлением на Дон совпал и мятеж польского корпуса, ликвидация которого потребовала не мало усилий с нашей стороны, как и выступление украинской Рады.

Какие же силы могли противостоять нашему стремлению раз'единить Украину и Дон? В штаб наркома поступили сведения, что в самом Харькове находилось два украинских полка, в районе Змиева до 10.000 украинизированных кавалеристов, в Чугуеве юнкерское училище, в Полтаве и Купянске по 2 украинских полка, в Лозовой, Павлограде, Александровске, Екатеринославе стояли гайдамакские части. В Белгороде крайне неопределенно держал себя запасный польский полк. В Сумах украинизированный дивизион 12-ти дюймовых орудий. Таким образом, Красной гвардии пришлось бы иметь дело, главным образом, с украинизированными частями. Эти части формировались преимущественно из солдат старой армии под национальными лозунгами. В сущности говоря, это были украин-

ские крестьяне, уставшие воевать, и которые были готовы под каким-угодно лозунгом уйти с надоевшего им фронта империалистической войны. Особенной охоты они драться не высказывали, но тем не менее их численность многократно превышала советские отряды.

По линии Воронеж-Ростов нашим частям пришлось бы иметь дело с чисто казачьими частями генерала Каледина. Южная часть Донбасса была терроризирована казачьими карательными отрядами. Хуже всего было то, что по всем железнодорожным магистралям, вместе с эшелонами демобилизуемых солдат старой армии, просачивались на Дон эшелоны казачьих частей и ударных батальонов. Так, еще на пути к Харькову революционные войска уже имели порядочное столкновение с этими ударниками.

Первый ударный полк, 2-й и 8-й оренбургские ударные батальоны, 4-й отдельный ударный батальон, Финлянд. штурм. батальон, при 200 пулеметах, общей численностью до 4.000 чел., в свое время пытались оборонять ставку генерала Духонина, но чрезвычайно неудачно. Они решили использовать свои способности на Дону и, следуя туда через Гомель, где их потрепал 60-й Сиб. полк под командой Андреева, свернули на Бахмач и Сумы. Из Сум железнодорожная магистраль разделяется на Белгород и Богодухов. Намечалась тенденция со стороны ударников захватить налетом Харьков. 25 ноября происходит бой между отрядами Ховрина, моряками и др., и ударниками. Нашим артиллерийским огнем ударники выброшены из эшелонов, а затем в 30 верстах от Белгорода, в районе деревень Ольховки, Крапивной, Дращинской, они окончательно уничтожаются. По донесениям комиссара отряда тов. Павлуновского революционные войска прекрасно дрались [1]).

Подобные этому столкновению многочисленные стычки красногвардейцев с эшелонами ударников и казаков чрезвычайно осложняли общую обстановку военных действий в районе Харькова. Трудно было командованию определить линию фронта. Столкновения вспыхивали то здесь, то там. Приходилось снимать войска с важнейших операционных направлений для ликвидации этих вспышек в тылу. Местные красногвардейские формирования точно так же сковывались если не самыми боями с казаками и ударниками, то одними слухами об их приближении. Эти стычки с казачьими эшелонами продолжались вплоть до конца января месяца. Особенно сильный бой был в районе Екатеринослава, где пришлось разоружить 16 казачьих эшелонов.

Штаб наркомвоена прибывает в Харьков, где в первые дни создалась настолько запутанная политическая обстановка, что в городе одновременно находились и отряды тов. Антонова,

---

1) См. приложение № 11. „Шайка Корнилова разбита".

и местная гвардия, и украинские части. Последние были скоро разоружены. 12 декабря занимается Люботин, и Харьков становится организационным центром по борьбе с Доном. К революционным войскам присоединяются местные харьковские отряды Красной гвардии, и начинается под ком. т. Егорова и Сиверса постепенное очищение ряда городов Украины от гайдамацких частей. 16 декабря занимается Лозовая, вскоре Павлоград.

По мере ознакомления на месте с обстановкой уточняется замысел высшего командования красных;

а) упрочить захват Харькова;

б) выставить заслон у Люботина в сторону Украинской Рады;

в) продолжать наступление на юг и, захватив прочно район Лозовая—Синельниково, окончательно прервать железнодорожное сообщение между Доном и Украиной. Захват этих железнодорожных узлов не дает возможности контр-революционным элементам и оружию просачиваться из Украины и фронтов старой армии на Дон. Одновременно Украина лишается тем самым угля и нефти.

К 1-му декабря это было выполнено движением первых отрядов на юг;

г) быстро вооружить донецких рабочих и шахтеров;

д) по мере накопления революционных сил комбинированным ударом со стороны Харькова, Воронежа, Царицына (туда на помощь местным отрядам стягивалась с севера революционная 5-я Кубанская дивизия), Ставрополя окружить белых и захватить Новочеркасск и Ростов.

Штабу Наркомвоена приходилось одновременно подготовлять войска для борьбы с Украинской Радой. Отряды из центра прибывали крайне неравномерно. Большинство отрядов в пути разложилось, и трудно было создать твердый план разворачивания военных сил.

Поэтому пришлось с особой внимательностью отнестись к формированию местных пролетарских отрядов Красной гвардии, тем более, что все предпосылки были для этого налицо. Харьков и Екатеринослав изобилуют заводами и фабриками. Местные пролетарские массы имели солидный революционный стаж в прошлом. Но следует отметить, как печальное явление первого периода существования Советской власти, что местные советы носили явно соглашательский характер [1]). Приходилось тратить много сил на то, чтобы революционизировать местных советских работников. Сказывалось то, что петроградский и московский пролетариат в своем революционном развитии шагнули далеко вперед по сравнению со своими товарищами на периферии.

---

[1]) См. приложение № 12. „К борьбе с Калединым".

Местные работники больше занимались тем, что диспутировали с меньшевиками и эсерами вместо того, чтобы конфисковать ценности буржуазии на нужды строительства Красной гвардии. Последняя в своей организационной работе все время испытывала большой недостаток денежных средств. Если бы на этой почве не было трений между командованием и местными советами, то строительство Красной гвардии, подобно Питеру и Москве, пошло бы глубже и прочнее. Организация местных отрядов на Украине и Донбассе в силу этих причин носила чисто случайный стихийный характер. Во-всю царила инициатива отдельных руководителей. Воинская дисциплина в отрядах Красной гвардии отсутствовала. Ее заменял порыв и бесшабашная удаль. Командиры выбирались или сами по себе выдвигались. В кой-каких отрядах главенствовала атамановщина. Вооружение и снабжение изыскивались случайными способами. Отсутствовала не только определенная структура войск, но и сама численность этих отрядов изменялась каждодневно. Бойцы добровольно приходили и самовольно уходили.

При таких условиях необходима была особенно твердая рука командования для того, чтобы совладать со всей этой стихией. В сочетании с частями старой армии молодые красногвардейские отряды действовали отлично. Они обычно очень охотно начинали столкновения с противником, храбро лезли вперед, вслед за ними не особенно охотно шли солдаты старой армии, которым приходилось затем уже одним выносить всю тяжесть боя, так как порыв красногвардейцев быстро истощался, и сказывалось отсутствие боевой тренировки.

Но то, что эти красногвардейские отряды возникали повсеместно, и то, что они по мере сил своих горели желанием сражаться за дело революции—все это доказывает массовый характер октябрьской пролетарской революции. Несомненно, что она опиралась на самые широкие массы трудящихся, и стихийное строительство Красной гвардии, несмотря на все свои организационные и боевые недостатки, лучшее тому доказательство.

Разберем теперь социальное содержание Донской Области, где историческое развитие событий создало сложный клубок социальных противоречий, благодаря которым Донская область стала очагом контр-революции. Для этого необходимы кое-какие статистические сведения. Область имеет 15 миллионов десятин земли, из которых 12 миллионов десятин принадлежат казачьему населению. Крестьяне имеют всего только 1.600.000 десятин и частные владельцы— около 1.500.000 десятин. Из этого ясно видно каким ничтожным количеством земли пользовались крестьяне по сравнению с казаками, так как казаков насчитывалось около 2 миллионов, а крестьян 1.800 тысяч. Крестьяне в свою очередь в Донской Области делились на коренных крестьян и пришлых. 39% коренных крестьян имели недостаточный надел земли, но получили возможность прикупить землю

и пользовались наемным трудом. Остальные 61% коренных крестьян представляли собою беднейшее крестьянство, владевшее от одной до четырех десятин земли. Что же касается до пришлого крестьянства, т.-е. недавних переселенцев, то оно совершенно не имело земли и пользовалось ею на правах аренды. Сообразно земельному неравенству группировалось в пропорциональных размерах все остальное богатство сельского хозяйства (скот, лошади и т. п.). Это экономическое неравенство служило основной причиной ненависти между казачеством и крестьянством. Режим, который давал среднему казаку в 3—4 раза больше земли, чем коренному крестьянину и в 15—16 раз больше, чем пришлому крестьянину—этот режим, искусственно поддерживаемый царским правительством, был конечно, выгоден казакам, которые ни в коем случае не хотели с ним расстаться.

Вместе с тем процесс концентрации богатств в руках более сильных и богатых казаков явно намечался, и отсюда выявлялись полупролетарские или пролетарские элементы среди самого казачества. К моменту социальной революции казачество ни в коем случае нельзя было считать целостным хозяйственным и политическим организмом. Он давал по всем швам сильные трещины. Тем не менее, как вооруженная сила, казачество привлекало к себе внимание всех без исключения контр-революционных группировок. В казачестве заложены черты какой-то воинственной касты, созданной в свое время императорской Россией для защиты своих границ и для обеспечения главнейших путей сообщений с далекими окраинами. Веками у казачества создался полунезависимый быт со своеобразными формами самоуправления и с кой-какими сепаратистскими стремлениями [1]). Благодаря целому ряду экономических поблажек и льгот, царское правительство сумело преломить эти сепаратистские устремления казачества, и казачество постепенно становится верным слугой престола. Революция 1905 года и последовавшие за ней аграрные беспорядки были жестоко подавлены главным образом, казачьими частями и тем самым вызвали враждебное к ним отношение со стороны всего трудового и сознательного населения страны. Эту рознь царское правительство всемерно разжигало и использовало.

Милитаризация казачьих областей дала то, что в мировой войне казачество выставило 163 полка, 171 сотню и 24 пехотных батальона. Донское, Кубанское и Терское казачество из этого количества выставило 109 полков, 112 сотен и 24 пеших батальона.

Февральская революция и последовавшее вслед за ней усиленное развитие темпа социальной революции ясно открыли перед

[1]) Эти сепаратистские особенности сказались в дальнейшем развитии гражданской войны (вражда с добровольцами, ориентация на немцев, массовое дезертирство из рядов Деникинской армии и др.).

царскими генералами перспективу конечного распада царской армии. Есть кое-какие данные предполагать, что еще в 1916 г., т.-е. еще до февральской революции, реакционные деятели, группировавшиеся вокруг генерала Алексеева, замышляли постепенный вывод всех казачьих частей на Дон под флагом реорганизации, но фактически для того, чтобы создать себе сильный резерв из верных самодержавию сил. Они чувствовали, что грядет революция и что им придется против этой революции выступить с оружием в руках. Февральская революция этот проект массового отзыва казачьих частей с линии империалистического фронта сорвала, но царские генералы не унимаются. В перид между октябрем и февралем, а в особенности после октября, одна за другой казачьи части снимаются с империалистического фронта и отправляются на Дон. Против кого же они там должны были действовать?

Двух врагов имело войсковое казачество — это иногороднее крестьянство и рабочие Донецкого бассейна. С иногородним крестьянством, принимая во внимание его численность и наличие в его рядах большого количества вернувшихся с фронта солдат, оно пытается вступить в лицемерные переговоры. С рабочими-же у казаков не может быть единого языка, и против них оно ведет ожесточенную открытую борьбу. Еще в сентябре 1917 г. казачьи части расквартировываются в рудничных районах, там они расстреливали рабочих, разгоняли советы и не давали формироваться Красной гвардии. Такая политика восхищала все буржуазные круги и вся буржуазная печать в предоктябрьский период разыгрывала всевозможные вариации на тему об исторической доблести казачества и о его верности национальным традициям русского государства.

Необходимо было найти лицо, чтобы возглавить это реакционное течение. В середине июня 1917 г. во главе казачества становится ген. Каледин. Он стремился об'единить донских, терских и астраханских казаков в «юго-восточный союз». Хитрый и умный военный деятель, с большим боевым прошлым, ведя лицемерные переговоры с крестьянством, он потихонечку стягивал казачьи полки на Дон. Рада не только пропускает казачьи части к Каледину, но и снабжает его вооружением и огнеприпасами. Этим выполнялась директива генерала Корнилова, который после своего неудачного выступления, находясь в Быховской тюрьме, приказывал Каледину сосредоточить казачьи части на важнейших железнодорожных узлах, прикрывающих Дон с севера и запада. В самом же Дону помимо формирования казачьих частей и использования казачьих полков старой армии—должна была строиться добровольческая армия, главным образом, из офицеров и юнкеров старой армии. Во главе всего этого добровольческого движения стояли генералы Алексеев и Корнилов. Они приказали всем юнкерам и офицерам старой армии не выполнять приказов Ленина и Крыленко,

а стягиваться к Новочеркасску. Организуемая ими доброволь-ческая армия носила чисто классовый характер. Но для того, чтобы беспрепятственно развивалось это формирование, необхо-димо было обеспечить Донскую область от нападения с севера и запада и от взрыва революционного движения изнутри. Каледин, опасаясь большевистской заразы, свои казачьи части располагал таким образом, чтобы менее здоровые и стойкие казачьи полки были расположены подальше от сферы агитации большевиков. Более надежные (добровольцы) части находились в руках Каледина на случай попытки большевистских частей свергнуть его правление. Каледина сильно поддерживал круп-нейший союз владельцев рудников, фабрик, заводов и торговых предприятий юга России.

К началу Корниловского мятежа Каледин успел стянуть и расположить следующие казачьи части: по железной дороге Воронеж-Новочеркасск у ст. Чертково 35-й и 38-й казачьи полки, станция Миллерово—45-й полк, у ст. Глубокая —44-й полк, у ст. Каменская—2-й, 28-й, 10-й полки и 31-я отдельная сотня, у ст. Калитвенская—39-й казачий полк, в гор. Новочеркасске—2 казачьих полка, 1 батарея, отдельная сотня. Примерно такие же гарнизоны были в Ростове и Таганроге. По железной дороге Лихая-Царицын у ст. Екатерининская и Новочирская—26-й ка-зачий полк. Таким образом, Донская область прикрывалась, главным образом, с севера. Меньше всего она была защищена со стороны Харькова. Это немудрено, так как Каледин полагал, что Украинская Рада это направление прикрывает.

После октябрьского переворота еще целый ряд казачьих частей успел просочиться на Дон. Но здесь мы наблюдаем следующий любопытный процесс. Фронтовики-казаки по своему существу уже были разложены. Тут, с одной стороны, действо-вала психологическая усталость от мировой войны, стремление домой восстановить разрушенное хозяйство и, с другой стороны, сказывалось влияние большевистской пропаганды. Еще во время Корниловского наступления 1-й, 4-й и 14-й казачьи полки заняли «нейтральную» позицию. Тем не менее, стремясь домой, они частенько пробивались сквозь красногвардейские заслоны с оружием в руках, но, попадая в свою родную область, они окончательно разлагались, так как Каледин, вместо того чтобы распустить по домам, продолжал их держать под ружьем. Сплошь и рядом казачья часть, силой оружия проложившая себе путь, добравшись к родным избам, начинала сама выбра-сывать и поддерживать большевистские лозунги. Поэтому все эти казачьи части, численно нас превосходившие во много и много раз, по своему существу не были достаточно актуальны и боеспособны.

Положение Каледина еще осложнялось тем, что в районе Донской области было расположено 5 запасных полков, в ко-торых заседали комитеты, и которые, если не все выступали на

стороне Красной гвардии, то во всяком случае снабжали ее оружием. Генерал Каледин пытался их разоружить, но неудачно, а затем демобилизовал их по домам, что оказалось более действительным средством для их распыления.

Главной опорой генерала Каледина была добровольческая армия. Ее корни следует искать в офицерских союзах, созданных в царской армии в период между февралем и октябрем. Формальным днем основания добровольческой армии следует считать 2 ноября 1917 года, когда в Новочеркасск приехал генерал Алексеев. Несмотря на то, что им велась открытая пропаганда и что принимались всевозможные меры к пополнению рядов добровольческой армии, тем не менее к концу февраля она только насчитывала: корниловский ударный полк, георгиевский полк, 3 офицерских батальона, юнкерский батальон, Ростовский добровольческий полк из гимназистов и студентов, 2 кавалерийских дивизиона, 2 батареи и ряд мелких партизанских отрядов. Все это не превышало 3—4 тысяч бойцов. Вот все, что удалось русской контр-революции собрать против восставшего пролетариата. Генерал Алексеев рассчитывал перетянуть на свою сторону все офицерство России, которое, по его мнению, насчитывало до 400 тысяч человек. Он был уверен, что его денежно поддержит не только русская буржуазия, но и союзники, о которых генерал Алексеев писал «материально нас поддержать им выгодно».

Можно ли было нищее и беднейшее крестьянство Донской области считать активной вооруженной силой против Каледина? В первый период борьбы Красной гвардии с Калединым крестьянство Донской области массового участия не принимало. Фронтовики только едва-едва успели рассосаться по деревням, от которых они были оторваны в течение трех лет мировой бойни. Крестьянство еще только начинало вариться в огне местных классовых противоречий. Но зато рабочий класс—вот кто являлся для Каледина в самой Донской области злейшим врагом, ибо, начиная с февральской революции, партийные и профессиональные органы города Ростова и Донецкого бассейна вели упорную лихорадочную работу по формированию отрядов Красной гвардии. Для успешности захвата власти проведена была усиленная пропагандистская работа среди солдатских и казачьих частей. Некоторые из этих частей безусловно переходили на нашу сторону, большинство же в результате нашей агитации становилось нейтральным. Крестьянство нам целиком сочувствовало и в тех районах, где особенно усердствовали офицерские карательные отряды, потихоньку начинало строить свою крестьянскую вооруженную силу, из которой мы впоследствии черпали богатейший материал для формирования красноармейских частей.

Убедившись в том, что подобно Питеру и Москве, без вооруженного восстания свергнуть власть буржуазии невоз-

можно, рабочий класс Донской области приступает к активным действиям. Он в этом отношении встречает горячую поддержку со стороны Черноморских моряков, которые 9 ноября требуют от Каледина снятия об'явленного им военного положения, вывода контр-революционных добровольческих частей из Ростова, настаивают на прекращении преследования рабочих советов и на возобновлении вывоза на север хлеба и угля. Начинаются открытые волнения, которые ко второй половине ноября принимают массовый характер. 16 ноября рабочие Макеевского района об'являют у себя Советскую власть. 18 ноября 272-й запасный полк выносит резолюцию о свержении Каледина. В самом Ростове начинается подготовка восстания.

26 ноября в Ростове—Советская Власть. Подготовка к этому восстанию ни от кого не скрывалась, и генерал Каледин получил полную возможность принять соответствующие меры. Он 22 ноября в Новочеркасске разоружил митинговавший пехотный запасный полк; этим он обеспечил свой тыл. Затем он высылает на станцию Кизитеринка отряд генерала Орлова с целью разоружить Ростовские запасные полки. Однако, казаки отказались выполнить этот приказ.

В самом Ростове загорелась борьба между Красной гвардией (плохо вооруженной, наспех сколоченной, частенько не знавшей как стрелять, не имевшей огнеприпасов) и отрядом офицеров, хорошо вооруженных и организованных, под командой генерала Потоцкого. В ночь на 26 генерал Потоцкий совершает налет на штаб Красной гвардии, убивает там двух наших товарищей. В ответ на это Красная гвардия теснит его на вокзал и к вечеру 27 после ожесточенных боев берет его в плен. Покончив с генералом Потоцким, Ростовская Красная гвардия перебрасывается на завод Аксай, куда Каледин стягивал уже свои казачьи части. Начинается героическая борьба Ростовского пролетариата с генералом Калединым, кольцо обложения которого все более охватывает город. Первые два дня успех на стороне Красной гвардии. Солдатский гарнизон и яхта «Колхида» помогают восставшим. Затем начинает сказываться то, что Ростовский пролетариат поднял восстание против Каледина, не обеспечив себе поддержки со стороны многочисленного пролетарского элемента Донецких шахтеров. Благодаря изолированности восстания, эсерам и меньшевикам, под лозунгом «нейтралитета», удается разложить солдатские части. Затем Красную гвардию оставляют на произвол судьбы матросские части, которые с яхты «Колхида» очень существенно помогали Красной гвардии. «Колхида» уходит, и положение значительно осложняется. Сама борьба Красной гвардии, благодаря ее незнакомству с военном делом, принимала своеобразные формы. Красногвардейцы утром отправлялись на линию фронта, а на ночь уезжали по домам к своим семьям. На позициях оставались лишь небольшие кучки наиболее сознатель-

ных товарищей. Ясно, что при таких условиях настойчивое наступление двух отрядов полковников Кучерова и Богаевского и конного отряда генерала Краснова кончается занятием белыми 2 декабря гор. Ростова. Не малую роль сыграло то, что на стороне белых было 5 батарей под руководством ген. Назарова [1]).

Но главную роль в ликвидации Ростовского восстания сыграли не столько казачьи части, сколько те 450 штыков, которые генерал Алексеев дал генералу Каледину на поддержку.

Начались расстрелы, часть Красной гвардии ушла к Тихорецкой, остальная погибла. Для усмирения рабочих Донецкого бассейна высылается ряд карательных отрядов, среди которых особенно печальную репутацию заслужил действительно смелый партизанский отряд Чернецова. Усмирение Ростовских рабочих вскружило генералу Каледину голову и он стал замышлять о более широких военных операциях, для чего приступил к реорганизации своих сил.

Однако, революционные силы Донской области вовсе не были исчерпаны неудавшимся выступлением Ростовских рабочих. В городе Воронеже организуется Донской Ревком в составе т.т. Сырцова, Щаденко и др. Этой группе энергичных товарищей удается провести три с'езда. Первый из этих с'ездов состоялся в гор. Царицыне, куда прибыли представители северных станиц и делегаты казачьих частей, расквартированных вблизи гор. Царицына. Второй с'езд состоялся в Воронеже из немногочисленных делегатов Ростовских большевиков, из представителей рабочих Донбасса, крестьянских волостей, фронтовых частей и, что самое важное, туда прибыли делегаты от некоторых казачьих частей генерала Каледина. Но самое основное было на третьем с'езде 10-го января в станице Каменской, где уже присутствовали делегаты от 21 казачьих, 2-х запасных Калединских полков, 5-ти батарей, и куда в полном составе явились делегаты Воронежского и Царицынского с'ездов и т. Мандельштам (Одисей) из Москвы. Если учесть, что станица Каменская являлась центром сосредоточения Калединских сил, то следует признать чрезвычайную революционную смелость явившихся туда красных делегатов. Генерал Каледин пытается разогнать этот с'езд, но ему это не удается. С'езд об'являет Каледина вне закона, избирает Донской Ревком во главе с т.т. Подтелковым, Кривошлыковым, Ковалевым и др. [2]). Станица Каменская становится организационным центром местных революционных сил, отражавших настроение средних казачьих элементов. Ревком пытается расширить свою власть на юг, но будучи еще сам в процессе укрепления не решается на решительную схватку с Калединым, предпочитая использовать переговоры

[1]) См. приложение № 13. „Мятеж генералов, офицеров и юнкеров".
[2]) См. приложение № 14. „Власть трудового казачества на Дону".

с ним в целях усиления своей пропагандистской работы среди казачьих частей. Тем временем должны были прибыть из центра на помощь советские отряды. Одновременно Ревком строил свою вооруженную силу. Не особенно надеясь на колеблющиеся казачьи части, он базировался, главным образом, на отряды шахтеров и на кое-какие крестьянские формирования. Среди последних выделился Титовский полк. Во главе всех этих сил первоначально был поставлен Герасимов, а затем Смирнов. Особенно боевой силы все эти формирования не представляли, ибо они еще были по своему существу в зародыше.

Каледин, чувствуя, что дальнейшие переговоры с Ревкомом окончательно разложат его силы, обеспечивает себе поддержку добровольческих частей и переходит в наступление. Он бросает против станицы Каменской партизанский отряд Чернецова. Так как части Ревкома были еще мало боеспособны и во главе их стоял Герасимов, командир без широкого кругозора и сильной воли, то первые столкновения были нами проиграны, станицу Каменскую пришлось оставить; Ревком отступил к станции Миллерово. Туда в скором времени из Воронежа прибывает отряд тов. Петрова (один бронепоезд и несколько сот бойцов). В основе этого отряда лежат остатки одной из колонн т. Берзина, посланной с западного фронта на Каледина и наполовину разложившейся. Эти остатки пополнились Воронежским гарнизоном и др. мелкими местными отрядами. Это прибытие поддержки чрезвычайно ободряет наши части, и они, реорганизованные, переходят в контр-наступление на Чернецова, который в свою очередь стремится к северу захватить ст. Миллерово. Встречный бой разыгрался у станции Глубокое. Исход этого боя решил удар 27-го казачьего полка под командой Голубова в тыл Чернецова. Последний, вместе со своим отрядом, был уничтожен. Вслед за разгромом Чернецовского отряда нами снова занимается станица Каменская и начинается продвижение отрядов к важнейшим железнодорожным узлам—Лихая и Зверево. Здесь на смену Чернецову были выдвинуты добровольческие части генерала Корнилова, но они получили сильный фланговый удар от приблизившихся отрядов наркомвоена Антонова.

Во всем остальном, Донецком бассейне точно также были разбросаны отдельные мелкие красногвардейские отряды. Большинство из них принуждено было влачить нелегальное существование. Но тем не менее, они в общем ходе дальнейшего развития борьбы сыграли немаловажную роль.

Таким образом, мы видим, что еще до подхода революционных отрядов из центра почва для торжества Советской власти на Дону, в этом центре контр-революции, была в достаточной степени подготовлена. Конечно, если бы питерские, московские и харьковские товарищи не подоспели на помощь донецким и ростовским

рабочим, то обстановка борьбы для последних была бы очень тяжела. Но в том, что кадры Октябрьской революции не задержались в центре и не почили на лаврах, а решились по важнейшим железнодорожным магистралям немедленно устремиться во все концы необ'ятной республики для утверждения Советской власти—в этом одна из характерных черт нашей пролетарской стратегии, благодаря которой русскому пролетариату удалось в конце-концов отстоять свое право на коммунистическое строительство.

Мы должны опять вернуться к Харькову—стоянке Ставки наркомвоена. Работа этого штаба не будет нами сейчас вполне оценена в достаточной степени, если мы не учтем того, с какими вооруженными силами ему приходилось действовать против казачества и добровольцев. Революция разрушила в корне не только старую армию, но и все привычные военные взаимоотношения. А между тем, развитие той же революции требовало немедленно на место старой армии поставить какую-то другую вооруженную силу. Приходилось драться с тем материалом, который был под рукой, ибо другого выхода не было. Приходилось строить что то новое, и подчас это строительство принимало чрезвычайно своеобразные кустарные формы. Некогда было учить и переустраивать свежие формирования, было очень мало людей и очень много участков фронта. Если учесть, что борьба протекала в обстановке демобилизации старой армии, что заставить бойца новой формации идти в бой, когда вокруг него кишат эшелоны демобилизующихся солдат, когда аппарат снабжения и пополнения отсутствовал, когда не было никакой уверенности в том, что поддержат соседи, что вовремя придут огнеприпасы, заставить его драться было чрезвычайно трудно. Оставалась лишь ставка на его настроение, на его революционный темперамент. Были отряды, построенные по партийной линии; были отряды, которые шли, повинуясь личному авторитету того или иного вожака, которому они слепо верили; были отряды из людей, которых мировая война деклассировала и которым, кроме как воевать, и делать нечего было; наконец, были отряды, сформированные из остатков старых полков царской армии. Надо было управлять войсками при полной неналаженности, а подчас и отсутствии советского аппарата на местах. Железнодорожные и почтово-телеграфные служащие саботировали. Приходилось штабам опираться на отдельные наиболее крепкие части, а не на весь войсковой механизм в целом [1]). И если внимательно рассмотреть все

---

[1]) В этом существенное отличие первого периода от последующего, когда аппарат управления Красной армией опирался не на отдельные отряды, а на сеть разбросанных во всех без исключения ротах батальонах, крепких ядер из наиболее сознательных красноармейцев, подвергнутых обработке специальным политико просветительным аппаратом.

оперативные распоряжения штаба за этот период, то через них красной нитью проходит стремление придать какие-то организационные формы этому хаосу вооруженной силы. И только благодаря тому, что эта «дикая вольница» инстинктивно шла в направлении встречи с противником, можно было хотя бы в грубых чертах регулировать ее движение и ставить кое-какие оперативные задания.

С невероятными затруднениями проходило сосредоточение революционных сил для борьбы с Доном. Пришлось начать наступление, не дожидаясь полного сосредоточения, и в процессе уже разгоревшейся борьбы отдельные отряды вливались в те или иные операционные колонны.

В трех направлениях велось наступление. Основным являлось движение через Никитовку на Таганрог. Вторым—движение через Дебальцево на Лихую—Новочеркасск и, наконец, третьим явилось движение из Воронежа непосредственно на юг.

На первом основном направлении действовал отряд т. Сиверса, так называемая третья колонна юго-восточного фронта. Она в основном имела ядро бойцов из под Петрограда. К нему присоединился отряд из Старой Руссы, ряд батарей и отдельных частей уже в пути следования отряда Сиверса на юг против Каледина. В эту колонну разновременно входило до 25 частей, общей численностью до 10.000 штыков, 16 эскадронов, 32 легких, 10 тяжелых орудий и 2 бронепоезда. Наиболее крупными отрядами были: Латышский полк (1.000 штыков), 18-й Сибирский полк (1.000 штыков), 4-я кавалерийская дивизия (2 конных полка и 1 стрелковый полк) и, наконец, 3 батальона Красной гвардии; таким образом, основным ядром этого отряда следует считать полки, снятые со старого фронта и тем самым сохраненные от окончательного разложения.

Сиверс проходил через шахтерский район и потому он решил об'единиться своими действиями с теми местными отрядами Красной гвардии, которые Чернецов загнал в подполье. Мы имеем, например, сведения о том, что тов. Сиверс 25 декабря 1917 г. послал штабу Красной гвардии Юзово-Макеевского района приказание мобилизоваться и держать в своих руках железнодорожные пути в районе Ясиноватой. Здесь собралось красногвардейцев до 2.000; 4 января он соединяется с ними. Подобная обстановка частично облегчает движение тов. Сиверса, который все же имеет бои с казачьими частями. К 7 января он занимает район станции Креничная, Ясиноватая, Ханжонково. 8 января он проходит Харциск; 11 января Иловайскую. Здесь он подвергается смелому налету эсаула Чернецова. 15 января у станции Ряжное однодневный бой с отрядами добровольческой армии. Этот бой кончается победой Сиверса.

Война ведется в эшелонах. Впереди бронепоезд, за ним какая-нибудь активная красногвардейская часть, затем полки старой армии. Против Сиверса выступали части доброволь-

ческой армии, расквартированные в районе Таганрога. В самом Таганроге находился офицерский батальон, под командой Кутепова, и юнкерская школа. Усиленный Георгиевским полком и Донским партизанским отрядом Семилетова—Кутепов пере-

ходит в наступление и у станции Матвеев Курган 18 января 1918 г. наносит Сиверсу поражение. Это поражение об'ясняется тем, что белые более искусно маневрировали, чем красные, и не боялись из эшелонов переходить к полевой войне. Сиверс отскочил к станции Успенской, оправился, подтянул подкрепление и 21 вновь перешел в наступление, опять занял Матвеев Курган, при чем у белых взял три орудия и множество пулеметов. В то время, когда все силы белых были скованы встречными боями к северу от Таганрога, в самом городе

27 января (ст. стиля) вспыхнуло восстание рабочих. Положение белых становится катастрофическим. 28 января Сиверс входит в Таганрог. Остатки белых с величайшим трудом пробиваются к Ростову. На участке между Таганрогом и Ростовом точно также разгораются бои. 4 января Сиверс занимает Султан-Салы. Как это ни странно, но у белых конница отсутствовала в значительных размерах, хотя все местное население кругом, как будто бы, было достаточно милитаризовано. У села Салы 4-я кавалерийская дивизия обтекала правый фланг белых. Против этой красной конницы белые бросили несколько сотен казаков Гниловской станицы и партизанский отряд Назарова. Здесь мы имеем первое более или менее значительное столкновение красной и белой конницы. Белые были разгромлены. Кутепов заменяется генералом Череповым, который усиливает свои части Корниловским полком, но в свою очередь 9 февраля также терпит поражение и отходит к Ростову, в котором, как и следовало ожидать, также вспыхивает восстание рабочих. Куда бы ни приближались отряды Красной гвардии, в тылу у белых обязательно вспыхивает восстание рабочих—в этом лучшее доказательство глубоко пролетарского характера нашей социальной революции.

Выходом колонны Сиверса в район Таганрога-Ростова красное командование окончательно отрезало Дон от Украинской Рады; остальным 2-м колоннам правый фланг был тем самым обеспечен.

Если колонна Сиверса в своих оперативных действиях опиралась на донецких шахтеров, то гораздо более сложная обстановка создалась для второй колонны тов. Саблина, наступавшей через Дебальцево на Лихая—Новочеркасск. Эта колонна имела ядро по одному батальону от всех 6 Московских запасных полков. Это были те силы, которые командующий войсками Московского округа тов. Муралов выделил для борьбы с Калединым. Колонна Саблина проходит через Харьков 18 декабря, 21 занимает Купянск, 24 прибыла в Дебальцево. Из этого района она стремится установить в своих оперативных действиях связь с колонной тов. Сиверса. Так как Саблин входил в район, не только населенный фабрично-заводским и рудничным элементом, но и чисто казачьим населением, то ему подчас приходилось очень туго из-за постоянных налетов отдельных партизанских отрядов на его тыл. Так, например, в то время, когда его части выдвинулись по Донцу на линию Успенская—Штеровка, партизанский отряд Чернецова совершил налет на Дебальцево, где разгромил несколько красногвардейских эшелонов. Пришлось приостановить наступление и часть сил выделить для ликвидации налета. С линии Успенская—Штеровка войска вступают в упорные бои с донскими казаками. Как мы уже указывали выше, численность колонн и их состав постоянно менялись и пополнялись. Тов. Саблину на помощь пришли Костром-

ской отряд (800 чел.) и отряд харьковских рабочих В. Э. К. под командой тов. Рухимовича. Согласно директив командования Саблин с целью выиграть время до подхода из центра новых отрядов вступает в переговоры с местными казаками, стремится отложить их от Каледина и одновременно наводняет казачий тыл своими агитаторами. Подкрепления подходят и наступление возобновляется. По мере своего продвижения Саблин обростает отрядами местного формирования, так, например, на станции Ровенки к нему присоединяются 3 местных красногвардейских отряда.

Инициатива младших начальников в отряде Саблина, как и в остальных отрядах, принимает подчас нежелательные формы. Отряд Рухимовича решается самостоятельно захватить Зверево, крупный железнодорожный узел в направлении на Новочеркасск. Отряд Чернецова во время этого наступления выходит в тыл Рухимовичу, наносит ему поражение, и настолько этим расстраивает отряд Рухимовича, что приходится его отвести целиком в Харьков на пополнение и переформирование. Неудача Рухимовича не останавливает общего наступления Саблина. Он организует одновременное движение на Лихую и на Зверево. На Лихую наступали недавно прибывшие к нему Брянский красногвардейский отряд, Екатеринославский отряд, Московские части и бронепоезд из Брянска. На Зверево двигались черноморские моряки Мокроусова, Костромской отряд, бронепоезд моряков и ряд мелких отрядов. В общем, несмотря на всю многочисленность отрядных соединений, вся колонна Саблина достигала в своей численности не более 6—7 тысяч штыков, двух батарей и двух бронепоездов.

Это наступление совпало с тем моментом, когда отряды Ревкома и Петрова (9-й, 27й, 28-й, часть 2-го запасного казачьих полков, местная каменская казачья команда, 1-я отдельная сотня, 14-я и 34-я казачьи батареи, отряды шахтеров, луганский отряд—общая численность до 2000 пехоты, 1000 сабель, 18 орудий и 1 бронепоезд) уже оправились, успели разгромить Чернецова и собирались из Каменской наступать на юг. Занимая Зверево, Саблин тем самым нанес фланговый удар тем белогвардейским частям, которые собирались отразить наступление частей Ревкома. Саблину удалось провести наступление со стороны Зверево на север к Лихой и на юг к Сулину. Белые в районе Лихой были почти окружены и им пришлось очистить железную дорогу и рассеяться в глубине Донской области. С этого момента командование об'единяется как колонной 2-й, так и отрядами Ревкома и Петрова, в руках тов. Саблина. Он разрабатывает план наступления на Новочеркасск следующим образом: в правой колонне один из лучших красногвардейских отрядов тов. Медведева походным порядком наступал со ст. Сулин в направлении на Несветайск—Грушевская. В центральную колонну включили те части, которые никак драться не могли, как только в

эшелонах. Это были, главным образом, матросы Черноморского и Балтийского флотов, московские, костромские и брянские красногвардейцы. Они подвигались в эшелонах по железной дороге. 16 февраля эта колонна имела сильный бой у ст. Каменоломня. Левая колонна была составлена, главным образом, из кавалерийских казачьих частей Ревкома. План наступления был разработан таким образом, чтобы в Новочеркасск вошли первыми эти революционные казаки. Белые, конечно, Новочеркасск без боя сдать не хотели. Все, что они могли выдвинуть, все это у Персияновки пыталось оказать нам сопротивление. Лучше всего дрался 2-й офицерский батальон. Казаки дрались очень слабо, ибо видели, что с красными идут их же братья—казаки. Поход на Новочеркасск проходил с необычайным под'емом. Начиная от Сулина навстречу красным отрядам из шахт выходили отдельными группами шахтеры, чтобы присоединиться к Красной гвардии, дабы покончить с Калединым. 5/III нами занят Новочеркасск.

По мере приближения красных к Ростову и Новочеркасску положение ген. Каледина становилось все более и более катастрофическим. Генерал Каледин, изверившись в возможность поднять массы казаков против большевиков, в начале февраля 1918 г. покончил самоубийством. Этим аппарат управления белых окончательно разваливается. Они бегут в двух направлениях. Добровольцы ушли вместе с Корниловым на Екатеринодар, остатки казачьих частей, под командой атамана Попова, направились в Сальские степи. Белые спаслись потому, что с юга Батайская группа красных (112-й запасный Ставропольский полк и некоторые части 38-й дивизии) еще 13 февраля заняли район Батайск—Великокняжеская, но не перехватили дорогу из Аксайской на Ольгинскую, по которой и ушли белые.

Занятием Ростова и Новочеркасска очаг мятежа генералов, офицеров и юнкеров на юге России был потушен. На примере победы над Калединым мы ясно видим, что внутренняя контр-революция для победившего пролетариата не была страшна. Силы активного характера этих контр-революционеров были до смешного ничтожны. Сотни мелких, наспех сколоченных, отрядов, выброшенных глубокими корнями пролетарской революции, справились с активным сопротивлением нескольких тысяч контрреволюционных офицеров и казачьих кулаков.

Наша победа над Калединым является результатом превосходства в захвате инициативы, быстрого сосредоточения сильных революционных частей с большим наличием организованных полков старой армии. Темп нашей новой организационной работы в области создания вооруженной силы был гораздо сильнее, чем у царских генералов, пытавшихся что-то создать по старому образцу.

Мы победили потому, что в эту борьбу не успели вмешаться ни германский империализм, как при Краснове, ни

Антанта, как при Деникине. Слишком далеко тогда отстояла Донская область от линии еще не ликвидировавшегося империалистического фронта, чтобы имелась возможность обеим борющимся империалистическим группировкам активно вмешаться в борьбу Советской власти с Калединым. Внутри самой Донской области Каледин не успел создать себе прочной базы.

Мы тут видим все великое значение нашей революционной пропаганды. Сотни казачьих эшелонов с оружием в руках пробивались на Дон и здесь, заражаясь революционным настроением донецких шахтеров, фронтовики-казаки переходят на нашу сторону или нейтрализуются. Местное же казачество, в целом, не вступило в борьбу на стороне Каледина. Здесь мы еще не видим, чтобы казачество выделило из себя ту массовую народную милицию, каковой по существу была впоследствии казачья армия генерала Краснова. Во время первой нашей схватки с Калединщиной казачество еще не успело сорганизоваться настолько, чтобы почувствовать себя в силах справиться с отрядами, присланными из центра. Чувствуя неизбежную схватку с крестьянством Донской области из-за дележа земли, чувствуя неизбежную схватку с рабочим классом Донбасса за отказ от политических и экономических преимуществ, казачество на время притихло с тем, чтобы подпольной организационной работой подготовиться к выступлению в тот момент, когда отряды центральной Советской власти уйдут с Дона, или когда изменится международная обстановка.

Мы ликвидировали Калединщину в ее внешних проявлениях. Глубокую организационную работу на Дону мы не успели проделать, как последовало наступление немцев на Украину и Дон после Брестского мира. В промежуток между ликвидацией Калединщины и наступлением немцев мы были вынуждены окончательно демобилизовать полки старой армии и вернуть заводам красногвардейские отряды. То, для чего они были призваны к ружью, уже больше, как прямая опасность, не существовало. Этим мы ослабили советские силы на Дону и это послужило одной из основных причин того, что местная власть впоследствии не справилась с теми большим задачами, которые им поставило германское наступление. Но прямую задачу — разгромить Калединщину — молодая пролетарская Республика выполнила и свой первый боевой экзамен выдержала с успехом.

ГЛАВА V.

Борьба с польскими легионерами.

Национальные формирования. - Польский корпус. — Разоружение корпуса.—Восстание.—Ликвидация польского корпуса.

Советская власть от царского режима и от Временного Правительства получила в наследство ряд неразрешенных вопросов в военной области, среди которых не последнее место занимали, так называемые, национальные формирования. Во время мировой войны, когда потребовалось необычайное напряжение сил, обе борющиеся стороны форсировали национальные предрассудки с целью создать крепкие войсковые части, об'единенные на общей национальной платформе. Каждая из борющихся империалистических группировок играла на том, что она «освобождает» мелкие национальности. На этой почве шла самая зверская спекуляция, в которой не малую роль сыграли либеральные и право-социалистические партии. Тем не менее, несмотря на весь обман и ложь, сопровождавшие эти национальные формирования, последние все-таки возникли во всех борющихся армиях, в том числе и в русской. С особым интересом нам следует отнестись к польским национальным формированиям, так как почти все вожди современной польской армии прошли через огонь первого этапа гражданской войны в России (Довбор-Мусницкий, Галлер, Желиговский и др.).

Как известно, польские национальные буржуазные партии имели два основных течения. Одно из них ориентировалось на Австрию, другое на Россию. Верховный главнокомандующий русской армии Николай Николаевич в своем пресловутом обращении к польскому народу весьма туманно обещал полякам национальную независимость под покровительством русского царя. Видная польская национал-демократическая партия тогда приступила к формированию польских частей. Первый период с 21 января 1915 года по 20 мая 1915 года был связан с формированием одного легиона, двух эскадронов улан и небольшого количества отдельных охотничьих команд и др. Второй период, длившийся до февраля 1917 года, связан уже с тем, что поль-

ские части были сведены в бригаду польских стрелков и в один полк Краховецких уланов.

Третий период, с февраля по август 1917 года, связан с существованием польской стрелковой дивизии.

Во главе движения при царском режиме стоял польский национальный комитет, в состав которого входили представители польской аристократии (князья Велепольские, Радзивиллы, Замойские) и крупной промышленной буржуазии (Дмовский, Четвертынский, Дембинский, Балицкий, Косицкий). После февральской революции, в конце мая, в Петрограде происходит первый Всероссийский С'езд военных поляков. С'езд раскололся. Большинство пошло за национал-демократами, т.-е. приняло программу добровольного выделения поляков из русской армии, создания польской вооруженной силы, не вмешивающейся во внутренние русские дела и подчиняющейся русскому командованию только в оперативном отношении. С'езд выбрал верховный польский военный комитет (В. П. В. К.). Меньшинство разоблачило реакционный характер формирования этих национальных польских частей, покинуло с'езд и образовало польскую военную левицу. Левое течение не сумело на этом первом с'езде противостоять тонкому использованию запутанной политической обстановки мировой войны, умелому подбору дипломатических эффектов, не сумело противостоять вождям польского национального шовинизма. Польская левица развила самостоятельную агитационную деятельность и частично создала небольшие польские революционные части, и главное, что она сделала, это то, что она своей революционной деятельностью сильно разлагала польские национальные формирования.

Керенский, находясь под влиянием реакционных петроградских военных кругов, был против формирования национальных частей. Зато Ставка, в особенности когда во главе ее стоял генерал Корнилов, всячески покровительствовала польским формированиям. Корнилов разрешил сформировать польский корпус и назначил командиром корпуса Довбор-Мусницкого, известного русского генерала, командира 38-й дивизии. 169-й и 171-й русские дивизии должны передать этому корпусу всю свою материальную часть. Польская буржуазия оказывает формирующемуся польскому корпусу крупную финансовую поддержку. Для развертывания некоторых частей используются кадры имевшихся в Киевском военном округе польских частей. Создаются польские запасные части, на Украине закладываются ячейки 2-го и 3-го польских корпусов. Корпус Довбор-Мусницкого получает № 1-й.

Довбор-Мусницкий, ставший в августе 1917 года во главе корпуса, развивает широкую организационную работу. Он создает регулярную часть старого пошиба. Несмотря на то, что вся русская армия переживала комитетчину, в польских частях войсковых комитетов не существовало и легионеры беспрекословно выполняли приказы своих реакционных командиров; от

солдат, поступавших в корпус, требовалась на сей предмет соответствующая подписка. Довбор-Мусницкий ревниво охранял свои войска от большевистской заразы и запрещал войскам вмешиваться в русские дела, но на территории занимаемой польскими войсками он приказывал поддерживать «порядок». Такая деятельность еще в дни Временного Правительства не могла укрыться от глаз Советов рабочих и солдатских депутатов. Мы видим, что 30 августа по приказу Петроградского Совета в помещении В. П. В. К. происходит ревизия и обыск. Еще тогда со стороны Советов намечалось стремление разоружить польские национальные части, но одновременно Штаб Петроградского Военного Округа вооружает поляков, ибо в поляках видели ударников. Особенно характерно было поведение польских частей во время Корниловского мятежа. Довбор-Мусницкий приказывает польским частям двинуться в Могилев для защиты особы самого Корнилова. Корнилов предполагал польским корпусом занять район Орша—Смоленск—Жлобин—Гомель. Так как польский корпус еще не успел к тому времени обзавестись артиллерией, то Корнилов считал необходимым усилить этот корпус казачьими батареями. Несмотря на то, что Корнилов был смещен и заключен в тюрьму, Довбор-Мусницкий продолжает поддерживать с ним самую тесную связь, охраняет Корнилова и помогает ему бежать на Дон. Нам известно из мемуаров Деникина, что Корнилов пробрался на Дон по документу, выданному ему из канцелярии польского корпуса. В предоктябрьский период у Довбор-Мусницкого возникает ряд конфликтов с выборным командованием Западного фронта; тогда его подчиняют непосредственно Ставке, т.-е. генералу Духонину.

Если до октября между польскими политическими партиями буржуазного и демократического толка существовали разногласия относительно строительства польских вооруженных сил, то под влиянием великой социальной революции они трогательно об'единяются и развивают бешеную агитацию за формирование польских национальных частей. В этом отношении они идут по следам генерала Каледина, Украинской Рады, финских белогвардейцев, татар, грузин и пр. Вся русская армия наводняется польскими агитаторами. Они умело формируют отдельные команды, роты, выдвигая на первый план лозунг планомерного возвращения на родину. Это, главным образом, привлекало симпатии польского крестьянства. Центр агитации из Петрограда переносится в Минск, подальше от глаз центральной Советской власти. Агитационная работа идет не только среди солдат русской армии, но и в лагерях военно-пленных австрийцев и германцев, среди которых было много лиц польской национальности. Общая цель всей этой политической и организационной работы—оторвать польского солдата от пролетарской революции, заставить его замкнуться в узко-понимаемой национальной скорлупе и тем самым создать из него свежее и по-

слушное оружие в руках буржуазии против восставшего пролетариата.

Успеху агитации содействовали: 1) наглядный и заразительный пример украинцев, латышей, армян, грузин, эстонцев, формировавшихся и тем самым уходивших с надоевшего фронта в тыл, 2) развал старого фронта, где во многих частях после ухода национальных формирований и стихийной демобилизации вся тяжесть фронтовой работы падала на польских беженцев, 3) стремление вообще оторваться от армии и вернуться домой, 4) отсутствие польской социалистической прессы и литературы, равно как и достаточного количества агитаторов польской левицы, которые смогли бы в самих частях старой армии раз'яснить им сущность развивающихся событий; свою деятельность польской левице пришлось перенести уже в сформировавшиеся национальные польские части, 5) декреты Советской власти о полном самоопределении наций, о мире и пр.

Тем не менее, мы видим, что несмотря на бешеную пропаганду, основным ядром польского корпуса все же являлись офицеры и юнкера. В первом польском корпусе было так много офицеров, что там впервые зародились так называемые рыцарские легионы, т.-е. чисто офицерские части. Офицеры в этих легионах были не только командным, но и рядовым составом. Весьма характерно то, что контр-революционное офицерство старой армии, чисто русского происхождения, быстро раскусило сущность этого корпуса и охотно туда пошло. Мы сплошь и рядом видим на командных постах первого польского корпуса много чисто русских и немецких фамилий.

В результате всего в конце декабря польский корпус состоял из 12-и стрелковых, 3-х кавалерийских полков и тяжелой артиллерии. Явно реакционный характер польского корпуса привлек внимание дипломатических агентов Антанты, которые помогали ему не только деньгами, но и вооружением. В наших руках имеются точные данные, говорящие о том, что французские летчики из Киева помогали вооружению польской кавалерии. Французская миссия всемерно стремилась как-нибудь воссоединить первый корпус со вторым и третьим, расположенными на Украине. Она предполагала двинуть первый польский корпус через Жлобин на Украину, для смычки с Украинской Радой и генералом Щербачевым. Донские реакционеры, в лице генералов Каледина, Корнилова и Алексеева, также приглашали к себе на Дон польский корпус, но под давлением союзного командования 1-й польский корпус это лестное предложение отклонил. Среди дипломатических представителей Антанты в этот период была популярна идея, чтобы, из якобы сохранившихся, украинизированных румынского и юго-западного фронтов, при помощи чехо-словацких, польских, донских частей восстановить анти-германский фронт, примерно, по линии Днестра, Среднего Днепра, Дона, с коммуникацией, обращенной к Черному морю.

Во всяком случае, выражалось стремление дипломатии Антанты во чтобы то ни стало не дать в руки немцев побережье Черного моря, Донецкий Бассейн и Бакинскую нефть. Вот почему 1-й польский корпус должен был либо остаться на своем месте, либо снизиться слегка на юг для воссоединения со вторым и третьим, но ни в коем случае не уходить на Дон. За такое послушание союзники обещали 1-му польскому корпусу всевозможные блага в будущем.

Польский корпус вел себя безобразно. В местах стоянки он арестовывал советы, фактически восстанавливал польские помещичьи порядки, грабил крестьян. Ясно, что существование такого реакционного корпуса в обстановке полного разложения всей остальной армии внушало большие опасения. 27 ноября главковерх Крыленко, опираясь на постановления всех армейских комитетов, приказывает корпусу демократизироваться, т.-е. ввести выборное управление. Довбор-Мусницкий отказывается. В. П. В. К. продолжает свою реакционную деятельность, носящую уже явный характер анти-советского выступления. В январе 1918 г. часть видных членов В. П. В. К. арестовывается. Корпус за неповиновение приказам главковерха исключается со всех видов довольствия. Ему приказывается расформироваться и демобилизовать весь личный состав. Этот конфликт застал польский корпус в период его переброски в район Рогачев—Жлобин—Бобруйск. Эта переброска была связана с тем, чтобы поставить корпус на Брест-Литовском направлении взамен совершенно разложившейся Особой армии. В Брест-Литовске в это время протекали первые мирные переговоры, и наша делегация была поставлена в очень тяжелые условия в силу того, что как раз на Брест-Литовском направлении старая армия представляла из себя невероятнейший хаос. Шли упорные бои между украинизированными и русскими частями. Окопы в сторону немцев никто не охранял. Во всю шло братание и меновая торговля. Немецкие генералы это учитывали, на это указывали русским делегатам и в своих требованиях наглели. Представители советской стороны об этом информировали главковерха Крыленко и просили его выдвинуть на фронт какую-нибудь более дисциплинированную часть. Так как польский корпус все время декларировал свою непреклонную волю воевать с немцами «до победного конца» и так как в то время еще с ним не было резкого конфликта, то ему было предложено стать в линию фронта. Польский корпус первоначально дает согласие, а потом, под предлогом, что его хотят разоружить на фронте среди большевистских частей, отказывается. В начале января в руки советских властей попадают точные документы о тайных переговорах Довбор-Мусницкого с генералом Алексеевым на предмет совместных выступлений против большевиков. Отдается вторично приказ польскому корпусу демобилизоваться, Довбор-Мусницкий еще раз отказывается и

тогда Крыленко этого контр-революционного генерала об'являет вне закона [1]). В ответ на это первый польский корпус 12 января старого стиля 1918 года об'являет войну РСФСР.

Какая активная сила и какие организующие центры могли быть противопоставлены восставшему польскому корпусу? Красная гвардия в прифронтовой полосе только начинала зарождаться. Все революционные силы старой армии были направлены, главным образом, на ликвидацию Каледина и Украинской Рады. Для ликвидации восстания польского корпуса пришлось искать силы все же внутри самой старой армии. Несколько революционных полков, предназначенных для дополнительной отправки на Украину и на Дон, были задержаны для ликвидации восстания первого польского корпуса. Всей этой ликвидацией ведала исключительно так называемая Революционная Ставка, т.-е. выборный орган военных советов; во главе ставки стоял Тер-Арутуньянц; она подчинялась главковерху тов. Крыленко. Ликвидировать непосредственно польских легионеров было поручено тов. Р. И. Берзину, латышу, члену партии с 1905 года.

Назначению тов. Берзина предшествовали следующие события. Так как корпус еще не успел сосредоточиться в треугольнике Жлобин—Рогачев— Бобруйск, то решено было разоружать польские эшелоны по дороге. Целый ряд эшелонов удалось разоружить, но все же около 2-х дивизий успело уже сосредоточиться. К нашему счастью, генерал Довбор-Мусницкий пустил свою тяжелую артиллерию в хвосте, и нам удалось ее разоружить. Первая дивизия под командой генерала Остаповича, расквартировавшись в городе Рогачеве, выдвинула авангарды на линию станции Тощица и держала свою кавалерию на тракте Могилев—Бобруйск, в районе той же станции Тощица. Вторая польская дивизия находилась между Рогачевом и Жлобином, но последний пункт был захвачен своевременно отрядом Петроградской Красной гвардии и несколькими частями старой армии из резервов второй армии украинского фронта, той самой армии под командой тов. Берзина, о которой мы расскажем во время изложения нашего наступления на Киев. Третья польская дивизия этого же корпуса из района Смоленска походным порядком пробивалась к Бобруйску на присоединение к корпусу. Так как война была, главным образом, эшелонного характера, т.-е. вдоль линии ж. д., то опасность корпусу грозила с трех сторон. Со стороны Минска и Могилева ему угрожал отряд под командой тов. Быча. Со стороны Гомеля и Жлобина—отряды резервов 2-й армии. Со стороны Осиповичей—местный отряд в 1.000 солдат старой армии и 500 красногвардейцев. В конце января польскому корпусу угрозу со стороны Осиповичей удается ликвидировать.

Остались, таким образом, два направления: 1) со стороны Могилева и 2) со стороны Гомеля—Жлобина. Довбор-Мусниц-

---

[1]) См. приложение № 15 „Борьба с польскими легионами".

кий свои боевые действия начал с того, что прервал жел.-дор. сообщение из Гомеля на Минск, т.-е. лишил весь западный и северный фронт украинского хлеба, сахара и жиров. В результате того, что и Каледин прервал доступ донского и кавказского хлеба, солдаты старой армии стали голодать и разбегаться во все стороны. Революционная Ставка тов. Крыленко решила во чтобы то ни стало освободить эту питающую железную дорогу. Предполагалось, что польский корпус удастся бескровно разложить путем посылки агитаторов. Но в силу особых условий формирования этого корпуса и его специфического подбора, а также в силу недостаточного учета национальных предрассудков, агитация эта внесла лишь частичное разложение, но существенного успеха не имела. Наоборот, мы видим, что 1-я польская дивизия сама перешла в частичное наступление и приблизилась к Могилеву, т.-е. к пункту стоянки самой Ставки. Тогда был выдвинут из Могилева ряд разрозненных отрядов, под командой тов. Быча, но в силу их полной неорганизованности 1-я польская дивизия их легко растрепала.

Взамен отряда тов. Быча было решено бросить против польских легионеров крепкие части и сменить командование на участках. Назначается тов. Берзин, с фронта вызываются 1-й и 4-й латышские полки, 19-й сибирский полк, отряды Гельсингфорских матросов под командой тов. Угрюмова, отряд Ревельских моряков под командой Булкина. Во главе этого Рогачевского направления поставлен командир латышского Корпуса т. Вацетис (впоследствии главнокомандующий Красной армии). При нем состояла коллегия из т.т. Павлуновского и Угрюмова.

На этом участке гражданской войны, как и на остальных, войска складывались из остатков полков старой армии и из новых образований на добровольческих началах. Никакого аппарата принуждения не существовало. Все основывалось на добровольном желании и на революционном настроении. Была революционная, но мало пригодная для маневренной войны, масса и революционная головка. Отряды держались на крепком революционном ядре, чисто классового и, подчас, партийного характера. Это ядро вело за собою весь отряд, самотверженно гибло и на своих плечах выносило всю тяжесть боя. Но так как отсутствовала планомерная политическая работа по усилению этого ядра из среды самого отряда и так как планомерного пополнения из тыла не поступало (тыл бросал готовые отряды целиком), то это ядро скоро истощилось, и наступило разложение отрядов. Этот период был особенно характерен быстрым выходом из строя значительного числа отрядов. Отряд приходил, воевал более или менее доблестно недели две-три, а то и месяц, а затем целиком выходил в тираж. На его место приходилось ставить совершенно новый отряд, который в свою очередь имел все достоинства и недостатки предыдущего, и в свою очередь был боеспособен на короткий промежуток времени. Вот почему так

трудно было в этот период создавать крупные войсковые соединения, настолько текуч был состав дерущихся частей. Не меньшую роль играл элемент политического разложения. Элементу чисто боевого сокрушения воли противника отводилось второстепенное значение. Раскрепощающая волна социальной революции, казалось, должна была смести все старые привычные формы взаимоотношений. Многие ожидали, что все сразу перестроится заново и что перед поступательным движением Октябрьской революции никто не посмеет встать с оружием в руках. Однако, эти революционные иллюзии были скоро опровергнуты жизнью.

Со сменой командования на Рогачевском направленнии меняется командование и на Жлобинском направлении. Здесь первоначально действовал первый минский революционный отряд под командой т.т. Ольчака и Павлова, в составе 60-го Сибирского стрелкового полка, 268-го полка, отряда Петроградских красногвардейцев и ряда мелких красногвардейских отрядов. Так как поляки угрожали захватить Жлобин, крупный железнодорожный узел и вместе с тем колоссальный фронтовой базисный склад, то по приказанию тов. Берзина командование на Жлобинском направлении принимает начальник резервов 2-й армии тов. Белицкий.

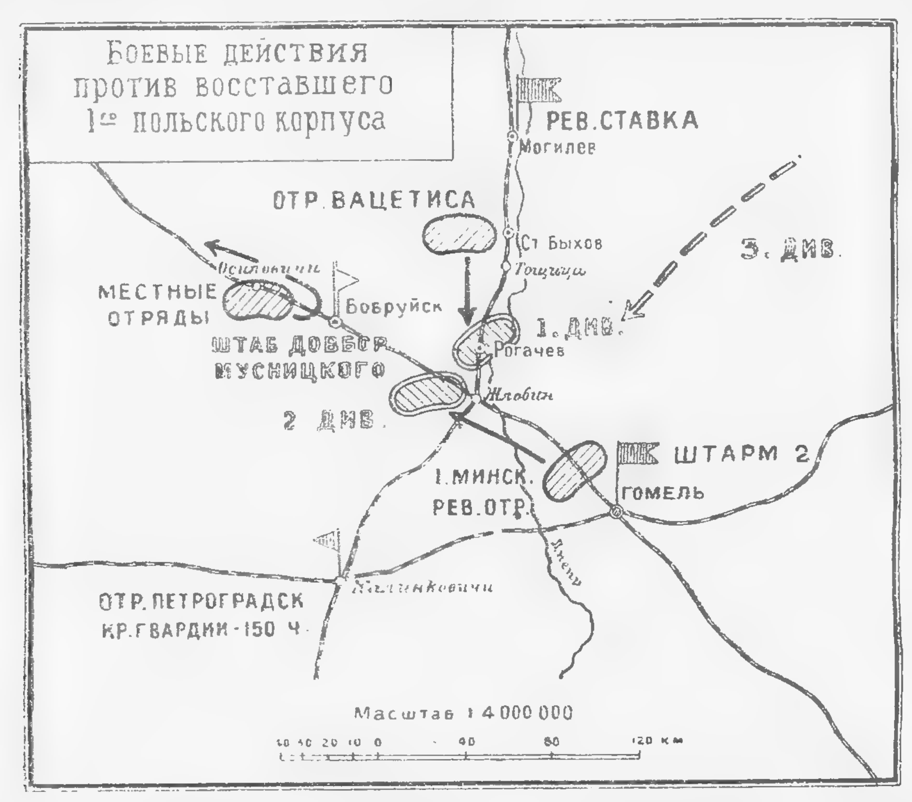
Операции на Рогачевском направлении, т.-е. против 1-й польской дивизии развивались следующим образом: Вацетис предложил на собрании командного состава всех своих отрядов сбить авангард легионеров в Тощице путем обхода с востока в тыл, т.-е. чтобы отряды действовали не в лоб, а на деревню Верхняя Тощица. Командиры с этим согласились, но сами части перед выступлением собрались на митинг, отменили это решение командования и в 11 час. утра пошли в лоб на станцию Тощица. Тощицу защищали первый офицерский легион и первая рота стрелков под командой полковника Кунажевского. Эта группа бойцов выставила пулеметы на колокольне и на водокачке и метким огнем нанесла наступавшим красногвардейским частям огромные потери. Особенно пострадали Гельсингфорские моряки, которые считали ниже своего революционного достоинства пользоваться складками местности и наступали цепью во весь рост. В результате больших потерь красногвардейцы отступили к Старому Быхову. Эта неудача отрезвила наши горячие головы, и через несколько дней части снова переходят в наступление, в точности придерживаясь указаний тов. Вацетиса. Главный удар наносил первый латышский полк в направлении на Ниж. Тощица. Первая польская дивизия не выдерживает удара и отступает на укрепленную позицию, непосредственно примыкавшую к Рогачеву. Эта позиция была создана еще в 1915 году для прикрытия Рогачевского ж.-д. моста и имела характер ряда окопов, обнесенных проволокой, с пулеметными блокгаузами. Заставы выдвигались на линию деревни Старое Село и Тихинец. Резервы располагались в городе Рогачеве. Сама позиция проходила от правого берега Днепра, южнее де-

ревни Старое Село и далее до реки Друть. Силы Довбор-Мусницкого в Рогачевском районе исчислялись в 3—5 пехотных полков, 6 легких орудий и 2 полка конницы. Положение Рогачевского отряда становится затруднительным, ибо, помимо необходимости атаковать укрепленную позицию, их тылу угрожала приближавшаяся со стороны Рославля 3-я дивизия. Вацетис подтягивает значительное количество артиллерии и решает захватить Рогачев следующим образом: а) он разбивает свои войска на ряд мелких отрядов. Каждому отряду придает по одной пушке, безрзалично какого колибра, б) расположение польских частей в Рогачевском районе окружается со всех сторон и ночью внезапно открывается огонь, которым должна быть вызвана паника в рядах польских легионеров, в) небольшой отряд избранных храбрецов врывается в город и стремится захватить неповрежденным мост через реку Друть.

Маневр удается, и к утру 13 февраля (по новому стилю) Рогачев был в руках красных. Первым бежал из Рогачева в Бобруйск штаб Довбор-Мусницкого. Были захвачены трофеи и большое количество пленных 1-й дивизии, которыедали показания, что в боях за последнее время фактически участвовали только офицерские и юнкерские части. Рядовая же масса польских легионеров стала раскаиваться во всей этой авантюре войны с Советской Республикой. С занятием Рогачева железные дороги из Украины на Могилев освобождаются, но было уже поздно. Фронт старой армии развалился.

За несколько дней до падения Рогачева, 25 января старого стиля, первый Минский революционный отряд под Жлобином разгромил 2-ю польскую дивизию. Жлобин давно привлекал внимание польских лигионеров, которых, главным образом, прельщали продовольственные ресурсы. Находившийся на станции отряд Петроградских красногвардейцев в 250 человек под командой В. Павлова и батальон 60-го сибирского стрелкового полка под командой тов. Розенберга стойко отражали попытки польских легионеров захватить Жлобин. 18 января питерские красногвардейцы пытаются налетом захватить Рогачев, но их попытка кончается неудачей. Так как силы эти были недостаточны и активность польских легионеров все возрастала, то на поддержку из Гомеля был выброшен в Жлобин первый батальон 268-го полка с пулеметной командой в 12 пулеметов. В ночь с 24 на 25 2-я польская дивизия, в составе 2-го и 4-го полков, 2-х орудий, третьего полка уланов и офицерского отряда под командой Желиговского (впоследствии оккупировавшего Вильну) внезапным налетом снимает все сторожевое охранение, захватывает город Жлобин и вплотную подходит к эшелонам на станции. Одновременно польская конница отрезала единственный путь отступления на Гомель, так как она захватила железнодорожный мост через Днепр. Первым гибнет в бою тов. Ольчак. Положение нашего отряда близко к катастрофе. Город занял 2-й польский

полк, а 4-й полк должен был с юго-запада замкнуть кольцо. Этот обходный маневр 4-го полка был учтен, и, когда он втянулся в прилегающий к станции Жлобин лесок, то был обстрелян нашей артиллерией. Этот обстрел вызвал панику среди наступавших,

и 4-й полк разбежался. Вслед за этим был выдвинут броневик в сторону железнодорожного моста, который и отогнал польскую конницу. Остальными силами перешли в наступление со станции на город. Пришлось принять уличный бой в течение 8 часов; в результате этого боя 2-я польская дивизия была на голову разбита, оставила в руках красных около 300 пленных и была вынуждена к паническому отступлению к Бобруйску. В этом бою решающую роль сыграло наличие в руках красных артиллерии и броневиков. Поляки шли в наступление, превосходя нас численностью втрое, но они не имели артиллерии. Особенно героически дрались петроградские красногвардейцы.

Вместо того, чтобы выставить заслон в сторону Бобруйска и обрушиться в северо-западном направлении на тыл 1-й дивизии, т.-е. не дать ей уйти из под ударов Рогачевского отряда, 1-й Минский революционный отряд занялся пополнением своих рядов, демобилизацией отрядов из солдат старой армии и доведением себя до 21 отряда; в общей сложности бойцов было не более 600—1000. Жлобинский отряд тянулся больше к югу, где в районе станции Калинковичи переживал очень тяжелую обстановку один из петроградских отрядов Красной гвардии под командой т. Галушки. Это был один из трех отрядов Петроградской гвардии,

которые 1 января из Петрограда, напутствуемые тов. Лениным, отправились на юг бороться с контр-революцией. Часть этого отряда попала в Могилев, часть в Жлобин и часть в Калинковичи. Вот последнему из этих отрядов, численностью всего в 150 бойцов, приходилось особенно туго. Против него действовали польские легионеры, украинские гайдамаки и казачьи эшелоны, пробивавшиеся на Дон с линии старого фронта. Высшее командование в лице тов. Берзина категорически требовало установления связи по фронту между Жлобинским отрядом и тов. Галушко, т.-е. закрепить за собою железную дорогу Жлобин-Калинковичи. Это было вызвано опасением того, чтобы поляки не захватили эту дорогу в свои руки и тем самым не соединились бы с Украинской Радой. Война была эшелонная, и только тот, кто в своих руках держал железные дороги, мог решать свои боевые задачи. Сил для того, чтобы выполнить эту задачу связи, у командования не было. Решено было использовать озлобление местных крестьян против польских легионеров, производивших нещадные реквизиции. Мы неоднократно высказывали свой взгляд на то, что крестьянство в своей массе большого участия в первый период гражданской войны не принимало. Оно занималось дележкой помещичьей земли и устроением новой советской власти на местах. Но там, где линия фронта более или менее устанавливалась, где войска задерживались и, не имея налаженного снабженческого аппарата, жили за счет местных средств, там крестьянское население постепенно втягивалось в процесс борьбы и с оружием в руках реагировало на посягательство на его экономическое благополучие. Красногвардейские отряды жили, главным образом, за счет остатков запасов старой армии и поэтому у них с крестьянами, помимо политических симпатий, были и в экономической области добрые отношения. Польские легионеры, восстанавливавшие помещичий режим и нещадно реквизировавшие достояние крестьянина, вызывали в нем глубокую ненависть. Фронтовое крестьянство, вернувшееся домой с оружием в руках и обладавшее всеми военными навыками, быстро организовывалось под руководством унтер-офицеров и младших офицеров и повело ожесточенную борьбу с польскими легионерами. Отдельные партизанские отряды, так, например, отряды т.т. Болотова, Колача и др. вырезывали поголовно небольшие польские реквизиционные отряды. Польские легионеры отвечали сжиганием целого ряда деревень. Это было учтено красным командованием, и оно вооружило все соседние к Жлобину деревни из Гомельского базисного оружейного склада. В освобождаемых от польских реквизиционных отрядов деревнях созывались митинги и крестьянству предлагалось оружие с тем, чтобы оно освободило соседний район. Крестьяне дальше своей волости обычно не желали продвигаться, но путем постепенного передвижения одной волости к другой удалось воссоединить Жлобинский и Калинковичский отряды и освободить всю эту

местность от польских отрядов. Все же расслоение революционной деревни шло быстрыми шагами, и нам удалось собрать несколько крестьянских отрядов, которые согласились вместе с красногвардейцами перейти в наступление на Бобруйск—последнюю стоянку Довбор-Мусницкого. Это наступление при полном сочувствии всего населения начало развиваться успешно. Был занят Красный Берег, т.-е. войска приблизились к Бобруйску на один переход. Падение Бобруйска ожидалось со дня на день.

Два фактора этому помешали.

Первым фактором было движение 3-й польской дивизии к линии фронта. Она совершила походный марш в 400 килм. из района Ельни (около Смоленска), минуя Рославль. Эта дивизия, преследуемая по пятам красногвардейскими частями, вышла в район Климовичи и оттуда боковыми дорогами приблизилась к району Рогачева-Жлобина. Ей предстояло прорваться через линию большевистских войск. О том, что 3-я дивизия приближалась, красное командование знало; однако, когда дивизия втянулась в дер. Заболотье, расквартированный там 19-й Симбирский полк весь спал, и командование этого полка беспрепятственно пропустило поляков. 3-я дивизия поляков спокойно направилась далее по направлению к Бобруйску, но в дер. Паболово ее случайно встретил Гомельский отряд Красной гвардии и броневик. Этот отряд в течение 2-х часов мужественно боролся со всей дивизией, но, будучи окружен со всех сторон, не смог оказать дальнейшего сопротивления и был целиком уничтожен. Ни один человек из 200 красногвардейцев не спасся,

так что все подробности этого боя мы знаем только из польских источников, которые констатировали упорное сопротивление красногвардейцев и свои большие потери. В деревне Турки 3-я дивизия вступила в связь с передовыми частями 1-го польского корпуса, и, таким образом, весь корпус воссоединился. Перед красным командованием задача осложнилась, тем более, что необходимо было поставить кое-какие части на место погибшего Гомельского отряда.

Второй, более важный, фактор связан с наступлением немцев. В то время, когда красные войска вели успешный бой у Красного Берега, была получена из Ставки телеграмма о том, что немцы перешли в наступление и чтобы им не только не оказывать никакого сопротивления, а чтобы, наоборот, стараться войти с ними в общение и своей революционной пропагандой постараться их разложить. Через пару дней получилась совершенно противоположная телеграмма, чтобы ни в коем случае не допустить продвижения немцев и оказывать бешеное сопротивление. Предлагалось взрывать мосты перед немецкими войсками, сжигать продовольственные склады, организовывать партизанские набеги и всемерно возбуждать трудящиеся массы к вооруженному выступлению. Однако, вторая телеграмма не отвечала настроению красных отрядов. Большинство из них все-таки составляли солдаты старой армии, которые были на фронте распропагандированы в том смысле, что довольно воевать с немцами и что лучше пойти воевать с собственной контр-революцией. И когда здесь внутри страны перед ними вставала перспектива опять бороться с великолепными германскими войсками, и бороться в чрезвычайно для себя тяжелых условиях, то в их душу вкрадывалось сомнение и, в конечном счете, они отступали. Это настроение было отлично известно командованию, поэтому приближение немецких войск скрывалось. Когда немцы в эшелонах приблизились к ст. Красный Берег, то артиллерия красных и пулеметный огонь нанесли немцам большие потери. На правом фланге наши части перешли в наступление и захватили десятка два пленных. Когда пленных опознали, что это немцы, а не поляки, то все отряды собрались на митинг и заявили, что с немцами они не воюют.

В ту же ночь весь фронт был оставлен.

Немцы заняли Жлобинский узел и вскоре также и Гомель. Столь быстрое продвижение немцев через линию польских войск связано было со следующим фактом. Когда положение польского корпуса стало отчаянным, то он послал делегацию к немцам, прося их притти к нему на помощь. Поляки, которые все время вместе с остальной буржуазией твердили на все лады, что большевики являются агентами германского империализма и что вопреки большевикам 1-й польский корпус является частью армии Антанты на русской территории и будет бороться против немцев,—поляки фактически же заключили союз с насту-

лающими немцами и помогли им очистить Могилевскую губ. от красногварцейских отрядов. 25 февраля Довбор-Мусницкий заключил форменный договор с немецкими войсками, по которому ему поручалось не только поддержание порядка, но и производство реквизиции у местного населения для нужд германской армии. Немцы, как это и следовало ожидать, полностью использовали холопские услуги 1-го польского корпуса, а затем его разоружили. Это было связано с тем, что 2-й польский корпус, поддержанный австрийцами—поляками (главным образом, бри-

гадой Галлера), не держась немецкой ориентации, задумал перейти на сторону русских революционных войск. 28 мая в Черкасском уезде Киевской губ. произошел кровавый бой между 2-м польским корпусом и 28-й германской бригадой, 137-м и 148-м баварскими полками. После жестокого боя 2-й польский корпус вынужден был сдаться. Это, очевидно, заставило отнестись подозрительно и к 1-му польскому корпусу Довбор-Мусницкого. Однако, немецкие генералы могли быть вполне спокойны. Авантюра с об'явлением войны Советской Республике, декларация генерала Мусницкого в начале своей борьбы о том, что он присоединяет Могилевскую губ. к несуществующей еще Польше—все это кончилось тем, что сам генерал Довбор- Мусницкий помог немцам разоружить свой корпус.

Какие выводы можно сделать из борьбы Красной гвардии с польским корпусом? Мы победили, несмотря на то, что польский корпус, насчитывавший до 25.000, превосходил нас численностью в несколько раз. Мы победили своим революционным

порывом, и тем самым еще раз получили доказательство того, что внутренняя контр-революция нам не была страшна. Молодая Советская Республика ее в корне задавила, и только вмешательство германского империализма помешало нам окончательно разрушить контр-революционную организацию, собравшуюся под польским флагом.

Мы недостаточно оценили политическое содержание польских легионов. Мы слишком надеялись в начале мятежа на влияние нашей агитации и недооценили мелко-буржуазные тенденции польского крестьянина и то влияние, которое на него имели национальные партии польской буржуазиии. Вот почему подавление мятежа затянулось.

Тем не менее мы помимо самого разгрома польского корпуса можем в этих операциях найти для себя много полезного. В этих операциях мы впервые ввели в бой ряд новых отрядов Красной гвардии. Они получили боевое крещение и на собственном опыте учились воевать. Командный состав, точно также, получил в этих операциях боевой закал. Несмотря на то, что мы под натиском немцев отошли, все же отряды, боровшиеся против поляков, послужили ядрами последующих формирований. Рогачевский отряд, под командованием Угрюмова, составил Рославльский отряд в завесе, образованной после Брестского мира. Латышские части отошли в Москву, в состав первой латышской дивизии. Жлобинские отряды раскололись на две части. Первая часть отошла через Гомель к Новозыбкову, где командующему всеми операциями против поляков тов. Берзину удалось против наступающих немцев создать очень сильную брянскую группу в 8.000 бойцов, защищавших подступы к Москве с запада. Вторая часть отошла в центр, на Волге пополнилась и была переброшена в Туркестан. Там в период блокады Жлобинский отряд, несмотря на все свои партизанские замашки, отличался исключительной боеспособностью.

Мы видим на этой операции наглядный пример того, как в борьбе с пролетариатом об'единяются все буржуазные политические организации. Они образуют единый фронт. Казалось бы что интересы польских националистов, или украинской рады, или калединцев различны и что их политические стремления должны развиваться самостоятельными путями. Однако, это далеко не так. Они все действуют сначала по указке дипломатических миссий Антанты, а когда их дело не выгорает, то они с легкой душой меняют ориентацию и идут на поклон к немецким дипломатам и генералам. Все они с пеной на губах вопили о предательстве Советской власти, заключившей брестский договор, а сами фактически переходят на сторону немецких захватчиков и вместе с ними собираются задушить молодую пролетарскую революцию.

Таковы уроки истории.

ГЛАВА VI.

Борьба с Украинской Радой и Румынией.

Рабочий класс Украины.—Рада.—Муравьев.—Взятие Киева.—Генерал Щербачев.—Бой у Рыбницы.—Мир с Румынией.

Мы видели на примере борьбы с Калединым, насколько важно присмотреться к социальному содержанию борющихся сторон в гражданской войне для того, чтобы понять сущность этой борьбы. Национальный момент в борьбе с Калединым отсутствовал. Зато он доминировал во время первой борьбы Красной гвардии с Украинской Радой и еще затем оказал огромное влияние своей окраской на все, последовавшие в течение трех лет, всевозможные боевые действия на территории Украины.

Одна из самых сложных проблем, которую старый царский режим оставил пролетарской революции неразрешенной,— это украинский вопрос. Украина, как страна, исторически сложилась, как весьма своеобразный комплекс классовых, национальных и партийных взаимоотношений. Внимание к Украине было связано с двумя моментами: экономическим и географическим. Экономически Украина представляет собой богатейшую часть Республики. Три четверти добычи угля всей России, $^{2}/_{3}$ железной руды, $^{3}/_{4}$ марганцевой руды, $^{2}/_{3}$ соли, $^{4}/_{5}$ сахара, $^{9}/_{10}$ всего вывозимого за границу хлеба и вместе с тем огромный потребительный рынок для обрабатывающей промышленности центральной и северной России. Молодая пролетарская республика ни в коем случае не могла экономически жить без Украины.

Географически Украина прилегает к Черному морю, к Румынии, к Галиции, к Дону, и через нее шли исторические пути к Донецкому углю и бакинской нефти. К Украине одновременно тянулись руки германского империализма и Антанты. Крестьянская страна, жаждавшая только покоя, исторически-неизбежно стала плацдармом 3-х летнего боя между социальной революцией и международной реакцией.

На Украине пролетарскую революцию должен был утвердить, понятно, пролетариат Украины. Он был численно слаб и имел перед собой 2-х мощных врагов. Первым врагом была

буржуазия с Калединским лозунгом: «полная реставрация помещичьего строя». Этот враг в силу своей ясной классовой платформы был не так страшен, как второй враг украинского пролетариата — союз мелкой националистической буржуазии и украинского кулака. Империалистическая политика царского режима, продолжаемая и Временным Правительством, вскормила буржуазный сепаратизм на Украине. Ведя за собой кулацкое крестьянство, мелкая буржуазия очень ловко играла на национальных настроениях украинского крестьянства, которое царский режим в течение двухсот лет зверски угнетал. Но сама по себе украинская мелкая буржуазия, как и всякая другая мелкая буржуазия, с ее подчас псевдосоциалистическими лозунгами, была способна использовать бунтарские порывы украинского кулака, но не обладала устойчивыми организационными данными и поэтому для политики этой буржуазии характерно искание опоры извне и замена одной формы политической зависимости другой.

Пролетариат Украины, несмотря на свою численную слабость, был полон революционного порыва. Он тянулся не только идейными, но и экономическими нитями к пролетариату России, ибо украинская промышленность, принявшая, благодаря большому притоку иностранных капиталов, большие размеры, трестировалась с промышленностью центра и севера России. Беда малочисленного украинского пролетариата состояла в том, что его революционная интеллигентская верхушка дробилась на множество течений, что чрезвычайно запутывало политическую обстановку классовой борьбы на Украине. Не меньшей бедой было и то, что вся тяжесть борьбы с Украинской Радой падала главным образом, на пролетариат правобережной Украины, более малочисленный, чем пролетариат левобережной Украины, связанный непосредственно с пролетариатом Донецкого бассейна.

Украинские националисты, благодаря наличию в их рядах правых социалистических партий, представляли для украинского пролетариата в первый период гражданской войны менее наглядную и отчетливую опасность, чем те реакционные силы старого режима, которые группировались вокруг представителей Временного Правительства, главным образом, вокруг городской думы и штаба Киевского Военного Округа. До 10.000 юнкеров и чехо-словацкий полк готовы были поддержать Временное Правительство, с которым рабочие решили в первую очередь покончить. Но реакционные силы под руководством своего штаба вовсе не намеревались легко уступить свою власть. Штаб Округа деятельно готовился к схватке. Он укрепил в своем районе все дворы. Все военные школы были поставлены под ружье. Казачий с'езд в Киеве об'являет себя полком. Эс-эры и меньшевики деятельно помогают этим белогвардейцам, создавая комитеты безопасности и проч.. Георгиевские кавалеры, белогвардейщина, студенты, гимназисты, какая-то ударная дивизия

Мазуренко — все это твердо решило себя противопоставить справедливому гневу киевского пролетариата.

Много ли было силы у красной стороны? До смешного ничтожная цифра. Рабочие Киева насчитывали в своих рядах не более 6.000 человек. Ей оказывали деятельную поддержку 3-й авиационный парк, понтонный батальон, 152 дружина, телеграфная рота и две пешие воронежские дружины. 1 ноября 1918 г. Киевский Совет постановил свергнуть власть буржуазии. Загорается восстание. Чехо-словацкий полк нападает на 3-й авиопарк. Авиаторы заняли позиции на Печерске на валах старых укреплений и мужественно отражали чехов. С обеих сторон работали десятки пулеметов. Взлетает аэроплан — сигнал к всеобщему восстанию рабочих. Город моментально покрывается десятками баррикад. Красная гвардия доблестно штурмует укрепившихся белогвардейцев. 4 дня продолжался упорный бой, исход которого решает вступление в бой на стороне красных тяжелого артдивизиона, стоявшего за Днепром и поддавшегося, наконец-то, нашей революционной пропаганде.

Какую же позицию во время этой героической схватки занимают украинские националисты? Ведь в их распоряжении имеется до 18.000 солдат старой армии, снятых с империалистического фронта и сведенных в специальные украинские национальные полки. Украинским националистам было чрезвычайно выгодно, чтобы рабочие свергли представителей Временного Правительства. Они обещают рабочим свою помощь, но, конечно, во время схватки предательски стоят в стороне. Только отдельные части украинской армии сами, вопреки приказанию своего начальства, помогли восставшим. Во время этой схватки было убито со стороны белых до 400 человек, красногвардейцев 19 и 1 украинец. Очень помогла успеху восстания всеобщая стачка. Белые остались без света, воды, трамвая, хлеба, в то время как союз пекарей и другие профессиональные организации снабжали восставших и их семьи хлебом и другими припасами. Благодаря революционному натиску, рабочие Киева с большим трудом побеждают юнкеров, но в этот самый момент выступают украинские националисты, занимают своими частями центральные учреждения и власть вместо рабочих советов переходит в их руки. Это случилось потому, что пролетариат был истощен в борьбе с юнкерами и потому, что в его организационном устройстве были значительные дефекты. Так, например, в Киеве одновременно существовали два параллельных совета — солдатский и рабочий.

Украинские националисты, захватив власть в свои руки, без особого сопротивления распространяют ее на все украинские города. Укрепившись, националисты бесцеремонно начинают разоружать рабочих, высылают революционные великорусские части из пределов Украины, срывают искусственно всеукраинский с'езд советов и рядом с этим содействуют транспортированию

остатков разбитых юнкерских частей на Дон к генералам Алексееву и Корнилову.

Кто же руководит украинским национальным движением? Украинская Рада во главе с Семеном Петлюрой. Последний выдвинулся на всеукраинском национальном с'езде еще в апреле месяце 1917 г. На этом с'езде председательствовал известный украинский общественный деятель М. С. Грушевский, много претерпевший от царского правительства и очень популярный среди украинских и галицийских национальных деятелей. Национальный с'езд избрал центральную раду в 150 человек. Постепенно влияние этой рады распространяется на провинциальные города, деревни и армию. Все это движение широко поддерживалось теми, которые старались национальными лозунгами сплотить антисоветские силы. По мере укрепления влияния Центральной Рады разгорается борьба с Временным Правительством за автономию Украины. Конфликты эти были, главным образом, на почве введения официального украинского языка, из-за выделения украинских войсковых частей из старой армии, из-за отдельного участия украинской делегации на предстоящем мирном конгрессе и т. д. Временное Правительство, в лице меньшевиков и эсеров, очень боялось, чтобы Украина не заключила сепаратного мира с немцами. Это находит отражение в постановлении солдатской секции от 9 мая 1917 г. о нежелательности формирования отдельных частей национального характера и с протестом против создания украинской национальной армии. Формально Временное Правительство мотивировало свой отказ тем, что во время войны нельзя изменять мобилизационных планов. Оно предложило укомплектовать несколько украинских частей равномерно на всех фронтах. 14 мая ставка верховного главнокомандующего разрешает украинизировать, таким образом, 3 армейских корпуса. Так как украинские националисты выдвигали требование украинизации юго-западного и румынского фронтов, то соглашение не было достигнуто. Рада переходит к более активной политике и 13 июня 1917 г. обнародывает первый Универсал, прокламирующий автономию Украины.

Одновременно на всех фронтах созываются специальные украинские войсковые с'езды, которые выносят резолюции с требованием создания украинской армии. В силу роста украинских военных формирований, в тот момент Украина вплотную подходила к национальной военной революции. Временное Правительство в силу этого пошло на уступки. В результате поездки в Киев Церетелли, Терещенко и Керенского генеральный секретариат Украинской Рады получил функции краевого исполнительного комитета. Центральная Рада становится законодательным центром автономной области республики. С этой реформой связано издание второго Универсала.

Однако, Временное Правительство, под влиянием буржуазного крыла, вскоре идет на попятную и снова ведет чисто

реакционную политику старого режима. Украинским националистам это было только на руку. Вождь украинских националистов, известный писатель Винниченко, стал говорить о возможности «гражданской войны» между Украинской Радой и Временным Правительством.

Если учесть то, что во главе Украинской Рады стояли правые социалистические партии, то станет понятно, что октябрьский переворот внес еще больший хаос в запутанную обстановку на Украине.

После того, как Рада очень умело использовала выступление киевских рабочих, она публикует 3-й Универсал, устанавливающий совершенно независимую украинскую народную республику и, что самое главное,—участки старого фронта, юго-западный и румынский, об'являются украинизированными и вышедшими из-под подчинения Ставки верховного главнокомандующего. Последнее тем более удается, что в руках Петлюры были базы снабжения обоих фронтов. Продолжается лихорадочное стоительство украинских частей. Наравне с украинизацией частей старой армии создаются чисто классовые отряды из гимназистов и студентов. Петлюра широко открыл об'ятия для царских офицеров и генералов. В украинских полках было только 30—40% офицеров-украинцев, остальные были великорусского происхождения. Немало было в рядах украинских частей иностранных офицеров. Авиация, например, обслуживалась исключительно французскими летчиками. Политика Петлюры была ярко шовинистическая, дико самостийная и по своему характеру явно погромная.

Французская миссия щедро поддерживает Петлюру, ибо французский капитал был очень заинтересован на Украине, в Криворожском и Донецком бассейнах. Одновременно Антанта мечтает при помощи украинских национальных частей воссоздать на русском фронте развалившийся антигерманский фронт, продержаться хотя бы до весны, когда, благодаря вмешательству Америки, для французов на западном фронте должны были создаться более благоприятные условия. Под давлением французской миссии Петлюра в ноябре 1918 г. заключает союз с Калединым для борьбы с большевиками и о пропуске казачьих частей на Украину. Одновременно идут самые тесные переговоры с польскими легионерами и с румынским королем. В то же время под давлением все той же французской миссии Украинская Рада официально отказывается пропускать через свою территорию советские эшелоны на Дон.

Советское правительство всемерно старалось избежать каких-либо конфликтов на территории Украины. Оно пыталось первоначально опереться на всеукраинский с'езд советов. Благодаря провокации Петлюры ноябрьский с'езд советов в Киеве срывается, и революционная часть с'езда переносит свои заседания в Харьков. Там 13 декабря 1917 г. избирается 1-й Украин-

ский Центральный Исполнительный Комитет. Харьковский с'езд советизирует всю левобережную Украину. 21-го декабря Екатеринослав в руках рабочих. 27 декабря в Харькове обезоружены украинские части. Одновременно там же со своим штабом прибывший из центра наркомвоен Антонов группирует свои силы для борьбы как с Доном, так и с Украинской Радой.

Советское правительство по отношению к Украинской Раде вело себя чрезвычайно миролюбиво. Оно пыталось договориться с Радой, чтобы она, главным образом, не разрушала фронт своими самочинными действиями и тем самым не срывала в корне возможность заключить с немцами мало-мальски приличный мирный договор. Поездка крупных советских деятелей в Киев не увенчалась успехом.

Но борьба между революционными советскими частями и украинскими националистами шла не только путем дипломатических переговоров, но и на полях сражения. Дело в том, что украинцы не выпускали русских солдат с империалистического фронта домой с оружием в руках. Одновременно целый ряд фронтовых частей вовсе не желал украинизироваться, ясно раскусив всю буржуазную подоплеку украинской самостийности. В Проскурове, Одессе, Волочиске, Казатине и в ряде других пунктов в средних числах декабря 1917 г. начинают вспыхивать отдельные бои украинцев с советскими войсками. 4 декабря (по старому стилю) советское правительство вынуждено пред'явить Украинской Раде ультиматум [1]), который 6 декабря отклоняется Радой. Советское правительство отдает приказ своим революционным частям на фронте воспрепятствовать продвижению через Украину казачьих частей и ударников на Дон. Революционная Ставка запрещает выделение украинских частей. Рада приказывает украинцам не считаться с приказами Совнаркома.

На этой почве в конце декабря 1917 г. (старого стиля) повсеместно на фронте старой армии разгорелись бои. Части особой армии, стоявшие на большевистской ориентации, стремятся занять Сарны и Ровно и тем самым уже угрожают самому Киеву. Украинская Рада в свою очередь спешно снимает войска с фронта, тем самым его окончательно разваливает и стягивает их к Киеву. 30 декабря 1917 года Украинская Рада арестовывает нашего комиссара юго-западного фронта т. Чудновского, членов Ставки тов. Боярского, Ефимова и командующего фронтом тов. Егорьева и об'являет продовольственную блокаду севера России. С этого момента следует считать военные действия, между Украинской Радой и Советской Республикой, открытыми. Положение Украинской Рады с первых же дней становится весьма тяжелым. С запада ей угрожает 2-й

---

[1]) См. приложение № 16. „Ультиматум Совета Народных Комиссаров Украинской Раде". „Телеграмма Нач. Минского Рев. Отряда Берзина".

гвардейский корпус, с севера на нее двигаются отряды т. Берзина, только-что расправившегося с восставшим польским корпусом, а с востока харьковская часть с'езда советов Украины, во главе с наркомвоеном Антоновым, готовит сокрушительный удар. Было ясно, что, пока еще малочисленные отряды красногвардейцев, по мере продвижения, будут обрастать за счет рабочих и крестьян, ждавших прихода Советской власти.

И когда вся эта военная гроза нависла над головами украинских националистов, и когда они увидели, что многочисленные обещания дипломатических представителей Антанты ничего реального сейчас дать не могут, то они обратили свои взоры в сторону германского империализма. Может быть оттуда придет спасение от пролетарского возмездия!

2-ой гвардейский корпус, наступавший на Киев с запада на восток, т.-е. с линии старого империалистического фронта продвигался очень медленно, так как был отвлечен рядом местных столкновений с украинизованными частями. Непосредственного участия во взятии Киева он не принимал, и его движение имело скорее стратегическое, чем тактическое значение при разгроме Петлюры.

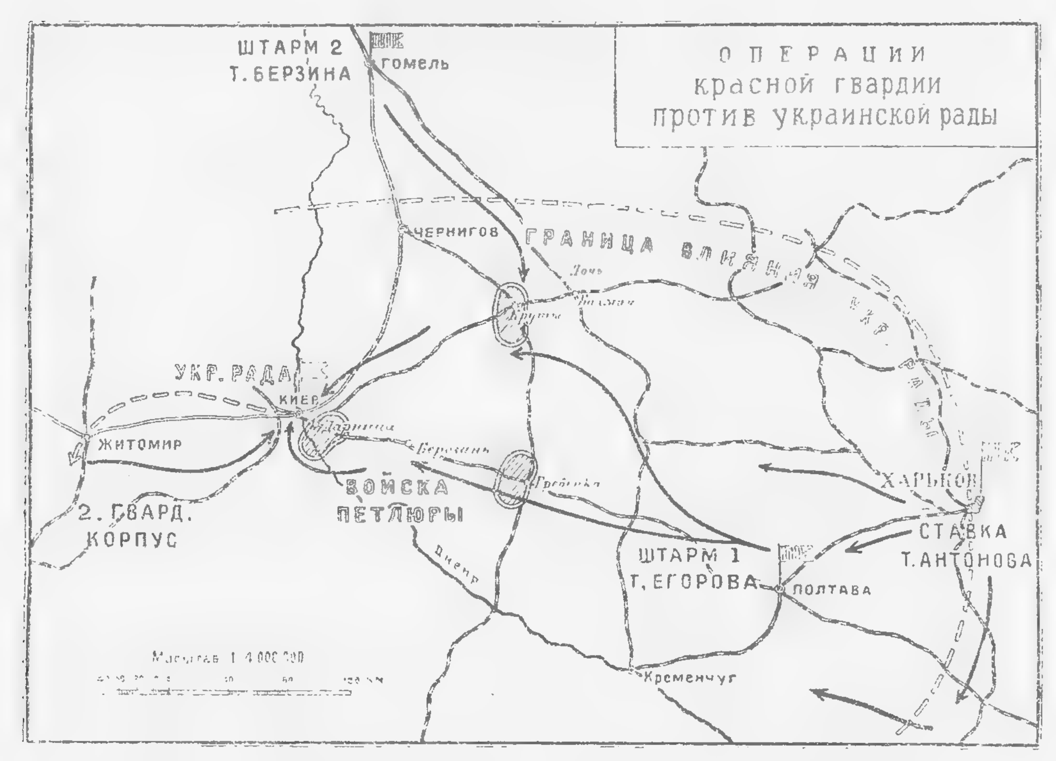
Северная колонна тов. Берзина сформирована была почти исключительно из частей старой армии и старого флота. В нее входили: 19-й полк, 37-й полк, моряки тов. Яковлева, ряд батарей и др. Эти части по первоначальному замыслу высшего командования должны были наступать на Дон, но задержались гайдамацким выступлением. Резервы этой армии (60-й сиб., 268-й Пеш. полк и др.) ввязались в бой с польским корпусом. Красногвардейских частей было, таким образом, очень немного. Движение на Киев колонна совершала через Гомель на Бахмач. Полки старой армии часто митинговали и каждое продвижение их вперед связано было с большими затруднениями. Около станции Дочь-колонна т. Берзина, так называемая 2-я армия, была задержана взорванным мостом. Затем этот мост удалось навести и части двинулись вперед. Сильный бой был у этой колонны в районе станции Круты. С целью обеспечить правый фланг наступающих армий особым отрядом из резервов 2-й армии, расположенных в районе Гомеля, был занят город Чернигов. Впоследствии, после выхода в район Нежина, 2-я армия т. Берзина уже действовала плечом к плечу с 1-й армией. Из частей т. Берзина следует отметить: Пятигорский полк, Новоладожский полк, 268-й полк, 12-й Туркестанский полк, отряд моряков Яковлева и др. Нет сомнения, что движение отряда Берзина было бы еще более успешно, если бы часть его сил не была оторвана для борьбы с восставшим 1-м польским корпусом.

Основной удар Украинской Раде был нанесен движением сильных отрядов в прямом направлении от Харькова на Киев. Оперативное руководство наркомвоеном Антоновым было возложено на Муравьева. Муравьев провел операцию по занятию

Киева очень успешно, и поэтому стоит остановиться на его личности. Бывший офицер, подполковник старой армии, участник русско-японской и мировой войн, инициатор создания ударных батальонов во время Керенщины выдвинулся в первые дни октябрьской революции, как командующий советскими отрядами в борьбе с Керенским под Петроградом. Как начальник, обладал твердой волей, пользовался большим влиянием на массы, отличался стремительностью своих ударов, личной храбростью, но с очень большим бонапартистским душком. Поэтому нуждался в очень твердом политическом руководстве. Таковое было в лице наркомвоена Антонова, и потому действия Муравьева в этот период были в общих чертах на пользу Республике. Муравьев старым фронтовым частям не доверял, у него на этой почве часто возникали трения с тов. Берзиным. Последний, являясь представителем революционных деятелей, работавших в фронтовых выборных организациях, являлся горячим сторонником того, что при помощи наиболее сохранившихся частей старой армии можно покончить с внутренней контр-революцией. Муравьев же стремился опереться исключительно на красногвардейские и матросские отряды. Правда лежала между этими двумя противоположными убеждениями, ибо в этот момент следовало и можно было использовать старые фронтовые части, и вместе с тем необходимо было дать боевую практику еще не сложившейся Красной гвардии.

Железнодорожные сообщения и телеграфные провода между обоими враждующими лагерями продолжали функционировать. Рада, конечно, учитывала и знала о том, что большевики концентрируют свои главные силы около Харькова, и что их первый удар совпадет с наступлением на Полтаву. Поэтому Рада начинает выдвигать свои части к Полтаве. 4 января Муравьев в эшелонах начинает наступление на Полтаву. Его силы до 5.000 бойцов (Московский, Харьковский, Люботинский отряды Красной гвардии и ряд мелких отрядов). Во главе—бронепоезд, за ним червонные казаки. 1-й курень 1-го полка червонного казачества был первой революционной украинской частью, созданной из распропагандированного 2-го украинского полка в противовес национальным формированиям Украинской Рады. Интересно проследить тактическую обстановку боя под Полтавой, чтобы имет представление об общем характере боевых столкновений того периода. Подойдя к станции «Полтава» бронепоезд открывает огонь по станции, обращает в бегство неприятельские броневики и врывается на самую станцию. Вслед за броневиком подошел эшелон червонных казаков, которые оставляют по два человека в каждом вагоне, быстро выгружаются и цепями наступают на город, обстреливая его из четырех пулеметов Максима. Противник встречает редким ружейным огнем быстро приближающиеся к городу цепи. Загорелся уличный бой. Казаки выделяют одну сотню для захвата почты

и телефонной станции, одну сотню для занятия Виленского военного училища и одну сотню для окончательного захвата города. В каждой сотне было по 250 человек. Залпы этих сотен вдоль улиц заставляли противника сдаваться или бежать. К ночи город был очищен. Немедленно был созван Совет, который об'явил себя законной властью.

Заняв Полтаву Муравьев начинает распространяться на юг и на запад, пополняется местными силами. Вся эта группа затем об'единяется в 1-ю армию под командой т. Егорова. Это вызывается тем, что сам Муравьев получил задачу об'единить как действия 1-й армии, так и всех остальных сил, наступавших на Киев со всех сторон. Начинается подготовка захвата киевского района. Этот район с востока окружен тремя линиями железнодорожных магистралей. 1-ая магистраль проходит через Брянск на Ворожбу и Люботин. Эта магистраль к 8 января уже была целиком в руках советских отрядов, 2-я магистраль от Гомеля на Бахмач — Ромодан — Кременчуг к 12 января также перешла после ряда боев в руки советских отрядов. Зато труднее всего досталась 3-я магистраль, идущая из Чернигова на Круты—Гребенка—Черкассы. Здесь Петлюре у Круты удалось сосредоточить до 15.000 войск. Бой был 15 января армией Берзина (3.000 солдат старой армии, 400 матросов и 12 орудий) выигран. Не менее сильный бой был 13 января у Гребенки, где 1-я армия Егорова с большим трудом, при поддержке 11-го Сибирского полка, посланного ей на подмогу, также выиграла столкновение. К 16 января вся эта линия

была в руках красных. С этого момента район Киева можно считать стратегически обложенным, ибо, поскольку тогда была эшелонная война, все железнодорожные магистрали и крупные узловые пункты были уже в руках красных. В самом Киеве ожидалось сопротивление, помимо отступивших войск, еще не менее 20.000 гайдамаков, и крайне загадочно держал себя 35.000-й чехо-словацкий корпус.

Решено было концентрическим наступлением захватить Киев, и это стремление к концентрическому наступлению является наиболее характерной формой решения стратегических задач в первый период гражданской войны. 1-ая армия Егорова, в состав которой влились, как пополнения, чехо-словацкий коммунистический отряд—200 человек, отряд Киквидзе—500 чел., червонный полк Примакова—400 чел., Харьковский отряд—150 чел., Белгородский отряд—285 чел., железнодорожный отряд—190 чел., 10 легких, 2 тяжелых орудия, наступала на Киев двумя колоннами. Первая колонна, в составе отряда Петроградской Красной гвардии и бронепоезда № 2 стремилась соединиться с армией Берзина и продвигалась в эшелонах в направлении Гребенка—Круты—Дарница. Вторая колонна этой армии, в составе Донского отряда, Московского, Люботинского и бронепоезда № 1, наступала через Гребенку на Дарницу. В своем движении эта колонна задержалась взорванным мостом через реку Березань. Войска, привыкшие продвигаться в эшелонах, задержались в ожидании починки моста. Тогда Муравьев отдает приказание выгрузить людей из эшелонов и посадить их на обывательские подводы. Этим приказанием открывается новая эра «подводного» метода передвижения, столь характерного для последующих этапов гражданской войны.

2-я армия Берзина в это время уже шла в голове по железной дороге Бахмач—Киев и 22 января обе армии сошлись у Дарницы. 23 января начинается штурм города Киева. Этому штурму предшествует бомбардировка из 30-ти легких и 10-ти тяжелых орудий. Противник точно также обладает большим количеством артиллерии. Пехота пытается штурмовать Киев через мосты и по льду замерзшего Днепра, но она отбивается пулеметным огнем. Наступление возобновляется со стороны станции «Киев 1-я» и со стороны цепного моста на Лавру. Червонные казаки выше Киева переправились через Днепр и заняли в тылу Петлюры киевское предместье Куреневку. Известие об этом проникает в город и рабочие снова берутся за оружие. На Подоле (рабочая часть города) опять завязываются баррикадные бои. Одновременно червонные казаки проникают в город, спешиваются и вместе с рабочими атакуют Петлюровские баррикады. Обе армии Муравьева тем временем после ожесточенной борьбы 26 января (по старому стилю)—8 февраля (по новому стилю) также врыва-

ются в город и комбинация из штурма извне и восстания изнутри решает участь Украинской Рады. Она бежит в Житомир, но ее дипломатические деятели к этому моменту уже совершили свое предательское дело. Во время Брестских переговоров украинская делегация заключает сепаратный мир с немцами и тем самым создает для советской делегации невозможную обстановку, закончившуюся «похабным» миром.

Мы выше указывали, что при непосредственном появлении советских отрядов у Киева в нем снова вспылало рабочее восстание. Лучшие страницы истории Парижской Коммуны бледнеют перед героической борьбой киевского пролетариата.

В центре наиболее яростного шовинизма Украины, в городе Киеве, пролетарская революция имела крепкое революционное ядро. Красная гвардия Киева насчитывала 6.000 людей. Она организована была по предприятиям в десятки и сотни. Представители из предприятий и партийных комитетов составляли районный штаб. Районные штабы разграничивались административным делением города. Штаб Красной гвардии Киева возглавлялся представителями районных штабов, которыми руководили наши видные партийные товарищи, как то: Леонид Пятаков, Иванов, Бош и др. Против этой небольшой вооруженной массы Украинская Рада в самом Киеве держала до 15—20.000 гайдамаков. Украинизированные военные школы, кадетские корпуса и специальные отряды из студентов и гимназистов составляли костяк этой национальной, наспех сколоченной, армии.

Красногвардейцам необходимо переманить на свою сторону или во всяком случае нейтрализовать украинские полки. Пускается в ход мощное оружие революции — пропаганда. В первую очередь поддаются Полуботьковский и Сагайдачный полки, расквартированные в рабочих районах. Успех этой пропаганды заставляет верхи Украинской Рады принять соответствующие меры. 23 ноября рабочие дружины разоружаются. Убит видный деятель Красной гвардии Леонид Пятаков. Нарастает неизбежная схватка. Восстанию предшествует всеобщая забастовка, организованная и поддержанная профсоюзами.

16 января 1918 г. первый батальон Сагайдачного полка поднимает восстание. Это было очень кстати, так как тактичнее всего было поднять против Украинской Рады какую-нибудь распропагандированную украинскую же часть Попытка остановить этот батальон, отрядом «Вильного казачества» (студенты, гимназисты), срывается. Батальон идет к арсеналу и вместе с рабочими разоружает охранявший арсенал украинский «курень смерти». Захватив оружейные склады, Красная гвардия начинает лихорадочно вооружаться. К повстанцам присоединяется часть Полуботьковского полка. Рядом стоящие с арсеналом саперы и понтонеры присоединяются к Красной гвардии. Таким образом, весь Печерск оказался в руках восставших. Одновременно демиевские рабочие занимают Шулявку, железно-

дорожники — товарный вокзал, подольские рабочие — Подол и Крещатик. В руках Рады остается только район Липок.

Очевидно, что главари восстания не сумели использовать свой первый большой успех, ибо мы видим, как постепенно главари Украинской Рады начинают оказывать все большее и большее сопротивление и бьют по частям восставших. Злоба украинских националистов против восставших рабочих была настолько велика, что они, вопреки тяжело сложившейся военной обстановке, снимают с фронта 4 полка. Эти полки, 26 января 1918 г., первым долгом изолируют Печерск от остальных районов города Киева; тем самым прекращается приток продовольствия в арсенал, и, с другой стороны, приток огнеприпасов из арсенала в окраины. Арсенальцы, чувствуя, что им не удержать всего района, постепенно стягиваются к самому арсеналу. Они лихорадочно запасаются огнеприпасами и забывают про необходимость запастись продовольствием. Постепенно линия боя приближается к казармам понтонеров, находившихся рядом с арсеналом. Понтонеры сдаются. Гайдамаки вплотную обложили арсенал, овладели артиллерийскими складами, 3-м авто-парком и саперным полком. Арсенальцы выкатывают из мастерских тяжелые орудия и отбиваются от наседающих со всех сторон гайдамаков. 28—30 идет бой непосредственно у стен арсенала. 2 дня Петлюра его обстреливает сильнейшим артиллерийским огнем. Зажигательными снарядами подожжены баки с нефтью и деревянные строения. Весь арсенал горит. Всю свою злобу за неудачи на фронте Петлюра вымещает на арсенальцах. Казалось, что 3.500 героических защитников арсенала с минуты на минуту будут погребены под толстыми каменными стенами арсенальных мастерских. Уже 6-ой день рабочие ведут бой, но не сдаются. У осажденных, кроме селедок и воды, нет продовольствия. Начинается голод и истощение огневых припасов. В ночь на 3 декабря все патроны расстреляны, часть защитников успевает спуститься по водосточной трубе к Днепру, большинство захвачено живыми в плен, но слово «сдаемся» не было произнесено. Ворвавшиеся гайдамаки чинят зверскую расправу.

У стен арсенала повторялись исторические сцены у стены Парижского кладбища Пер-ля-Шез. Около 1.000 чел. рабочих было расстреляно. Они умирали с возгласами, что за их кровь отомстят их дети и что оставшиеся в живых коммунары подхватят знамя Советов. В то время, когда их расстреливали, над городом уже рвались шрапнели приблизившегося к Киеву Муравьева. Рабочие Киева хорошо запомнили расправу гайдамаков с восставшими, и, как только войска Муравьева подходят вплотную к стенам Киева, рабочие снова берутся за оружие. Этим восстанием дезорганизуется оборона Киева, и 35.000 чел. украинских солдат сдают Киев и не выдерживают атаки 7—8.000 бойцов Муравьева.

Переворот в Москве и Петрограде связан с торжеством Октября. Далеко не вся Россия свергла власть Временного Правительства одновременно с Петроградом и Москвой, ибо мы имеем целый ряд окраин, где торжество Советской власти пришло гораздо позже. К числу таких окраин можно причислить район Одессы и Румынского фронта старой армии. Тем не менее наростание революционных тенденций и здесь протекало в очень бурных формах и привело, в конечном счете, к взрыву гражданской войны. Здесь развитие гражданской войны было тесно связано с действиями Красной гвардии против Украинской Рады и поэтому должно рассматриваться в самой тесной связи с борьбой на Украине, несмотря на все свои специфические особенности.

Империалистическая политика царизма под давлением Антанты бросила в мировой войне несколько сот тысяч русских крестьян и рабочих на поля Румынии. Здесь в силу коалиционной политики, с целью выручить Румынию из тяжелого положения, действовали 4 русских армии—8-й, 9-й, 4-й и 6-й. Февральская революция не внесла в обстановку тяжелой фронтовой службы ничего существенного. Как отрадный факт можно отметить лишь освобождение из Ясской тюрьмы румынских социалистов (т. Раковского и др.). В самых же войсковых частях по прежнему продолжался мордобой и полное попрание человеческого достоинства. В солдатские выборные комитеты проникли эс-эры и меньшевики, выносившие пышные резолюции о поднятии боеспособности и о «войне до победного конца». Эта провокационная работа приводит к тому, что одна из армий румынского фронта принимает участие в пресловутом июльском наступлении Керенского. Там части старой армии потерпели поражение, очистили Буковину, оставили Черновицы. В связи с этим поражением в ставке Верховного Главнокомандующего крепнет решение об оставлении русскими войсками территории Румынии. Особенно за это стоял генерал Алексеев, не сочувствовавший вообще вмешательству русских войск в румынские дела.

О развертывании революции солдатские массы узнавали от прибывающих из центра России маршевых пополнений. На самом фронте генерал Щербачев, один из самых реакционнейших генералов, еще в июле месяце запретил митинги и собрания, приказывая таковые разгонять с оружием в руках. Октябрьской переворот и приказы Крыленко о прекращении военных действий скрывались верхами армии и их комитетами. Классовое чутье сказывается и влияние на массы переходит постепенно в руки большевиков. Однако, организационный аппарат большевистской партии на Румынском фронте способен только раскрыть глаза солдатским массам, н о не может взять стихию в свои руки, хотя бы в тех размерах, как это было сделано в интересах революции на северном и западном

фронтах. Положение тем более осложнилось, что Румынский фронт украинскими шовинистами был признан подлежащим украинизации, а большинство солдат на Румынском фронте было неукраинского происхождения. Массы не знают, что им делать. Воевать ли с немцами, с румынами, со своими генералами, с украинскими, ибо ни украинцы, ни румыны, ни генералы не позволяли уйти с ненавистного и чуждого им фронта. Офицеры бегут, захватывая деньги и оставляя свои части на произвол судьбы.

Генерал Щербачев во что бы то ни стало ставит перед собой задачу всеми средствами задушить революционное движение. Его поведение — верх низости и предательства. Он одновременно ведет политику на несколько фронтов: во-первых, он признает свой фронт украинизированным и подчиняющимся политическим директивам Украинской Рады. Это означало выход из подчинения Ставки главнокомандующего и, как мы указывали выше, крушение фронта против германского империализма. В угоду Украинской Раде Щербачев сменяет русских командиров (Цурикова и Радус-Зенковича) и назначает украинцев. Во-вторых, он вызывает румынские полки на подавление и разоружение большевистски-настроенных русских рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели. За эту помощь он отдает беспрекословно боярской Румынии русскую Бессарабию. В начале декабря 1917 г. все штабы уже были заняты румынскими войсками. Совместно с румынскими частями он захватывает тылы и переправы своих же армий, лишает их продовольствия и тем самым толкает голодающих солдат на вооруженное выступление. Пользуясь попустительством Щербачева, румынские части заняли несколько бессарабских селений, расстреляли там наших советских работников, что 16 декабря 1917 г. вызывает протест наркоминдела [1]). В-третьих, генерал Щербачев при помощи румынских частей и украинских гайдамаков разгоняет солдатские комитеты, уничтожает наших лучших партийных товарищей, пытавшихся сорганизовать революционные части, зверски расправляется с обезоруженными солдатами, расстрелял товарища Рошаля и т. д., и т. д. В-четвертых, генерал Щербачев, посматривая на Дон, разрешает своим офицерам организовать специальные офицерские части. В процессе своей организации эти офицерские части помогали Щербачеву в его контр-революционной работе, а впоследствии из них вырастает Дроздовская бригада, сыгравшая значительную роль в рядах добровольческой армии генерала Деникина.

Генерал Щербачев целиком действует по директивам дипломатических миссий Антанты, главным образом, Франции. К началу декабря 1917 г. фактически существовал договор, который связывал в единый контр-революционный фронт румын-

[1]) См. приложение № 17 „Положение на Румынском фронте“.

ского короля, Украинскую Раду и генерала Каледина. Если к этой компании прибавить польские и чехо-словацкий корпуса, то перед нами воочию встанут все те контр-революционные вооруженные силы, при помощи которых Антанта, вопреки ясно выраженной воле русского народа, пыталась воссоздать на Востоке анти-германский империалистический фронт.

Но широкие массы солдат вовсе не хотели воевать. Они стремились домой, они стремились покончить ничем не оправдываемое в их сознании пребывание на территории чужого народа, который в лице своих высших руководителей не поддерживает русскую революцию. В результате позорнейшей политики генерала Щербачева, целиком поддержанного эс-эрами и меньшевиками, начинается небывалый в истории исход русских солдат из Румынии. Обезоруженные солдаты, толпами в десятки тысяч человек, голодные, босые шли по снегам румынских степей и пробирались на свою родину. Эти толпы окружались румынскими частями, белогвардейскими офицерскими отрядами и уничтожались пулеметным огнем. Но некоторые солдатские части, более крепко сколоченные, выполняя директиву главковерха Крыленко об отходе на Бессарабию с оружием в руках, не позволяли себя безнаказанно разоружать. Сравнительно благополучно отходили части 8 ой армии. Что же касается до частей 4-й, 6-й и 9-й, то их положение было отчаянное. Вооруженные остатки этих армий сосредоточились в районе Кишинева. 6 января 1918 г. их пытается разоружить одна румынская дивизия, но неудачно. Румынская дивизия разгромлена и отступила назад за поддержкой. Подтянув подкрепление, через несколько дней румыны занимают Кишинев. Солдатские отряды отходят на Бендеры и затем к Тирасполю Действиями в районе Кишинева руководит фронтовой отдел, но неудачно, в силу чего образовался военный совет, а затем и штаб Особой армии во главе с командующим т. Венедиктовым. Основой этой армии были 5-й и 6-й Заамурские конные полки, затем к ним присоединился Днестровский красногвардейский полк из остатков 4-й, 6-й и 8-й армий. В этом же районе зародился отряд кавалеристов-партизан под командой тов. Котовского.

На остальных участках румынского фронта разыгрывались трагические сцены. 20 января 1917 г. в районе расположения 6-й армии одна из сибирских дивизий пыталась пробиться с оружием в руках на русскую территорию, но была окружена и уничтожена. Такие же бои были зафиксированы на многих участках. Окруженные со всех сторон наши части иногда предпочитали сдаваться немцам, нежели подвергнуться расправе белогвардейцев.

Мы видим, таким образом, что сам румынский фронт в процессе своего распада выделил только несколько тысяч революционных бойцов и положение революции было бы на этом, отдаленном от центра, участке весьма неблагоприятным, если бы

в тылу румынского фронта не стоял пролетариат г. Одессы и если бы не пришел на помощь Совет Народных Комиссаров.

В самой Одессе пролетариат был поставлен в очень тяжелые условия. Сказывались близость фронта, постоянные угрозы со стороны реакционной Румынии, дикая шовинистическая политика Украинской Рады, наличие в самой Одессе подпольных организаций добровольческой армии (впоследствии отряды генерала Гришина-Алмазова). В силу того, что почти вся Украина находилась в руках Рады, район Одессы был изолирован от центра Советской России. Переход власти в руки Советов совершился лишь в конце января 1918 г.

Красная гвардия существовала в Одессе с марта 1917 г., когда она была организована первоначально для борьбы с бандитизмом. Путем постоянной чистки и соответствующей реорганизации партийным организациям удалось привести ее в порядок. В первых числах декабря 1917 г. Одесская Красная гвардия имела схватку с гайдамацким гарнизоном. Так как матросы черноморского флота не поддержали одесских рабочих, то это столкновение окончилось перемирием. Оно, однако, срывает посылку одесских красногвардейских отрядов на Дон против Каледина, чего по существу и добивалась Украинская Рада, согласно своему договору с Калединым.

10 декабря 1917 г. в Одессе открывает свои работы очередной фронтовой и областной с‘езд, который избирает Румчерод уже большевистского состава, в противовес прошлому составу, явно соглашательскому. Опираясь на этот новый Румчерод красногвардейцы 15 января 1918 г. снова вступают в бой с гайдамаками. На стороне последних было около 21.800 чел. (3 куреня 7.500 чел., 300 сабель, 15 броневиков, 2.500 юнкеров и 11.500 офицеров). На стороне красногвардейцев, которых насчитывалось 2.000 чел., был местный гарнизон, матросы, отряды анархистов—всего до 4—5 тысяч чел. (матросов было 1.500 чел., ахтырских гусар 500 чел. и кольтовских пулеметчиков 400 чел.). В уличных боях фронтовая пехота действовала слабо. Рабочие дрались с большим успехом. Их цепи из рабочих районов наступали в сторону станции Одесса—товарная. Моряки заходили гайдамакам во фланг со стороны улицы Белинского и французского бульвара. Железнодорожники украли у гайдамаков якобы чинившийся бронепоезд и передали его Красной гвардии. Железнодорожные отряды наступали со стороны ст. Одесса—малая. Окончательный исход трехдневных уличных боев решил огонь артиллерии черноморского революционного флота.

Советская Власть торжествует; организуется Совнарком Одесской области. Военные вопросы сосредоточиваются в руках реорганизованного Штаба Одесского Военного Округа и самого Румчерода. В строительстве Красной гвардии царит кустарничество и многовластие. Под влиянием угрозы румынского на-

ступления, все местные усилия более или менее координируются. Во главе войск Одесской области становится т. Лазарев.

Перед новой властью встала во всю величину задача борьбы с реакционной Румынией, которая к этому времени уже захватила в свои руки всю Бессарабию и угрожала Одессе. В Одессе были два Ахтырских полка, остатки 3-х запасных полков и дружина ополченцев, части воздушной обороны, бронепоезд Илья Муромец, рота самокатчиков, два отряда моряков, артиллерийские мастерские и до 2.500 красногвардейцев. Если к этому прибавить личный состав крейсеров Алмаз, Ростислав, Синоп и нескольких мелких судов, то общая численность революционных сил все же не превышала 9—10 тыс. бойцов. Считаясь с необходимостью иметь сильный гарнизон в самой Одессе, на фронт по реке Днестр выбрасывается до 3.000 чел. (Ахтырский полк, отряд моряков, бронепоезд и 1.000 красногвардейцев). Вместе с этими силами т. Лазарев явился в район расположения частей Особой армии и принял командование от т. Венедиктова. Район действия этой армии вначале ограничивался Тирасполем и Бендерским мостом через Днестр. Главные силы Особой армии находились в Тирасполе. Отдельные отряды стояли в Парканах, Григориополе, Дубосарах и Слободзее. 8-я армия отдельными своими отрядами наблюдала реку Днестр в районе Ямполя, Яруги, Могилева-Подольского и до Хотина. Весь берег реки Днестра охранялся только конными патрулями. Юг от Чебручей до Черного моря был районом действия штаба 6-й армии. Черное море было в наших руках и наблюдалось нашей эскадрой.

Местное население было целиком на нашей стороне; оно выделяло из своей среды партизанские части. Тыл румынской оккупационной армии в Бессарабии был неблагополучен. Вспыхивали отдельные восстания. Тем не менее все эти силы никакого организованного и существенного сопротивления оказать румынам не могли. Вот предпосылка того, что Советская Власть, в лице Совнаркома РСФСР, решила перебросить из под Киева на Румынский фронт армию Муравьева. В виду сложности политических взаимоотношений с Румынией, Совнарком все вопросы внешней политики передал в руки автономной русско-румынской коллегии под председательством тов. Раковского. В распоряжение этой коллегии должен был прибыть Муравьев. Переход к военным действиям имел начало в разрыве дипломатических сношений с Румынией. Румынское посольство было выслано, золотой запас Румынии конфискован, генерал Щербачев об'явлен вне закона [1]).

Перед Муравьевым поставлена задача об'единить все местные силы и очистить Бессарабию. 17 февраля Муравьев, согласно телеграмме тов. Ленина, прибывает на юг. Однако, его армии не представляют собой той силы, которая была под

---

[1]) См. приложение № 18-й. „От Совета Народных Комиссаров“.

Киевом. Вторая армия Берзина, состоявшая почти исключительно из полков старой армии, демобилизовалась. 1-я армия Егорова понесла под Киевом большие потери, и некоторые лучшие отряды Красной гвардии были отосланы на свои фабрики и заводы для пополнения или частично переброшены на Калединский фронт. Фактически Муравьев на румынский фронт привел до 3—4 тыс. бойцов, но зато с ним были кадры, вооружение и огнеприпасы на предмет развертывания вооруженных отрядов из местных сил и впереди его шла слава победителя Украинской Рады. Муравьев получает звание главнокомандующего революционными армиями, действующими против румынской олигархии. С первых дней не ладилось управление. Вмешивались в оперативные дела и верховная коллегия, и Румчерод, и народный Секретариат Украины. Не имея над собой твердого политического руководства, Муравьев распустился и, опираясь на свои отряды и на деклассированную часть моряков, безобразничал и тем самым оттолкнул от себя сознательную часть пролетариата Одессы. Тем не менее, он был частично прав в своей телеграмме от 18 февраля 1918 г. на имя наркомвоена Антонова, что в Одессе серьезных сил нет.

Несмотря на все глубоко отрицательные поступки Муравьева, все же сказывалось об'единение сил. Предварительные оперативные распоряжения Муравьева развивались в следующих направлениях. Свою лучшую армию, под командой Егорова, он приказывает сосредоточить в районе Бобринская-Знаменка-Користовка. Здесь должно было начаться пополнение частей и формирование новых за счет местных советских красногвардейских отрядов. Все отряды, которые он полагал получить на помощь со стороны Бахмача, Гомеля и Петрограда, приказано сосредоточить на ст. Бобринская. Отряды, которые пришли бы из Брянска, Конотопа и Москвы, должны были сосредоточиться на ст. Знаменка. Отряды, которые пришли бы из Александровска, Екатеринослава и Донецкого бассейна, должны были сосредоточиться на ст. Користовка. Таким образом, Муравьев рассчитывал на широкую поддержку всей Советской Республики. Он предполагал затем, что некоторые части 10-й и 8-й армии, со штабом в Могилев-Подольске, образуют еще 2 армии. 1-ой армией он назвал силы тов. Егорова. 2-ая армия образовалась из частей Особой Армии, которыми командовал нач. штаба Лазарева тов. Венедиктов. Все местные силы он об'единил в 3-ю армию тов. Лазарева.

18 февраля Муравьев уже в самой Одессе. 19 февраля приказ—дать отпор врагу, «дерзнувшему вмешаться в наши внутренние дела». Оперативный замысел—«наступать на Яссы тремя колоннами». От Могилева-Подольского—частями 8-й армии, от Рыбницы—частями Егорова и от Бендер—Тираспольским отрядом 3-й армии. Однако, румыны сами перешли в наступление. Стремясь захватить Одессу, они пытаются переправиться через

Днестр у Рыбницы. Первая попытка отбивается местными силами. Вторая попытка совпадает с прибытием в район Рыбницы Красной гвардии Егорова из под Киева и бронепоезда Полупанова. Наши части атакуют переправившихся румын, и 28 февраля—1 марта 1918 г. румыны после упорного боя разбиты на голову и отброшены за реку. Егоров берет в плен 15 орудий и множество пулеметов. Однако, наше дальнейшее наступление приостанавливается по следующей причине—румыны предложили перемирие. В столкновении с красногвардейскими крепкими частями сказалось полное разложение румынских частей. Никакого желания драться с русскими революционерами румынские крестьяне не высказывали, да и к тому же румынская армия, вообще, не отличалась боевыми качествами. Тревожному настроению руководящих румынских верхов содействовало то, что около деревни Вилково на Дунае наши миноносцы в бою с румынскими мониторами нанесли им поражение и потопили один монитор. Румынское правительство присылает своих делегатов в Одессу. Посредником выступает не то французский, не то английский офицер. Согласно договора, ратифицированного 8 марта, Румыния обязалась очистить Бессарабию, обменяться пленными и вернуть все русское оружие, захваченное ими при отходе наших частей из Румынии. Это оружие и военные припасы представляли огромное богатство. Фактически мы, таким образом, выиграли войну с Румынией. Однако, за спиною этого соглашения румыны заключили сепаратный договор с немцами, по которому они обязались пропустить немцев через свою территорию для оккупации юга России. Однако, то, что немцы впоследствии заставили отступить все Муравьевские части на восток и что 13 марта Одесса занимается немцами—не может ни в какой степени умалить значение того факта, что молодая Красная гвардия своей революционной силой заставила румынских бояр отказаться от захватнической политики, несмотря на хаотичность всей общей обстановки на юге России.

Беда была в том, что район действий Красной гвардии против румын вплотную соприкасался с линией империалистического фронта, и огромные империалистические силы, втянутые в мировую схватку, в своем поступательном движении захлестнули героические порывы победоносной Красной гвардии.

Военный крах Рады и Румынии следует приписать социальному содержанию их вооруженной силы. И молодая пролетарская армия, и мелко-буржуазная шовинистическая интеллигенция Украины, и Румыния в этой схватке опирались главным образом на остатки старой армии. Украинские шовинисты пытались подпереть свои гайдамацкие части отрядами из гимназистов и студентов и широко пользовались поддержкой реакционного офицерства. Румыния опиралась на офицерские отряды. Понятно, что распропагандированные и полуразложившиеся солдаты старой армии не могли пойти за этими вождями. А в это время

красная сторона, в лице своей Красной гвардии, имела четкую классовую организацию, имела отчетливые лозунги, всюду опиралась на вооруженное содействие местного пролетариата. Эти отряды Красной гвардии заражали своим революционным темпераментом полки старой армии, которые на стороне красных дрались гораздо лучше, чем на стороне противника.

Точно так же, как и калединщина была разгромлена в силу того, что внутри Донской области рабочий класс сумел подготовить почву для прихода Советской власти, точно так же пролетариат крупных городов правобережной Украины подготовил почву для свержения мелко-буржуазной интеллигенции, пытавшейся опереться на крестьянского кулака.

И здесь на Украине, внутренняя контр-революция нам не была страшна. Советская власть и здесь восторжествовала.

Но если в борьбе с Калединым мы были как бы поставлены изолированно один против другого, то борьба на Украине и в Бессарабии слишком глубоко затрагивала интересы обеих мировых империалистических группировок, и ни немцам, ни Антанте не было безразлично, чем закончится здесь борьба. И если Антанта не смогла в этот момент оказать прямую поддержку Петлюре и Румынии, то эту возможность широко использовал германский империализм. То, что Украина и Бессарабия примыкали к линии фронта империалистической войны, вот что решило их дальнейшую судьбу. В особенности Украина не могла не стать ареной дальнейшей борьбы. Украинские шовинисты и румынские оккупанты вскоре вернулись при помощи поддержки германских штыков, но это ни в какой степени не может умалить все значение решительных побед Красной гвардии над армией Петлюры и над боярской Румынией.

Какие тактические формы борьбы в этот период были наиболее характерны? Гражданская война, в этой первой своей стадии, была привязана к железной дороге и к крупным центрам. Громадные расстояния нашей Республики требовали быстрой переброски вооруженных сил, ибо молодая пролетарская республика не повторила ошибок Парижских коммунаров, замкнувшихся в столице и не утвердивших свое политическое господство во всей стране. Отсюда широкий размах операций, стремление покрыть возможно скорее расстояние, скачки от одного железнодорожного узла к другому. Незначительное количество вооруженных сил не требовало большого плацдарма для развертывания. Бои происходили непосредственно у эшелонов. Преследование и отступление велось эшелонами. Борьба иногда загоралась вокруг пунктов сосредоточения продовольственных и огнестрельных припасов тыла старой армии. Обычно они совпадали с железнодорожными узлами. Деревня в своей массе участия в этой борьбе не принимала. Крестьянин, вернувшись с фронта, только осматривался и лишь постепенно втягивался в орбиту гражданской войны. Главным образом, Красную гвар-

дию заполнял городской элемент, привыкший к машине и не знавший полевой войны. Быть может, отсюда исходит слабое умение Красной гвардии маневрировать и ее пристрастие к техническим средствам борьбы. Множество пулеметов, обязательно броневики и бронепоезда, привязанность к железной дороге, вот характерные черты для красногвардейских отрядов. Большим расходом огнеприпасов создавалась та огневая завеса, за которой скрывалась малая боеспособность живой силы. Особенно большую роль играли бронепоезда. Их особенно любили красногвардейцы. Пулеметы шли непосредственно с их цепями. Один из командиров армии Егорова, в своем сохранившемся донесении о боях под Киевом, указывает, что у него в первой цепи было 15 пулеметов, во второй цепи 8 пулеметов и в 3-й цепи 6 пулеметов. Артиллерия стреляла с открытых позиций. Резервов не было. Но так как противник точно также плохо маневрировал, то случаи флангового удара или удара в тыл были редки; но если они осуществлялись, то всегда с неизменным успехом, так как красногвардейцы очень боялись за свой тыл. Обычно бой решался наглядным и явным для противника превосходством сил. Более слабая сторона, учитывая это, без боя отступала до следующего узлового пункта. В редких случаях разбирался путь или взрывались мосты. Тогда движение колонны задерживалось впредь до исправления. В тактическом отношении мы наблюдали примеры героизма отдельных красногвардейцев, большую бестолковость сражений и небольшое количество потерь.

Этот этап гражданской войны совпал с выявлением всех положительных и отрицательных сторон Красной гвардии, и с окончательным распадом старой армии.

Красногвардейские отряды строились по своим производственным единицам. Они, как милиция рабочего класса, призывались под ружье для определенной и ясной цели, как, например, разбить Каледина, Раду или Дутова. Когда эта прямая задача ими с большим героизмом выполнялась, то они, естественно, требовали возвращения на заводы. Если же в силу военной обстановки такой красногвардейский отряд на долгое время отрывался от своей фабрики или завода, то он деклассировался и тем самым лишался всех своих революционных качеств, превращаясь в непокорную, да к тому же еще и в необученную толпу. Революционное его ядро постепенно таяло. Отряд настойчиво требовал возрождения и обновления. Аппарат пополнения, и запасных частей отсутствовал, и мы сплошь и рядом видим, как питерские или харьковские красногвардейцы, немного повоевав, возвращаются целиком на заводы, пополняются и снова едут на фронт. Такое шатание взад или вперед целыми боевыми единицами очень характерно для красногвардейской системы. В силу своей малой военной квалификации степень их боевой сопротивляемости была незначительна.

Гораздо более серьезную силу в военном отношении представляли революционные полки старой армии. Между февралем и октябрем на фронте расцветает, так называемая, «комитетчина». Разрушая, с одной стороны, царскую армию и тем обеспечивая торжество социальной революции, комитетчина одновременно сплачивала вокруг себя все то революционное, что можно было взять из царской армии. Эти революционные части в период перед октябрем слепо повиновались указаниям своих комитетов и благодаря им удалось ликвидировать корниловское выступление. Успех Октябрьской революции, совершенной при поддержке солдатских советов, окончательно вскружил голову некоторым революционным деятелям, которые преувеличили революционное содержание полков старых армий. Этим работникам казалось возможным перестроение, внутри самой старой армии, вооруженной силы на новый революционный лад. Отсюда попытки внутри армии, корпусов и старых полков создавать революционные полки. Понятно, что из этого ничего не вышло, но попытки использовать полки старой армии на внутреннем фронте борьбы с контр-революцией все же осуществлялись, и если оказали здесь существенное влияние, то во всяком случае не в том размере, на который рассчитывали виднейшие работники выборных армейских организаций. Мы наблюдаем на фронте гражданской войны сложный процесс, как организованные и сравнительно боеспособные полки старой армии, весьма революционно настроенные, быстро разлагаются. Причины тому следующие:

а) Продовольственная анархия. Полки отрывались от армейских и фронтовых баз, принуждены были изыскивать всевозможные способы снабжения, и анархия в продовольствии приводила, естественно, к строевой анархии.

б) Оперативная анархия. Полки грузились в эшелоны, и часто не было известно точное их направление. Отсутствовала связь между частями. Если в позиционной войне каждый полк чувствовал локтем друг друга, то в первый период гражданской войны они отрывались друг от друга железнодорожными магистралями, и чувство полного одиночества и безответственности часто руководило настроением этих полков.

в) Внутри самих полков еще не были изжиты взаимоотношения с офицерским составом. Офицерство дезертировало на Дон, на Украину, т.-е. к тем, против кого шли драться, и на оставшихся офицеров и на их распоряжения смотрели с недоверием.

г) Переброска на внутренний фронт совпадала с общей демобилизацией армии. Эшелоны демобилизованных часто перемешивались с боевыми эшелонами и между ними нередко проскальзывали казачьи эшелоны, стремившиеся на Дон. Саботаж железнодорожников и цистерны со спиртом и водкой, специально выбрасываемые контр-революцией навстречу револю-

ционным войскам, создавали крайне нездоровую атмосферу на пути их следования.

д) Политико-просветительная анархия. Находясь в окопах, полки подвергались политической обработке своих полковых, дивизионных и армейских комитетов. Приезжие агитаторы, революционные газеты, митинги держали солдатскую массу в курсе политических событий. Всегда в дивизии или корпусе находилась группа ответственных политических работников, которые и вели за собой массу. Когда же полк погружался в эшелоны и по оперативным соображениям сложной политической обстановки быстро перебрасывался по железнодорожным магистралям, то никакой политической работы не было. Масса питалась случайными митингами, часто среди нее работали контр-революционные агенты, и если во главе полка и находилось несколько отдельных сознательных политических работников, то они, отвлеченные боевым руководством, уже не имели времени отдавать свои силы революционной пропаганде. Степень революционной спайки и сознательности с каждым днем падала в революционных полках старой армии. Полки начинали митинговать, обсуждать оперативные приказы, и каждое их движение в бой стоило нам больших трудов. Но если с ними рядом действовал пылкий красногвардейский отряд, то полки старой армии действовали великолепно, и сказывалась вся их боевая подготовка. Самые решительные удары наносились ими.

е) То, что не вся масса оказалась годной для революционных действий, принудило политических руководителей приступить к отбору наиболее сознательных. Полк выделял из себя ядро в 200—300 человек. Несколько ядер образовывали отряд. Вот почему и совершался переход даже регулярных частей старой армии к отрядной системе. Это был естественный процесс дифференциации революционных сил. Отметая все неустойчивые элементы, полки старой армии перестроились согласно требованиям революции.

С таким разнообразным и разнохарактерным человеческим материалом приходилось иметь дело штабам. Количество самих штабов не соответствовало численности отрядов. На некоторых участках иногда бывало больше штабов, чем самих отрядов. Это вызывалось огромным размахом событий, множеством оперативных направлений и вопиющим неустройством военного хозяйства. Необходимость поставить что-то на место развалившейся старой армии заставляла отдельных руководителей импровизировать вооруженную силу, в зависимости от местных условий. Никто не мог сказать сколько бойцов у него будет завтра, никто не мог знать, где он сам завтра будет. Каждое продвижение части влекло за собой изменение в людском составе. Отдельные бойцы приходили и уходили. Одни не хотели уходить из своей губернии, или своего города, завода, шахты. Другие вступали в отряд, чтобы вместе с ним с боем

вернуться в родные места, но как только отряд изменял направление, то боец уходил с теми, с кем ему было по пути. Это был период наибольшей подвижности и неустойчивости масс. и он отражал то общее экономическое и политическое положение неустойчивого порядка, которое досталось в наследство Советской власти от Временного Правительства.

Революционная стихия двигала человеческие массы то вперед, то назад. Последующее военное строительство должно было оторвать эти революционные массы от своих местных интересов и поставить перед ними во всю ширину обще-республиканские военные задачи. Провинция этого еще не понимала, и только питерский и московский пролетариат был способен на то, чтобы покинуть насиженные места и ринуться вглубь необ'ятной России на подавление контр-революции.

Кто стоял во главе этих многочисленных отрядов всевозможных оперативных направлений? Элемент разнообразный, выдвинутый, главным образом, самими низами. Только верхушка командования была связана с центральными советскими и партийными организациями, от которых она получила неограниченные полномочия. Назначение начальников отдельных отрядов имело подчас случайный характер. Выбора, как указывалось выше, не было и приходилось работать с тем, что есть. Командир этого периода в себе одном должен был соединять качества не только командира, но и политработника и организатора. Темп работы был необычайно высок, ибо не существовало того сложного иерархического аппарата управления, который облегчает командование.

И тем не менее, несмотря на все трудности и на всю организационную и оперативную внешнюю неразбериху, пролетарская революция победила и польских легионеров, и Каледина, и украинских гайдамаков, и румынских бояр. Вместе с тем уже тогда Красная гвардия представляла собою мощное революционное явление. Куда она ни являлась, там прочно укреплялась Советская власть. Гражданский аппарат на местах едва, едва поспевал за Красной гвардией. В этом ее глубокое историческое значение для первого периода существования Советской власти. Пролетариат, насытивший своими лучшими представителями красногвардейские отряды, доказал не только свою способность умирать, но и высокую государственную зрелость.

ГЛАВА VII.

Борьба Красной гвардии в Финляндии.

Революция в Финляндии. — Подготовка сторон к гражданской войне. Эвакуация русских войск. — Вмешательство немцев. — Гибель финской революции.

В то время, как в южной части бывшей царской России разворачивалась борьба Красной гвардии с контр-революцией разнообразных направлений, в северо-западном углу той же бывшей России, в Финляндии, завязывался сложный клубок гражданской войны. Ряд местных особенностей не только экономического характера, но и исторического прошлого этого края наложили свой особый отпечаток на эти события. Финляндия, присоединенная к России при Александре I после русско-шведской войны, пользовалась вначале русского владычества сравнительно широкой автономией (свой сейм, армия, деньги). При преемниках Александра I эти права соблюдались очень слабо, а при Николае II началась полная руссификация страны.

Революция 1905 года широко охватила всю южную часть Финляндии. Всеобщая забастовка, повсеместное вооружение рабочих и попытки вооруженного восстания закончились тем, что 22 октября 1905 г. был созван первый сейм на основе всеобщего избирательного права. Большинство в этом сейме оказалось у социал-демократической партии; причина этой легкой победы заключалась в том, что партия опиралась не только на рабочие массы, но и на многочисленное безземельное крестьянство (тропари) [1]. Постановления этого сейма не были утверждены центральным правительством, быстро восстановившим свою реакционную политику после революции 1905 г., и сам сейм был распущен. Думский период и мировая война не изменили политического положения в стране. Руссификаторская политика царизма способствовала развитию германофильства среди финской буржуазии и интеллигенции. На этой почве

---

[1]) В 1865 г. на 87.000 самостоятельных крестьянских хозяйств было свыше 115.000 безземельных и арендаторов, находившихся в экономическом и правовом порабощении первых. Только 4% всей земли к 1901 году было в руках владельцев мелких участков земли (менее 50 гектар).

была организована вербовка финских добровольцев - егерей для борьбы вместе с немцами против русских.

Февральская революция 1917 года оказала значительное влияние на развитие политической жизни в Финляндии. Во вновь собравшемся сейме социал - демократы обладали абсолютным большинством голосов (103 места из 200); другие партии, как-то: шведская народная партия, старофинны, младофинны, аграрии, насчитывали лишь по 20—25 человек. Парламентские способы борьбы настолько завлекли с. - д. партию, что она быстро потеряла свое влияние на рабочие массы. В это же время реакционная буржуазия вступила в соглашение с Временным Правительством для борьбы с так называемым «Красным сеймом»; последний был разогнан Керенским. На следующих выборах значительное большинство депутатских мест оказалось в руках буржуазии. Образованное Правительство начало прежде всего настаивать на выводе с финляндской территории русских войск. Эти последние в своем большинстве, после июльских дней в Петрограде, были настроены большевистски и подвергались организованному влиянию Гельсингфорского комитета РСДРП. (б.) и моряков Балтфлота. Кроме Гельсингфорса крупными военно - политическими центрами являлись Таммерфорс и Выборг. Экономическое положение рабочего класса ухудшалось все более и более, что способствовало нарастанию революционных настроений в массах. Такое положение привело к всеобщей ноябрьской стачке, которая, однако, не вылилась в открытое вооруженное восстание. С. - д. не сумели использовать этого удобного момента, когда развернувшиеся события в России и обстановка в Финляндии требовали не продолжения парламентской борьбы, а максимальной решительности и активизма. Буржуазия начинает деятельную подготовку к борьбе с вооруженным восстанием. В это же время красные финны продолжали рассчитывать на мирный исход борьбы, и только с декабря 1917 года после партийного с'езда началось организованное руководство пролетарскими боевыми дружинами. К середине декабря положение настолько обострилось, что буржуазное правительство Свинхувуда потребовало в сейме диктаторских полномочий. Конфликты на почве требований буржуазии о выводе русских войск превратились в открытое революционное движение. В ночь на 14 января почти без всякого кровопролития финская Красная гвардия захватила Гельсингфорс; одновременно комитет русских войск в Выборге потребовал разоружения национальной белой гвардии. Правительство Свинхувуда перебралось в г. Вазу и начало быструю подготовку вооруженных сил под командованием ген. Маннергейма. Началась открытая гражданская война.

Стремление к автономии и мысли о полном отделении России были очень популярны среди финской буржуазии и интеллигенции. В борьбе против русского владычества финские

националисты мечтали опереться прежде всего на силу императорской Германии, которая со своей стороны, ведя войну с Россией, была с стратегической точки зрения заинтересована в создании для себя прочной базы на финской территории. Именно поэтому наиболее активная финская молодежь получила свое военное образование в Германии, и там уже к 1915 году из этой молодежи был создан 27-й егерский батальон, который участвовал в борьбе с русскими частями на северном фронте. После февральской революции, когда буржуазия начала чувствовать неминуемость вооруженного столкновения, началась более усиленная и реальная подготовка к борьбе. В Стокгольме произошло специальное совещание представителей финских буржуазных партий и германского командования; уже здесь, очевидно, созрел план возможной высадки немецких войск в Финляндии. По всей территории страны (особенно в северной части) создавались добровольные стрелковые общества для поддержания порядка — «шуцкор», с центральным штабом в г. Вазе под руководством ген. Гериха. Под скромным названием стрелковых обществ производились формирования классовых кадров, которые в любую минуту могли обрастать необходимыми вооруженными силами. Начиная с сентября 1918 года, из Германии производился непрерывный подвоз оружия и боевых припасов. Буржуазия путем сборов и специальных подписок оказывала щедрую денежную помощь своей классовой организации. К началу гражданской войны в руках Маннергейма, кроме указанных выше егерей, переправленных из Германии, находились добровольные шведские отряды и шуцкорские организации. Последние, однако, в большинстве своем не были пригодны для полевой войны и могли быть использованы лишь для захвата важных пунктов, обеспечения операций и гарнизонной службы. В отношении вооружения и боевых припасов в первый период у Маннергейма чувствовался большой недостаток. Командный состав состоял, преимущественно, из шведов, частью—из офицеров русских частей и, в общем, вполне удовлетворял своему назначению. Во время самого хода боевых действий Маннергейму удалось при помощи мобилизациии в северной части Финляндии значительно пополнить свои силы и составить небольшую, но достаточно крепкую армию. Красная гвардия ведет свое начало еще с революции 1905 года. После февральского переворота 1917 года в противовес «шуцкорам» и другим белогвардейским об'единениям началось повсеместное вооружение рабочих. Отсутствие оружия и инструкторов сильно затрудняло эту работу. До ноября 1917 года это движение было стихийным, и с.-д. партия не руководила вооружением рабочих. Только 21 ноября в постановлении упомянутого выше партийного с'езда мы встречаем указание, что «Красная гвардия, носившая до сих пор случайный характер, должна быть подчинена контролю с.-д. партии». С этого времени почти во всех крупных

городах Финляндии (главным образом, на юге) были организованы штабы и различные по размерам отряды. Во главе всей Красной гвардии был поставлен штаб в составе двух представителей от партийной организации и трех от профсоюзов. Короткий период до начала боевых действий не позволил Красной гвардии развернуться в хорошо организованную и обученную силу. Неподготовленность и отсутствие плана борьбы выявились сразу после начала боевых действий. Массовый под'ем финского пролетариата не нашел необходимых организационных форм; в этом факте заключалась одна из причин поражения финской революции.

Значительную помощь красной стороне оказали части войск, расположенные в Финляндии. При этом, однако, необходимо принять во внимание как состояние этих частей, так и тот факт, что им пришлось покинуть территорию Финляндии после подписания Брестского мира. В Финляндии, кроме пограничных частей, были расположены: штаб 42-го армейского корпуса, части, приданные корпусу, и вся 106 стр. дивизия. Кроме больших гарнизонов в Выборге, Гельсингфорсе и Таммерфорсе, все остальные части были разбросаны на обширной территории страны. Части корпуса, благодаря предшествующей политической работе, стояли всецело на стороне революции; но ряд причин помешал их быстрому и полезному использованию. Еще в начале декабря 1917 года из 106-й дивизии был выделен отряд в составе 2.000 штыков для борьбы на калединском фронте. Отряд этот, отказавшись воевать на Дону и потеряв свои пулеметы и большую часть личного состава, возвратился назад к началу революции. Увольнение со службы старших возрастов и неимоверно разросшееся число отпускных — все это сильно уменьшило численный состав дивизии; материальная обеспеченность частей была также очень слабой.

Что же касается военных судов и моряков Балтийского флота — они под руководством Центро-Балта почти все были активными участниками Октябрьского переворота в Петрограде. Необходимо, однако, иметь в виду, что к началу восстания лучшие элементы флота дрались на разных фронтах нашей Республики. Поэтому помощь от русских частей ограничивалась инструкторским составом, артиллерией и пулеметами.

Подводя итог соотношению сил, необходимо подчеркнуть общую слабую организованность красных, которая не позволила им немедленно после переворота захватить инициативу в свои руки и ликвидировать сопротивление белых.

Остановимся в самых кратких чертах на характерных особенностях театра военных действий, влиявших в той или иной степени на ход операций. Вся Финляндия представляет из себя возвышенную равнину, крайне изрезанную озерами и лесами. Если прибавить к этому, что все наиболее упорные столкновения протекали в зимние месяцы (январь—март 1918 г.),

в глубоких снегах, — мы поймем, какое значение надлежит здесь придавать железнодорожным магистралям и большим грунтовым дорогам, а также сильно развитому лыжному спорту. Изрезанность театра позволяла с большой успешностью использовывать небольшие отряды и организовывать партизанские действия в тылу противника. Все водные пространства были покрыты льдом и проходимы не только для пехоты, но в большинстве своем и для артиллерии. Из железных дорог, которые служили во время боевых действий основными операционными направлениями, особое значение приобрели те, которые соединяли западную и восточную часть Финляндии: 1) Хапамяки—Пьексамяки—Элизенвара; 2) Рахимяки—Выборг—Петроград. Последняя была единственной дорогой, соединявшей Россию с Финляндией. Все остальные железнодорожные линии прорезают Финляндию с севера на юг, и были использованы полностью как красной, так и белой стороной: 1) Торнео — Хапамяки — Таммерфорс — Гельсингфорс с ответвлениями на Бьернборг, Раумо, Або и Ганге; 2) Каяна — С.-Михель — Котка; 3) Нурмис — Выборг. Южная часть Финляндии значительно богаче северной и грунтовыми дорогами и густой телеграфной сетью; здесь же сосредоточиваются и наиболее промышленные районы, крупные населенные пункты и большинство пролетариата. Северная часть Финляндии, с значительно более зажиточным крестьянством и менее развитой промышленностью, явилась оплотом для белогвардейских формирований. Буржуазный север и пролетарский юг были противопоставлены друг другу в тяжелой борьбе, к рассмотрению которой мы и перейдем.

Одновременно с переездом правительства Свинхувуда в г. Вазу (13 января), Маннергейм быстро и успешно расширяет свой плацдарм захватом района Николайштадт — Сейнайоки и разоружением расположенных там частей 423-го полка и пограничной стражи. Захватив, таким образом, оружие, обмундирование и боевые припасы, Маннергейм решил немедленно двинуться на Таммерфорс, а оттуда в столицу для ликвидации рабочего восстания. Помимо указанного района, благодаря пассивности красных, Маннергейму удалось с помощью шуцкоров захватить весьма важные узловые станции Хапамяки, Вильпуле, Пьексамяки и Элизенвара. Он предполагал со своим отрядом силою до 5.000 штыков покончить с восстанием в течение двух недель. Красные в этот момент не обладали достаточной решительностью. Русские части или колебались, или считали своей задачей оборону занятых ими пунктов. Красная гвардия вырастала стихийно, но не хватало порыва вперед для ликвидации незначительного гнезда белых. Маннергейм начал свое движение на Таммерфорс, рассчитывая на нейтралитет частей 106-й дивизии. Одновременно с его продвижением начались повсеместные попытки захвата городов и селений; местные отряды белогвардейцев уничтожали средства связи и

разбирали железнодорожные пути, идущие к Таммерфорсу. Положение на красной стороне становилось весьма серьезным. Маннергейм приблизился к самому городу. Из добровольцев 422-го полка и местных красногвардейцев был сформирован отряд силою около 2.000 штыков, 2-х орудий и 10-ти пулеметов. После незначительного столкновения у ст. Люлю, Маннергейм выяснив, что имеет дело с русскими частями, отошел к северу на Сейнайоки. Красные, вместо преследования, захвата базы и перерыва сообщений Маннергейма с восточной Финляндией, занялись ликвидацией мелких восстаний в тылу, ограничившись обороной Таммерфорса.

Именно этот первый момент повсеместного под'ема у красных и полной неорганизованности у белых не был использован красным командованием, несмотря на присутствие русских частей, которые в этот период частично были подготовлены к активной помощи рабочей финской революции.

Начиная с 17 января до начала марта по всей западной Финляндии происходили незначительные столкновения, которые обеспечили красным обладание Таммерфорсом, и очистили от белых районы Або, Бьернборга, Раумо, Тавастгуса и Рахимяки.

В восточной части Финляндии особенно тяжелое положение создалось в районе Выборга, которому угрожали бело-финны, заняв Элизенвара и Антреа. Перерыв железной дороги, по которой происходила эвакуация весьма ценного войскового имущества, был весьма опасным для русского командования.

Передышка, оказавшаяся у Маннергейма, была использована им для быстрой и планомерной подготовки к дальнейшим боевым действиям. Белые об'явили повсеместную мобилизацию в северной части Финляндии и успели быстро сформировать ряд новых регулярных полков. На фронте были созданы четыре боевых участка со штабами, правильным управлением и непосредственным подчинением г. Маннергейму. Была установлена прочная связь с шуцкорскими организациями в тылу красных финнов. В общем численность белых к началу марта не превосходила 20.000 человек.

Красная гвардия также использовала это время для работы в своем тылу. Эвакуация русских войск, начавшаяся согласно Брест-Литовскому договору, заставила центр тяжести перенести на местные добровольческие формирования (Красная гвардия и добровольцы из русских частей). Было создано об'единенное командование всех отрядов действующих на фронте и в тылу. При главном штабе в Гельсингфорсе была открыта специальная школа для подготовки комсостава. Шло усиленное формирование добровольческих и красногвардейских частей. Благодаря использованию старых запасов нашей армии, было вполне достаточно и вооружения, и боевых припасов. По произведенному в главном штабе приблизительному подсчету (отсутствие штабов не позволяло его сделать более точным) общая численность крас-

ных к 10 марта доходило до 60.000, из коих около половины несли гарнизонную службу и не выводились из пунктов своего расположения. Таким образом, 50% своих сил красные финны

использовали для обеспечения операции. Остальные части длинным кордоном растянулись на фронте от Ботнического залива до Ладожского озера.

План Маннергейма заключался в быстром продвижении и занятии г. Таммерфорса, чем прочно обеспечивалась жел. дор. Хапамяки-Антреа; после этого главные силы должны были сосредоточиться на Карельском участке, и оттуда наступлением на Финдлянскую жел. дорогу Маннергейм предполагал отрезать Красным финнам единственно возможный путь отступления в Советскую Россию. Немецкий десант, которого уже ожидали бело-финны, должен был стать тараном, сокрушающим боевую силу и мощь пролетариата Финляндии.

Что касается плана красных, он с отчетливостью выявляется из приказа № 15, от 3/16 марта 1918 года, русским добровольческим войскам и Красной гвардии Финляндии. Суть его заключалась в том, чтобы активно-обороняясь в восточном рийоне и этим обеспечивая связь с Петроградом, главными силами развивать наступление для перерыва жел. дороги Николайштадт—Сердоболь на участке Хапамяки—Пьексамяки. После этого, выставив заслон против Сейнайоки, всеми силами предполагалось обрушиться на части бело-финнов, расположённые к востоку от указанного пункта; после окончания этой части плана все силы надлежало сосредоточить для уничтожения основной базы белых в районе Николайштадт-Ваза. Все войска, не разделяясь на регулярные единицы, входили в состав командования войсками Западной, Средней и Восточной Финляндии. Впервые в этом приказе указывается на необходимость сосредоточить резерв в руках главного командования в районе Тавастгус, Рахимяки, Борго. Тут же необходимо отметить, что этого резерва создать командованию не удалось. Наоборот, самые мелкие вновь формирующиеся отряды Красной гвардии отправлялись немедленно на фронт без всякого обучения и предварительной подготовки. Рассматривая этот план красных, необходимо отметить, что основная база белых остается вне первого удара Красной гвардии. Кроме этого, мы здесь не находим никаких упоминаний о мероприятиях по обороне побережья на случай высадки немцев.

С 10 марта 1918 г., согласно указанного выше приказа, началось повсеместное наступление красных финнов. Сопротивление белых на всех направлениях оказалось очень сильным. Главнейшие узловые жел.-дор. пункты и удобные для обороны дефиле были прочно закреплены и подготовлены к длительному сопротивлению. Эвакуация русских частей сильно ослабила к этому времени Красную гвардию. Маннергейм, учтя это обстоятельство, сам переходит в контр-наступление и 16 марта начинает медленно продвижение на Таммерфорс. К 27 марта концентрическим движением он подходит к этому пункту. К 3 апреля к Таммерфорсу сосредоточивается вся тяжелая артиллерия бело-финнов, а 6 апреля, после отчаянного сопротивления красных, белые занимают весь город. В их руки досталось более 8000 пленных; большинство из них были расстреляны.

На фронте средней Финляндии в это же время происходили незначительные столкновения местного значения.

В восточной части Финляндии белые заняли Рауту и ставили под непосредственную угрозу путь сообщения с Петроградом.

Таким образом, силы красных оказались недостаточными для выполнения директивы главного командования. Несмотря на явное численное превосходство и сочувствие местного населения, инициатива перешла в руки бело-финнов. Потеря инициативы в этих условиях означала наполовину поражение.

Занятие Таммерфорса частями Маннергейма совпало с началом действий на финской территории немецкого отряда под командованием фон-дер-Гольца. Что привело сюда немцев в столь ответственный для них момент, когда судьба их собственной страны решалась на полях западного фронта? Что заставило их в эту минуту выделить до 15.000 бойцов для активных действий в Финляндии? В «Воспоминаниях» Людендорфа и фон-дер-Гольца можно найти ответ на поставленные выше вопросы. Людендорф, правда, основные причины прикрывает красивыми словами о близости и духовном родстве немецкой и финской культуры, словами о боязни, чтобы эта культура не погибла под «варварским сапогом русского большевизма». Такое об'яснение давалось и в финской буржуазной прессе (см. приложение № 19 и 20, из газетных статей и воззваний). Значительно более отчетливо причины вмешательства немцев выявляются у фон-дер-Гольца. По его словам, основных причин этой интервенции было две: первая, это боязнь расширения Советской России, которая стояла за спиною Финской революции, стремление нанести чувствительный удар могуществу большевистского правительства, «которое империалистично в своем стремлении к мировой революции». Вторая причина заключалась в опасениях немцев английского влияния на развитие событий в России. Англичане еще во время войны твердо обосновались на Мурманском побережьи и в начале 1918 г. пытались продвигаться на юг вдоль Мурманской жел. дор. Немцы полагали, что английские войска могли быстро продвинуться к Петрограду, свергнуть Советскую власть и, овладев балтфлотом, возобновить военные действия против немцев на суше и на море. Таким образом, стремление крепко обосноваться на Балтийском море и иметь там прочные базы—вот действительные причины, побудившие немецкое главное командование приступить к формированию Остзейской дивизии (Ostseedivision). Переброску финских егерей немцы начали еще в январе 1918 г., а самый десант предполагали высадить в конце февраля одновременно с наступлением на Петроград с фронта Рига—Двинск. Наличие русского флота в портах Финляндии, ледяной покров, а также необходимость траления вод, прилегающих к Финским берегам, заставляет их отложить начало своих операций до апреля 1918 г. За этот

промежуток времени предназначенный для десанта отряд, под личным руководством фон-дер-Гольца, прошел специальную школу действий против восставших в уличных боях. Фон-дер-Гольц произвел переформирования, соответствующие финскому театру и в результате произведенной работы в момент высадки дивизия состояла из трех егерских батальонов, трех кавалерийских полков, 5 самокатных и 2 пулеметных рот, одной горной и 2-х тяжелых батарей, одной саперной роты и радио, всего в дивизии—12.000 бойцов. Первоначально предполагалось произвести высадку в Раумо для оказания непосредственной помощи правому флангу Маннергейма. После длительных переговоров был избран более удачный пункт для высадки—Ганге; отсюда части фон-дер-Гольца выходили прямо в тыл частям Красной гвардии.

После всех указанных приготовлений, 3 апреля 1918 года десять океанских пароходов в сопровождении 30 военных судов подошли к Ганге, и без всякого сопротивления дивизия высадилась на финскую территорию. Наступали тяжелые дни для финского рабочего класса. Только при помощи единодушного отпора, массового под'ема и четкой дисциплины, финская революция могла бы устоять против хорошо организованного, крепко спаянного, хотя и незначительного ядра немецких наемников. Положение внутри-красной Финляндии не способствовало сосредоточению всех сил трудящихся вокруг основной задачи—обороны своей страны. По основным вопросам внутренней политики не было единодушия в среде руководящей группы социал-демократической партии. Вместо отчетливой диктатуры и решительной борьбы с контр-революцией внутри страны—часть с.-д. партии все еще жила иллюзиями демократии и парламентаризма. Разработанный правительством проект конституции намечал передачу власти в руки «Общенародного Учредительного Собрания». Вопрос о передаче земель крестьянству также не был разрешен с достаточной быстротой. Такая нерешительная политика внутри страны грозила поражением на фронте, несмотря на численное превосходство Красной гвардии и ее самоотверженную борьбу на всех фронтах.

После высадки десанта, германское командование предполагало движением Остзейской дивизии на Лахти отрезать путь отступления красным войскам в Советскую Россию. Настойчивые просьбы Маннергейма, который сильно опасался за состояние своего фронта, заставили немцев переменить направление и двинуться на Гельсингфорс. Сопротивление местами достаточно сильное, но совершенно неорганизованное, оказывалось мелкими отрядами, снятыми с различных участков фронта и не об'единенными оперативно в своей боевой работе. Полное отсутствие резервов пагубным образом влияло при этом на ход событий. Медленно, но упорно и систематично продвигались немцы, и к 11 апреля их главные силы были уже вблизи

внешних укреплений Гельсингфорса; начались упорные бои в предместьях самого города. Главное командование, отдав распоряжение об отступлении частей западной Финляндии к Рахимяки, в ночь с 9 на 10 апреля вместе с правительством выехало в Выборг. Только 14 апреля, после упорных уличных боев, немцы, высадивши небольшой десант в южной части города, заняли Гельсингфорс. Финская буржуазия восторженно встретила «победителей»; в пролетарских районах начались бесконечные расстрелы. 6-го апреля, по распоряжению командующего германским вост. фронтом был высажен в Ловизе небольшой отряд (около 2.000 человек) под командованием ген. Бранденштейна, с целью захвата жел.-дороги Гельсингфорс—Выборг. После высадки этот отряд для выполнения поставленной ему задачи начал продвижение на север к указанной железнодорожной магистрали.

Таким образом, благодаря отсутствию резервов и невозможности оказать какое-либо организованное сопротивление немцам, последние захватили столицу и базу армии и двигались по ее тылам, нарушая сообщение и отрезая для Красной гвардии единственно возможный для нее путь отступления в Советскую Россию. Что же происходит в это время на фронтах? Бело-финны, после занятия Таммерфорса, приступили к выполнению второй половины общего плана и главные силы свои перебросили на Выборгское направление. Вся тяжелая артиллерия из под Таммерфорса, 3 егерских бригады (развернувшиеся из егерских батальонов) и ряд вновь сформированных после мобилизации полков были переброшены белыми на восточный фронт и они готовились здесь к решительному наступлению. Высадка немцев, способствуя под'ему духа у белых, сильно повлияла на ухудшение боеспособности красных частей. Движение в тылу и возможность окружения роковым образом отразились на иррегулярном ополчении, которым до конца своего существования осталась Красная гвардия финнов.

Штаб западной Финляндии своевременно получает приказ главного командования об отступлении; но он медлит с приведением его в исполнение. Штаб начал поверять, исходило ли в действительности такое распоряжение, между тем немцы продолжали непрерывно продвигаться вперед. 8 и 9 апреля Красные пытались даже перейти в контр-наступление и только к 11 апреля они начали отходить к Тойала, где находился штаб западной армии. К 19 апреля части Маннергейма прочно заняли Бьернборг и Або, а также захватили жел. дорогу Раумо—Таммерфорс. На центральном направлении под давлением бело-финнов части Красной гвардии отступили на Лахти.

Между тем отряд Бранденштейна вначале безуспешно пытался выйти на участок жел. дороги Рахимяки-Коувала. Этот отряд всюду встречал упорное сопротивление небольших красногвардейских частей и 19 апреля он приблизился к Лахти; этот

пункт обороняли 3 роты красногвардейцев, сюда же под давлением белых отступил отряд Красной гвардии, общей численностью до 400 штыков. Сознавая особую важность сохранения этого узла для всей отступающей армии, красные дерутся очень упорно и из всех защитников только 70 человек прорывается со ст. Лахти к Океройзи. 20 апреля фон-дер-Гольц, при помощи отряда Бранденштейна, впервые установил непосредственную связь с частями Маннергейма.

Остзейская дивизия, после 2-хдневного отдыха в Гельсингфорсе, начала медленное продвижение на север и к 22 апреля, заняв ст. Хювинги, приблизилась к Рахимяки. На всем пути фон-дер-Гольц встречал очень незначительное и слабо организованное сопротивление красных. Штаб западной Финляндии правильно решил все свои части сосредоточить в одном районе (Тавастгус) и уже отсюда всей массой пробиваться на восток. К Тавастгусу сосредоточились отряды из Бьернборга, Раумо, Або, а также с фронта Лемпала-Ваммала. Всего в этом районе сосредоточилось до 30.000 красногвардейцев (2 бронепоезда, 50 орудий, около 200 пулеметов); принимая во внимание незначительную численность западной армии Маннергейма, серьезным противником можно было считать лишь Остзейскую дивизию и отряд Бранденштейна. Значительное превосходство в технике и численности было на красной стороне. Но, вместо воли к победе, среди красных частей царило сильное замешательство. Несмотря на категорическое запрещение, вместе с красногвардейцами отступали их жены и дети со всем своим скарбом; это сильно понижало боеспособность и маневренность красных частей. Неожиданное для красных падение ст. Рахимяки внесло еще большее смятение в их ряды. Оборона подступов к Тавастгусу была организована очень слабо. 26 апреля части фон-дер-Гольца заняли этот город, а красногвардейцы в беспорядке отошли со всеми своими обозами к Лахти. В районе Коска, Ярвила, Лахти тридцатитысячная армия красных была окружена со всех сторон бело-финнами, войсками Гольца и Бранденштейна. 28 апреля командование этой армии решило силою пробиваться на восток. Все части были разделены на 3 колонны: центральная, наиболее сильная, должна была занять ст. Лахти, другие две, охватывая фланги немецких войск, должны были способствовать выведению армии из общего окружения. Все попытки красных выйти из столь тяжелого положения окончились неудачей и после упорного боя 2 мая западная армия принуждена была целиком сдаться в руки белогвардейцев. Только южная колонна (около 7.000 человек) с небольшими потерями пробилась на соединение с войсками средней Финляндии к ст. Коувала.

Одновременно с развертыванием указанных событий в западной Финляндии, шли решающие бои и в Выборгском районе. Здесь, сосредоточив необходимые подкрепления, белые об'ектом

своих действий избрали самый Выборг. С занятием этого пункта захватывалась последняя база красных, местопребывание штаба (правда, потерявшего управление войсками с момента

от'езда из Гельсингфорса); здесь же были расположены многочисленные склады боевых припасов. К 28 апреля белым удалось занять ст. Райвола и таким образом прервать связь Финляндии с Петроградом; морской путь к этому времени еще был недоступен для плавания. Одновременно с этим началось наступление на Выборг со стороны ст. Коувалы. 27 и 28 апреля шли упорные бои в предместьях города, а 29 апреля Выборг был занят белогвардейцами. Правительство и Главное Командование на пароходе выехало в Советскую Россию. Остатки Красной гвардии, сосредоточившись к 27 апреля в районе Коувалы, оказались совершенно отрезанными и вначале решили пробиваться в Советскую Россию. Получив непроверенные сведения о занятии Выборга, красные отложили движение на 2 дня и этим еще более ухудшили положение своих войск. Начался полный развал в частях; они самовольно уходили из районов своих расположений и растекались по домам. 1 июня ст. Коувала покидается красногвардейцами, основное ядро которых бросилось на Котку, и далее частью сдалось в плен, частью рассеялось по всей территории Финляндии.

Этим закончилась гражданская война и начались ужасы белого террора, перед которым бледнеют страницы истории Парижской коммуны после ликвидации ее Тьером.

Отсутствие оперативных документов (приказов, донесений) не позволили проследить эту борьбу в желательных подробностях. Но и тот схематический очерк, который сделан нами, позволяет подвести некоторые итоги и выявить причины поражения рабочей революции в Финляндии, несмотря на сочувствие к ней не только пролетариата, но и бо̀льшей части крестьянства. Финская с.-д. еще с 1905 года парламентскими способами борьбы стремилась привести страну к господству социализма. Победы в сеймах еще более утверждали с.-д. в правильности их соглашательской политики. Именно такое отсутствие твердого закала привело к тому, что после рабочей революции правящая партия оказалась недостаточно твердым рулевым. Финская с.-д. не выполнила требования тов. Ленина о внимательном учете опыта революции 1905 года и наших октябрьских дней. Вместо отчетливой диктактуры мы все время у финской с.-д. видели стремление к чистой демократии. В то время, как в тылу красных белогвардейцы устраивали одно восстание за другим, в то время, как белые беспощадно расстреливали пленных и даже родственников красных,—правительство рабочих до конца своего существования не решалось прибегнуть к установлению смертной казни. Вместо твердого перехода к организации Советской власти, с.-д. выработали проект конституции, по которой власть в стране передавалась «Общенародному Учредительному Собранию». Сильно затянулось разрешение аграрного вопроса и этим было затруднено активное участие крестьянских элементов в Красной гвардии. К этому необходимо прибавить, что внутри правящей партии все время происходили разногласия, мешавшие планомерному развертыванию работы в тяжелых условиях гражданской войны. Все, перечисленное выше, не способствовало созданию под'ема: не было воли к победе, не было крупных организаторов, не было ясных целей и решимости довести начатое дело до конца, а потому и не было победы. Указанная нерешительность не позволила с.-д. захватить власть во время ноябрьской стачки, развернув ее в вооруженное восстание, а в этот период организованность белых (как свидетельствуют их собственные материалы) была значительно слабее, а помощь Советской России могла быть значительно реальнее, так как у нас еще не было напряженной борьбы на внутренних фронтах и не начиналось наступление немцев.

Обращаясь к анализу военных причин поражения, необходимо прежде всего подчеркнуть полное отсутствие военной подготовки Финляндской революции. Это было, с одной стороны, результатом недооценки вооруженного восстания, как способа для перехода власти к рабочему классу, с другой стороны, благодаря тому, что в Финляндии до революции не было своих вооруженных сил. Русская революция сумела из старой царской армии извлечь наиболее сознательные элементы; наша

Красная гвардия получала из старой армии пополнение не только бойцами, но и командирами; финские рабочие по об'ективным причинам этого сделать не могли. Единственными национальными формированиями до революции были егерские баталионы, но они формировались из буржуазных элементов и боролись на стороне белых. Очень большой недостаток ощущался также в подготовленном комсоставе. Помощь инструкторов нашей армии была значительна, но она не смогла возместить полностью отсутствие своего собственного командного состава. Наличный комсостав был выборным и бо́льшей частью не пользовался должным авторитетом. Следствием этого была слабая дисциплина в отрядях. Именно из-за промедления в исполнении боевого приказа вся западная армия красных не успела выйти из окружения. Из неподготовленности комсостава вытекала и анархия в управлении, отсутствие надлежащей разведки, связи и управления в бою. К указанному следует прибавить: 1) слабое выявление инициативы; важные узлы железнодорожных путей не были захвачены красными в первый период боевых действий; это привело к сдаче Таммерфорса; инициатива частных начальников выявлялась в очень редких случаях; 2) анархия в формированиях; главное командование до конца борьбы не смогло создать резерва в своих руках; сил было вполне достаточно, а против немцев двинуть было нечего; бесконечное число мелких отрядов без учета и правильной организации было разбросано по всему фронту от Ботнического залива до Ладожского озера; 3) слабо были использованы особенности финляндского театра; пересеченность территории и сочувствие населения позволяли в большей степени применять здесь действия небольшими отрядами; вместо этого длинный равномерно растянутый фронт, который при слабой организации тыла обречен на неудачу.

И все же указанные недостатки не привели бы к поражению красных, если бы их противником была бы только финская буржуазия. Решающим военным фактором победы белых оказалась интервенция войск фон-дер Гольца.

ГЛАВА VIII.

Брестские переговоры и наступление немцев.

Мы уже имели возможность на прошлых страницах высказать свой взгляд, что положение молодой Советской Республики было крайне ослаблено тем фактом, что два столкнувшихся мировых империалистических лагеря еще не успели завершить свою кровавую схватку. Осень 1917 года для мировой войны характерна тем, что обе борющиеся стороны довели свои боевые усилия до крайних пределов. Антанта с минуты на минуту ждала выступления Америки и полагала, что русская армия, несмотря на февральскую революцию, все же примет участие в общем наступлении. Германия в свою очередь мобилизовала все свои силы и готовилась к весеннему наступлению 1918 года. Октябрьская революция как будто ясно довершила распад царской армии, но все же в общей схеме борющихся сторон Россия занимала столь крупное место, что обе стороны никак не могли осознать р е ш и т е л ь н ы й и о к о н ч а т е л ь н ы й к р а х р у с с к о й а р м и и. Антанта считала своей актуальной задачей возродить русский фронт. Она пыталась опереться на национализированные части поляков, чехо-словаков, украинцев, на кулацкий Дон, на румын, на белогвардейские элементы. Германия в свою очередь боялась, чтобы русский фронт как-нибудь не возобновился.

В такой общей обстановке протекали переговоры в Брест-Литовске, к изложению хода коих мы и перейдем в самых кратких чертах.

18 ноября 1917 года наша первая мирная делегация, под руководством т. т. Каменева и Иоффе, прибыла в Брест и на первом же заседании выставила следующие основные требования для установления перемирия: 1) длительность срока, чтобы за это время можно было бы созвать всеобщий конгресс народов, 2) неиспользование перемирия для военного давления Германии на каком бы то ни было фронте и запрещение перевозок войск с одного фронта на другой, 3) Германия должна очистить острова Моонзунда, а Россия на время перемирия не имела права занимать их. Таким образом в этих требованиях пред-

усматривались интересы не только обороны Советской России, но и бывших союзников России.

22 ноября 1917 г. было подписано соглашение о приостановлении военных действий на всем фронте от Балтийского до Черного моря. В этом соглашении предусматривалось запрещение всяких перевозок, если распоряжение о них не было сделано до подписания соглашения. Согласно пункта пятого этого соглашения по всей линии фронта устраивались пункты для сношений между солдатами воюющих держав. Во время перерыва наше правительство обратилось к союзникам с предложением присоединиться к переговорам. Не дождавшись ответа, наша делегация, 9 декабря начала переговоры о мире. На первом же пленуме нашими представителями были выставлены следующие основные положения: 1) очищение всех оккупированных немецкими войсками территорий, 2) восстановление политической самостоятельности народов, потерявших ее во время войны, 3) право самоопределения, вплоть до отделения всех национальных меньшинств, 4) полный и взаимный отказ от контрибуций и навязанных торговых договоров. Немцы не вступали в дискуссию по поводу этих предложений и приняли основные положения в редакции нашей делегации. Но на самом деле оставление за собою Польши, Литвы, Курляндии и Моонзундских островов было слишком привлекательно и требовало от немцев отказа от принятой ими принципиальной программы.

Слишком много новых возможностей возникало перед германским империализмом на Востоке. Было так заманчиво аннексировать лежащую впереди богатейшую территорию, захватить все армейские базы и лишить Антанту всяких возможностей восстановить антигерманский фронт на востоке. Север с его голодным районом, наличием сильных пролетарских центров не привлекал внимания германских генералов. Здесь перед ними были задачи второстепенного характера, а именно: захватить местные базы и не дать англичанам властвовать в Балтийском море.

Гораздо больше проблем и опасений германских генералов связано было с югом России. Здесь были два польских корпуса, чехо-словацкий корпус, украинские гайдамаки, большинство казачьих полков, румынские армии. Все эти силы сравнительно сохранились от разложения и находились в тесной связи с Антантой, выполняли ее директивы и формировались они под прямым лозунгом борьбы с немцами «до победного конца». Все это предполагало наиболее вероятным восстановление антигерманского фронта именно на юге. Через Украину и Кавказ лежали пути к Турции. Салоникский фронт угрожал перехватить великий исторический путь германского империализма от Берлина на Багдад. Направление Берлин—Варшава — Киев — Ростов — Тифлис восстанавливало кружным

путем непосредственную связь с Турцией и тем самым высоко подняло бы авторитет немцев на Востоке. Этим же движением создавалась прямая угроза Индии, т.-е. можно было рассчитывать на то, что англичане будут вынуждены для защиты Индии ослабить свои силы на западном фронте.

Захват Украины, помимо широких политических и стратегических выгод, давал Германии сразу богатейшие экономические возможности. Германия крайне нуждалась в нефти, в мясе, жирах, хлебе. Каждый немецкий солдат чувствовал этот недостаток на себе самом. А во всей создавшейся тогда мировой политической и экономической обстановке Германия могла все это получить только из Украины и Кавказа.

Именно эти размышления и легли в основу всей тактики немецкой делегации в Бресте. Но открыто о своих притязаниях они заявить не могли и 25 декабря согласились с формулой демократического мира «без аннексий и контрибуций». После этого следовал второй перерыв переговоров, в течение которого все союзные государства должны были ознакомиться с результатами первых свиданий. Ни одна страна не присоединилась к переговорам и 9 января 1918 года под руководством тов. Троцкого наша делегация вновь начала переговоры с представителями Германии, Австро-Венгрии и Турции. Новым участником мирных переговоров явилась Украинская Рада, приславшая отдельную от Советской России делегацию.

Еще раз история продемонстрировала положение, что когда самому бессовестному и грабительскому империализму нужны для его захватнических целей политические холопы, то в роли таковых с особой охотой выступают мелко буржуазные псевдосоциалистические партии. Мы ясно видели, как украинские самостийники выросли при поддержке Антанты. Их идейные корни упираются в Галицию, где особенно свирепствовал Габсбургский шовинизм. Когда же советские войска, при поддержке украинского пролетариата, выбросили вон из Украины гайдамаков, то украинские национальные «социалисты» бросаются к ногам германских генералов, предают интересы революции и своей же Украины, услужливо в Брест-Литовске ведут самостоятельные переговоры и срывают все попытки молодой Советской власти заключить не «похабный» мир.

11-го января 1918 года, когда военное поражение украинских националистов в достаточной степени уже определилось, они опубликовывают четвертый универсал, провозгласивший выход Украины из состава российской федерации. Петлюра заключает договор с немцами, по которому немцы обязуются очистить территорию Украины от Красной гвардии и признать «независимость» Украины. Рада должна взамен такого «освобождения Украины» содействовать немецкой оккупации, выдать 60 миллионов пудов хлеба (затем эта цифра была увеличена до 135 миллионов пудов), 11 миллионов пудов живого скота,

30 тысяч штук овец, $2^1/_2$ миллиона пудов сахара и проч., и проч. Рада принимала на себя крайне дорого стоившее содержание оккупационной армии. Тем же договором Германия обязалась оказать давление на Советскую Россию, чтобы она не вмешивалась в украинские дела. Брестский договор был так составлен, что в нем не была указана точная граница России с Украиной. Это позволяло немцам в случае необходимости замаскированно наступать на южную часть Великороссии.

Соглашение с украинцами позволило немцам быстро и откровенно раскрыть свои намерения. Тов. Троцкий продолжал полностью отстаивать ту программу мира, которая была выставлена в начале переговоров; разоблачая беспощадно планы германских империалистов, тов. Троцкий обращался к рабочему классу Германии и Австро-Венгрии, которые должны были помешать своим правительствам. Гинденбург в своих «воспоминаниях» правильно отмечает: «Поистине Троцкий не на ветер говорил в Брест-Литовске Его политическое учение проникало через нашу границу и находило многочисленных последователей во всех классах и при самых различных убеждениях». Наконец, 18 января 1918 г., отбросив в сторону всякие дипломатические тонкости, ген. Гофман указал на карте ту линию, которая по мнению германских империалистов должна была стать границей с Советской Республикой. По этому требованию Россия должна была отказаться от Моонзундских островов, Курляндии, Литвы, западной части Гродненской губернии и всей территории бывшего царства Польского. Предложенная линия совершенно не считалась с этнографическими границами, разрывая по частям эстонцев, латышей и белоруссов.

Переговоры были вновь прерваны. Во время десятидневного перерыва началось сильное брожение в Австро-Венгрии; бастовавшие рабочие требовали заключения мира на русских условиях; Германия также находилась в преддверии крупных рабочих волнений. В эти ответственные дни среди руководителей нашей партии выявилось три течения: тов. Ленин и вместе с ним незначительное число ответственных партийных и военных работников считали, что необходимо согласиться на условия германского империализма, что необходимо ради прекращения войны, ради передышки пойти на мир во что бы то ни стало. Совершенно противоположную точку зрения защищали так называемые «левые» коммунисты (т. т. Бухарин, Покровский и др.). Эти товарищи настаивали на необходимости прервать всякие переговоры и об'явить немцам революционную войну. Тов. Троцкий, сознавая невозможность военного сопротивления, противился вместе с тем и заключению немедленного мира, считая необходимым переговоры продолжать и уступить лишь при наступлении, перед очевидной силой германского империализма. Отказ от добровольного подписания германских условий об'единял вокруг Советской России симпатии всего рабочего класса

и ускорял возможность его поддержки. «Войны не вести, мира не подписывать»—вот формула, которая и была принята в качестве директивы для последней встречи в Бресте. Новые переговоры еще более усложнились поведением Украинской делегации. Потеряв к этому времени всю свою территорию, украинские изменники решили восстановить свое господство при помощи немецких штыков. 9 февраля был подписан договор между немецким командованием и представителями Украинской Рады, который развязал руки немецким империалистам на Украине. 10 февраля после длительных дебатов тов. Троцкий заявил в политической комиссии, что «отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия об'являет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией прекращенным. Российским войскам отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту».

Между тем в Германии приближались решительные весенние операции на западном фронте; немцам нужно было туда сосредоточивать максимум своих сил. Поэтому главное их командование требует немедленного начала наступления для полной ликвидации нашего фронта и освобождения находившихся там сил. Согласно договору о перемирии сторона, которая решила возобновить военные действия, должна была предупредить об этом противника за 7 дней. Немцы этого условия не выполнили, исчислив 7-дневный срок с перерыва мирных переговоров. Официально заявив о прекращении перемирия в 12 часов 18 февраля, в этот-же день немцы перешли в наступление по всем главнейшим направлениям восточного фронта.

Какие же силы могла противопоставить Советская власть этому наступлению? Старой армии, как боеспособного организма, уже не существовало. В промежутке от декабря 1917 г. до конца февраля 1918 года окончательно завершилась демобилизация старой армии. Здесь мы не могли найти ни одного штыка. Все что было в ней здорового, давно было использовано на внутреннем фронте. Распропагандированный солдат старой армии способен был драться месяц, два на внутреннем фронте, но затем стало сказываться его стихийное стремление домой. Несколько справок из имеющихся архивных материалов смогут дать нам представление о состоянии армии на фронте. В третьем армейском корпусе (10 армия) пехота и артиллерия к 15 января оставили позиции и ушли в тыл; все окопы были засыпаны снегом, укрепленной полосы не существовало, большая часть орудий была брошена по дорогам. В третьей армии к этому же времени фортификационные сооружения разбирались на топливо, позиционные дороги были запущены; остались лишь протоптанные тропинки от жилых землянок к кухням и к немецким лавкам; войска первой линии жили частью в землянках, а частью даже в селениях; полковых резервов не было; некоторые участки по 5—10 верст занимались лишь чинами

штаба полка и полкового комитета; лучшая часть армии использовалась для внутреннего фронта, часть самовольно ушла в тыл, а оставшиеся пришли в такое состояние, что боевого значения иметь не могли и постепенно расползались в тыл по разным направлениям. Такое таяние армии, в связи с таким же уменьшением конского состава вследствие бескормицы, отсутствия ухода и ветеринарной помоши привело к тому, что войсковые части были лишены возможности передвигаться. Такое же положение было и на других фронтах.

Новые формирования добровольческой Красной армии направлялись в своем большинстве также на борьбу с внутренней контр-революцией. Незначительные отряды, влившиеся в старую армию, не изменили ее характера. Разложение было настолько глубоким, что незначительного толчка регулярных частей германской армии было достаточно для ликвидации всех наших фронтов.

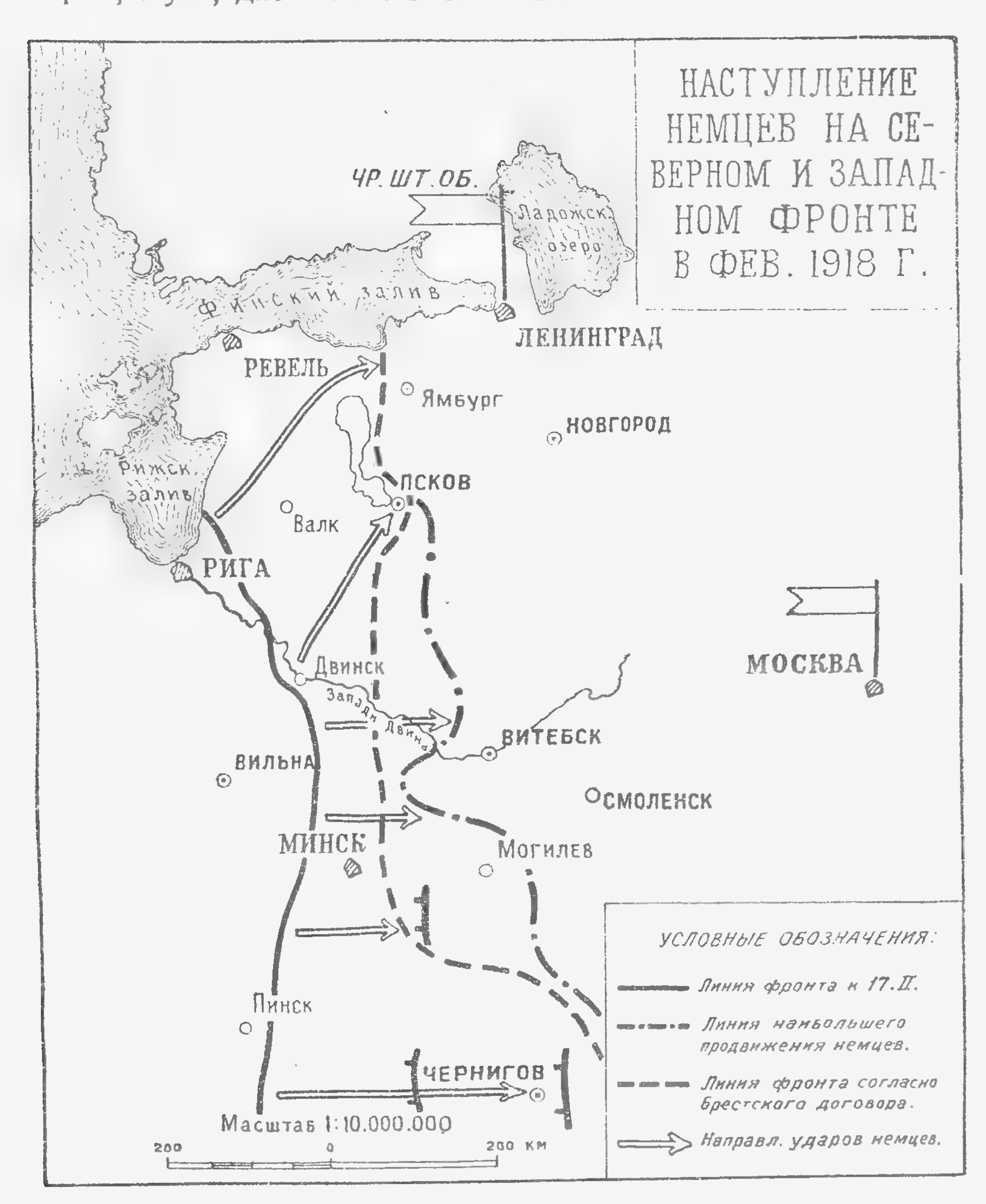
В архивах нами не обнаружено никаких директив, которые были даны высшим командованием для войск фронта на случай немецкого наступления. Настойчивые требования энергичной эвакуации переплетались с распоряжениями по демобилизации. Запоздалая телеграмма Верховной коллегии (см. приложения №№ 21, 22 и 23) также не исправляла положения. Достаточно указать, что начальник штаба Ставки Бонч-Бруевич 19 февраля, т.-е. на второй день после наступления немцев, общую ориентировку о положении дел на фронтах получил из Петрограда; вся ответственность и руководство отступлением были возложены на командующих фронтами. Ставка быстро эвакуировалась в Орел, потеряла всякое оперативное руководство и войска были предоставлены самим себе.

При наступлении немцы около двух третей своих войск двинули на Украину и только одну треть против северного и западного фронта.

Посмотрим же как развивалось это наступление.

На северном фронте наступление велось по основным железнодорожным магистралям с непосредственной угрозой Петрограду: 1) по линии Валк — Везенберг — Нарва; 2) по линии Двинск—Псков—Луга. На каждом направлении, предшествуемые кавалерийскими частями и самокатчиками, действовали от двух до четырех пехотных и по одной кавалерийской дивизии. Здесь фиксировались части 48-го и 43-го немецких корпусов. Лишь несколько полков правого фланга 12-й армии (6-й Сибирский корпус) пытались оказать частичное сопротивление; все остальные части северного фронта стихийной массой разбегались по всем направлениям, загромождая пути и препятствуя организации обороны. Уже к 25 февраля немцы заняли Тапс, Ревель, Двинск и Псков, угрожая подступам к Петрограду. Штаб северного фронта, очутившись к 27 февраля в Твери, безрезультатно пытался остановить бегущие части. В первой директиве упра-

севфронта после начала наступления (от 27 февраля) 12-й, 5-й и 1-й армиям указывалось на необходимость обороны узлов: Нарвы, Луги, Дно и Новосокольники.

26 февраля немцы заняли оставленную нами линию реки Наровы и, таким образом, без всякого противодействия с нашей стороны в течение 8—9 дней они оккупировали всю Эстляндию, Лифляндию и Латвию. Как только немцы начали чувствовать сопротивление, оказанное многочисленными, наспех сформированными отрядами, они приостановили свое движение и на северном фронте началось затишье, которое без перерыва продолжалось до ноябрьской революции 1918 года в Германии.

17-го февраля в штабе западного фронта была получена телеграмма из Брест-Литовска от Самойло (военный представитель при нашей делегации) о том, что согласно заявлению начальника штаба восточного фронта немцев, в 12 часов 18 февраля заканчивается перемирие и снова начинается состояние войны. Здесь так же, как и на северном фронте, войска не получили никаких руководяших указаний ни о путях отступления, ни об оборонительных рубежах, ни о характере своих действий. Для эвакуации оставалась лишь одна железнодорожная магистраль на Смоленск, так как железная дорога Минск—Жлобин была заперта происходившими там боями с польским корпусом. Поспешность отступления и необходимость эвакуации по одной линии штаба фронта и штаба 10 армии привела к тому, что почти весь штаб фронта остался у немцев в г. Минске. Наиболее быстро немцы наступали в центре западного фронта на Молодечно. Наступление производилось не только походным порядком, но и по железной дороге. Здесь действовали части 47-го, третьего резервного и 41-го корпуса. В ночь на 20 февраля Минск был занят польскими повстанцами и на утро 21-го в город вступил первый немецкий раз'езд. Войсковые единицы, как организованные части, совершенно исчезли. Часть солдат, разделив имущество и деньги, осталась в районе занятом противником, другая же часть, прорвавшись сквозь кольцо немцев, раз'ехалась по домам.

Единственный участок, на котором немцы встретили довольно стойкое сопротивление—был стык западного и юго-западного фронта. Здесь в районе Мозырь—Бобруйск под руководством тов. Берзина были расположены отряды революционного западного фронта по борьбе с контр-революцией; готовясь нанести удар польским легионерам, тов. Берзин вместо них встретил первый немецкий эшелон. Его отряды оказывали достаточно упорное сопротивление, что позволило вывести большую часть имущества из складов западного фронта, расположенных в Гомеле. После того как немцы с боями заняли Жлобин и Могилев, одна группа отрядов Берзина, под командою тов. Григорьева, отступила по шоссе на Мстиславль, другая группа из Рогачева отошла на Чернигов. Достаточно надежные кадры групп насчитывали в общей сложности до 2.500 штыков. Сочувственное отношение крестьянства позволило тов. Берзину быстро организовать пополнение своих отрядов; группы лучших партийных товарищей были брошены (по 4—5 человек) в прифронтовую полосу с небольшими суммами денег и снабжены по 300 - 400 винтовок. Через несколько дней на избранном направлении вырастал новый отряд, немедленно занимавший участок фронта. Так как наступление немцев в Брянском направлении непосредственно угрожало Московскому промышленному району, сопротивление тов. Берзина имело большое значение для всей Советской республики.

Значительную помощь оказывал западному фронту командующий МВО тов. Муралов, направляя туда непрерывные пополнения как людьми, так и всем необходимым для боевых операций.

Перейдем к рассмотрению того, как была организована оборона против немцев на всех фронтах. При этом вначале вкратце отметим организацию этой борьбы на собственно Российских фронтах (северный и западный), а затем детальнее остановимся на той борьбе, которая велась на Украине.

Уже на линии Нарва, Псков, Себеж, Невель, Орша и в районе Чернигов, Гомель, Могилев немцы впервые встретились с только что сформированными и слабыми отрядами Красной армии. В Петрограде наступление немцев вызвало сильный под'ем в рабочих районах. Началась повсеместная мобилизация и велись массовые окопные работы на позициях вокруг города. Чрезвычайный штаб ПВО высылал один за другим на фронт молодые отряды Красной армии. Эти отряды должны были прикрыть главнейшие подступы к Петрограду и к Москве, присоединить к себе. где возможно, отходящие части старой армии и оказать сопротивление передовым отрядам немцев. Уже к 25 февраля на главных направлениях фиксировались следующие отряды: на Нарвском направлении—тов. Петерсона и тов. Дыбенко, на направлении Луга—Псков—тов. Пехлеванова, на Порхов—Дно—тов. Подгурского и Ломова; против западного фронта фактическое об'единение обороны оставалось в руках тов. Берзина. Все эти отряды послужили впоследствии основным кадром для сформирования завес обороны. Чрезвычайный штаб ПВО вскоре реорганизовался в революционный комитет обороны страны под руководством тов. Свердлова. 21 февраля тов. Крыленко отдал первое категорическое распоряжение о задержании немцев и о сосредоточении отходящих частей на главнейших направлениях. Центр тяжести как этого распоряжения, так и телеграммы Бонч-Бруевича от 22 февраля, относился к местным советам, которые должны были привлечь к работе по укреплению позиций все трудоспособное население и выделить максимальное количество сил для сопротивления наступающим немцам. Одновременно ряд телеграмм т.т. Троцкого и Свердлова призывали к обороне революции и страны. Лихорадочная работа началась не только в Петрограде, где в двух маленьких комнатах Смольного происходило формирование и снабжение отправлявшихся на фронт рабочих отрядов, но и в Москве и во всех Советах, лежавших в прифронтовой полосе. Руководителями этих отрядов были частью офицеры, которые выразили согласие на активное участие в борьбе с немцами, частью простые солдаты, рабочие-революционеры. Уже к 25 февраля, несмотря на малую численность отрядов, слабость технических средств (особенно орудий и пулеметов), они оказывали упорное сопротивление особенно на Псковском направлении и в районе расположения отрядов Берзина.

Несмотря на этот под'ем, продолжение боевых операций, при общем состоянии вооруженных сил и всей страны в целом, было очень опасно для революции. Тов. Ленин настаивал на необходимости передышки. Ряд партийных товарищей и левые эс-эры продолжали считать, что революционная война против немцев, при сочувствии немецкого пролетариата и крестьянства оккупированных местностей, может окончиться вполне успешно для революционной армии. Несмотря на разногласия, точка зрения тов. Ленина, хорошо учитывавшего и состояние старой армии и общее положение страны, встретила единодушное одобрение на партийном с'езде, и 19 февраля наше правительство согласилось на подписание мира на весьма тяжелых условиях, выставленных немецкими империалистами. Полная демобилизация армии, разоружение флота, очищение всей Эстляндии и Финляндии, вывод Красной гвардии и русских войск с Украины и Финляндии — вот только незначительная часть этих требований. 3 марта, по поручению правительства, тов. Сокольников подписал эти условия. Наступление германцев на западном фронте закончилось 5 марта, так как немецкие войска стремились захватить наиболее выгодные стратегические рубежи. Когда это было исполнено, немцы остановились на той линии, на которой они пробыли до начала ноябрьской революции 1918 года в Германии.

Перейдем к рассмотрению событий на Украине, связанных с наступлением немцев. Украина стала предметом особого внимания Германского командования и именно сюда был направлен максимум усилий.

Твердо решив оккупировать юг России, немцы оставляют на севере только незначительную часть своих сил и на Украину бросают $^2/_3$ всех своих сил, оставшихся вообще на восточном фронте, т.-е. гораздо больше, чем их «просили» петлюровцы. 21-я пехотная и 2 кавалерийских дивизии и 1 кавалерийская бригада из состава Германской армии и 8 пехотных и 2 кавалерийских дивизии из состава австрийской армии ринулись на Украину.

Между первым и вторым Брестскими переговорами немцы совершили соответствующую перегруппировку. Лучшие части были переброшены на западный фронт и, наоборот, с западного фронта наиболее потрепанные части были переброшены на украинский фронт. Начнем с севера Украины.

Если бы немцам удалось налетом занять Москву, то это нисколько не противоречило бы авантюристическим стремлениям восточного командования Германской армии, т.-е. генерала Гофмана, героя Брестских переговоров. Он это замышлял сделать, не взирая на сдержанность в этом вопросе своего правительства и своей ставки. Здесь 41-й корпус, однако, встретил сопротивление частей тов. Берзина, которые участвовали в разгроме

поляков и гайдамаков и которым чрезвычайно существенно помог тов. Муралов высылкой отрядов и полков московской Красной гвардии. Сопротивление на этом участке помешало дальнейшему распространению немцев на Брянск.

Украина стала предметом особого внимания Германского командования, и именно сюда был направлен максимум усилий: 27-й корпус (89-я, 92-я, 93-я, 95-я, 98-я и 11-я ландверные дивизии) оккупировал лево-бережную Украину, имея центр в Киеве, рас-

пространился на юг до Кременчуга, к востоку примерно на линии Севск — Суджа — Полтава. Несмотря на разбросанность своих сил, общее операционное направление этого корпуса намечалось по линии Киев—Курск.

22-й корпус (20 я и 22-я ландверные дивизии) оккупировал правобережную Украину, имея центр в Житомире.

Первый резервный корпус (16-я, 45-я, 91-я, 215-я, 224-я

ландверные дивизии и 2-я баварская кавалерийская дивизия) был наиболее активным из всех оккупационных корпусов. Он принял на себя всю тяжесть боев под Полтавой, Харьковом и на Северном Донбассе. Оккупировав последний, он свое продвижение остановил к востоку от железной дороги Ростов—Воронеж. Дальше этой линии он не продвигался, за исключением отдельных пунктов, куда его приглашали на гастроли красновцы. Организационный центр этого корпуса был в Харькове.

На побережьи Черного и Азовского морей и в Подолии немцы действовали уже совместно с австрийцами. Район Одесса — Херсон занимал 27-й австрийский корпус (30-я, 31-я, 32-я пехотные и 2-я и 7-я кавалерийские дивизии). 25-й австрийский корпус занял Подолию. Екатеринославская группа австрийцев (59-я, 11-я, 5-я пех. дивизии) содействовала немцам при оккупации Донецкого и Криворожского бассейна. Две германские дивизии (212-я и 217-я) оккупировали Крым, куда немецкие генералы не пустили ни австрийцев, ни гайдамаков. Побережье Азовского моря оккупировали 15-я и 7-я немецкие ландверные дивизии и 4-я кавалерийская. Впереди шел 1-й резервный корпус и группа южных дивизий (10-я, 7-я, 212-я и 214-я дивизии). Остальные корпуса выдвигались по мере оккупации территорий.

Итак, мы видим, что большинство немецких частей были из второочередных или ландверных дивизий. Однако, следует принять во внимание, что они были прекрасно вооружены, дисциплинированы и охотно шли оккупировать плодородный край. Этим корпусам в достаточном количестве была придана авиация и тяжелая артиллерия. Немецкие оккупационные войска в качестве авангардных и разведывательных отрядов использовали украинские части Петлюры, сведенные в украинскую бригаду генерала Натиева и ряд мелких украинских и белогвардейских отрядов. Наступление немцы вели планомерно. Вперед выбрасывались конные части или сводные автомобильные и мотоциклетные команды. Войска наступали обычно вдоль шоссе. Исход боя решался маневром в тыл красных, дравшихся почти всегда только вдоль железной дороги в эшелонах. Если передовым немецким частям не удавалось сразу сломить сопротивление красных, то они не особенно упорствовали и предпочитали подождать сосредоточения более крупных пехотных и артиллерийских частей. Введение в бой тяжелой артиллерии обычно прокладывало им путь.

Бросив такие громадные силы, Германия легко оккупировала Украину. По мере своего продвижения высшее германское командование дипломатическим путем устанавливало с Советской Россией демаркационную линию. Эта линия проводилась там, где было выгодно немцам для обеспечения своего левого фланга наступления.

Жестокий юнкерский режим, массовые расстрелы рабочих, подлое торжество украинской торговой и промышленной бур-

жуазии, украинских помещиков, неслыханный произвол немецких комендантов, исключительный грабеж украинского крестьянина и презрительный пинок в спину уже более ненужных украинских «социалистов»—вот что принесли на Украину 29 пехотных и 5 кавалерийских дивизий. И все это история развития революции продемонстрировала только для того, чтобы через несколько месяцев с величайшим позором, обезоруженные, все эти силы были выброшены обратно к себе на родину мощным вихрем германской революции.

Мы не совершим большого преступления, если забежим вперед и скажем, что ни одна из вышепоставленных целей германским империализмом не была достигнута. С Турцией так и не удалось соединиться. Слишком велико было пространство. Германские 600 тысяч солдат быстро рассосались по гарнизонам Украины и не могли даже осуществить полный захват Дона и Кавказа.

Нельзя также сказать, чтобы Германия много вывезла хлеба из Украины. В ответ на реквизицию хлеба украинский крестьянин ответил повсеместными восстаниями.

Несмотря на тяжкие лишения, связанные с временной потерей Украины, Советская власть только укрепилась, ибо до сего времени колебавшийся украинский крестьянин на деле увидел, где его друзья и кто его враги. Огромный психологический сдвиг украинского крестьянства и переход его на сторону Советской Власти явились прямым следствием возмутительного поведения германских оккупационных частей.

Вместе с тем, экспедиция на Украину отняла столько сил, что перебросить на запад немцам много сил вообще не удалось и, таким образом, их общая кон'юнктура в мировой войне вовсе не стала более блестящей. В появляющихся ныне в печати мемуарах выдающихся германских и австрийских военных и политических деятелей, мы находим отражение сознания ошибки германских империалистов, ошибки, связанной с их решением оккупировать Украину. Но таково существо буржуазного уклада мысли, таково существо хищности империализма, что когда перед ним лежит слабо охраняемый жирный кусок, то он, не взирая на грядущие опасности и не продумывая до конца перспективы будущего. бросается на этот кусок и подчас им давится.

Но оттого, что в конечном итоге германский империализм потерпел крах на Украине, — от этого нисколько не меняется картина величайших страданий, величайших бедствий, в которые Украина была повергнута в течение 8 месяцев германского владычества.

Что мы могли на Украине противопоставить перешедшим в наступление немцам? Против регулярной немецкой армии надо было противопоставить либо такую же регулярную армию, либо большие массы слабо обученных бойцов, своей во много раз

превосходящей численностью способных возместить недостаток боевой спайки. Ни первого, ни второго у нас не было.

Юго-западный и румынский фронты уже давно служили очагами гражданской войны между советскими и украинизированными частями. Эти оба фронта пришли в такое состояние разложения, что ожидать от них организованного сопротивления наступающим немцам было бесполезно.

Отдельные группы наиболее сохранившихся революционных частей старой армии представляли небольшие силы. В конце декабря 1917 г. в Ровно сорганизовался оперативный штаб юго-западного фронта. Ему удалось вокруг себя об'единить небольшой отряд из всего юго-западного фронта. Все остальное распылилось, находилось в процессе окончательного распада и стремилось с оружием в руках прорваться на родину.

В наиболее критический момент перехода немцев в наступление наши революционные комитеты не имели в своих руках ни одной крепкой части, при помощи которой можно было водворить хотя бы минимальный порядок. Подлая политика украинских шовинистов, восстание польских легионеров, выступления генералов Каледина, Алексеева, Дутова в корне сорвали все попытки революционных комитетов организовать сопротивление германским оккупантам. Ибо все здоровое из старой армии уже было отправлено на внутренние фронты.

Наиболее сильные советские организованные части на юге Украины, так называемые армии Муравьева, ввязались в бои с румынскими частями. В Киеве после ухода Муравьева остались ничтожные силы. Народный Секретариат Советской Украины поручил тов. Коцюбинскому организацию вооруженных сил. Коцюбинский пытается связаться с революционными остатками старой армии. Это были те силы, которые наступали на Киев в помощь Муравьеву с запада, но опоздали к штурму Киева. Эти отряды разбили остатки Петлюровских войск, пытавшихся после сдачи Киева обосноваться в Бердичеве. Командовал этими частями тов. Киквидзе.

Военная работа Секретариата протекала очень слабо. Фактически она вообще просуществовала всего только 3 недели. Организационный аппарат Секретариата был настолько слаб, что не знал даже, что фактически делается на фронте. Советский Киев мог опереться только на конный отряд Примакова и на первый Киевский железнодорожный полк. В прифронтовой полосе наступление немцев всколыхнуло все революционные силы. С целью организации сопротивления повсеместно возникают всевозможные штабы с очень громкими названиями, но без всякой реальной силы.

Не было ли сил, способных оказать сопротивление, в ближайшем тылу Украины? Как будто бы здесь совсем недавно были сравнительно крупные силы, которые ликвидировали Каледина, польских легионеров. Однако, и тут мы увидим, как при-

бывшие из центра отряды Красной гвардии и матросские части при первом известии о том, что немцы перешли в наступление на Петроград и Москву, бросились защищать «свои» заводы и города. Колонны Сиверса и Саблина вытягивались к северу. У Наркома Антонова был план в треугольнике Дно—Н.-Сокольники—В. Луки сосредоточить свои силы для удара немцам во фланг. В момент перехода немцев в наступление Сиверс приближался к Курску, Саблин к Воронежу. Латыши потребовали отправки на свою родину для защиты ее от немцев. Здесь мы также не находим сил для отражения наступления немцев. Пролетариат Украины был лишен поддержки центра в массовом масштабе.

Ни в какой степени общая политическая обстановка на Украине не способствовала организации сопротивления. Бессистемно на территории Украины и юга России возникали отдельные Советские республики. Самодеятельность масс выливалась часто в формы, не отвечавшие задачам момента. Крымская, Одесская, Донская Область, Донецко-Криворожская, Украинская Республики враждовали между собой, не столковывались между собой, и лишь удары немецких оккупационных дивизий охладили пыл украинских советских деятелей. В силу этих причин провалилась об'явленная Секретариатом Украины мобилизация нескольких возрастов населения. Для мобилизации не было ни волостного аппарата, ни кадров, ни администрации, ни вооружения. Местные красногвардейские формирования, предпринятые, главным образом, в крупных городах Украины и Донбасса, ничего существенного также не дали. Точно также не удалась попытка крупного политического деятеля на Украине тов. Пятакова поднять восстание Черниговских крестьян.

Возникает вопрос, почему украинское крестьянство так слабо реагировало на наступление немцев? Этот вопрос тем более уместен, что впоследствии украинское крестьянство своим массовым восстанием сорвало все империалистические замыслы немцев на той же Украине. Борьба Красной гвардии в первый период гражданской войны была борьбой вдоль линий железных дорог, борьбой за крупные города и железнодорожные узлы. Деревня, получив, наконец, долгожданный мир, не была еще втянута в борьбу; она занималась дележкой земли и постепенно впитывала возвращавшиеся с фронта полувооруженные усталые силы.

В первый период немецкого наступления сказался его быстрый темп. Влияние прифронтовой полосы, когда линия фронта впоследствии устоялась, еще не вылилось в массовом притоке бойцов в ряды Красной армии. Поэтому крестьянство в целом к наступлению немцев вначале относилось в высшей степени равнодушно; кулацкие же верхи крестьянства всемерно содействовали наступлению немцев, так как они полагали, что их национальные устремления не будут нарушены немецкой оккупацией.

Итак, малочисленный пролетариат Украины в непосильной борьбе с оккупантами был предоставлен самому себе.

Фактически к началу наступления немцев мы насчитываем в районе Киева до 3.000 бойцов, в различных городах Украины до 3.000, армия Муравьева до 5.000 бойцов, колонны Сиверса и Саблина до 4.000 бойцов — всего, таким образом, до 15 тысяч активных бойцов. Все остальное нельзя принять на учет, как вооруженную силу. Таким образом, численность этих отрядов была в 15—20 раз меньше немецких сил. По своему боевому характеру все эти отряды не были спаяны, их было трудно вывести из эшелонов, и только отдельные героические моменты скрадывали общую безотрадную обстановку панического отступления советских отрядов.

Действительно, трудно было ожидать серьезного сопротивления от 1—2.000 бойцов, когда на них наступают 1—2 отлично вооруженные германские дивизии, ибо, примерно, такова была обстановка любого мало-мальски серьезного столкновения.

Последовательные удары немецких частей, сочетаемые с выступлениями гайдамаков (уже 26-го февраля отмечались выступления вильного казачества в районе Бобринской, Белой Церкви, Смелы, где вел свою организационную работу Скоропадский), белогвардейцев, немецких военно-пленных, привели к тому, что красногвардейские отряды постепенно, с каждым днем все более разлагались. Но так как они по дороге впитывали в себя остатки местных советских деятелей, то их содержание постепенно видоизменяется, что в свою очередь также отражалось на характере их боевых действий. Крепче, конечно, держались отряды, уже прошедшие школу борьбы с румынами (Тираспольский отряд), с Калединым (части Сиверса и Саблина), с Украинской Радой (отряд Киквидзе). Гораздо хуже дело обстояло с формированиями местных советов, они зачастую бросали фронт, уезжали, куда им заблагорассудится, выносили резолюции на всевозможные темы, что нет одежды, вооружения, снаряжения и проч. Местные советы, не обладая организаторским опытом, формировали свои отряды из деклассированных элементов без крепких пролетарских ядер. Нельзя было ни на кого положиться; управление затруднялось до крайности. Оперативные приказы не выполнялись. Трудно было ориентироваться и принять какое либо решение, когда на всех без исключения участках фронта противник был многократно сильнее и организованнее. И лишь изо дня в день учились на собственных ошибках, и постепенно из хаоса отдельных отрядов стали вырисовываться контуры более крепких начальников, более устойчивых отрядов.

Сложная политическая обстановка в общереспубликанском масштабе, вызванная Брестским договором, точно также отягощала обстановку организации сопротивления. Совершенно не было известно украинским советским работникам, до каких же пределов собираются наступать оккупационные войска, ибо в

границы 3-го Универсала входили не только Украина, но и Донбасс, Кривой Рог, южная часть Курской и Воронежской губерний. Очевидно было, что немцы, оккупируя Украину, воспользуются самым широким толкованием Брестского договора украинскими шовинистами.

Все эти, вместе взятые, обстоятельства следует постоянно учитывать при рассмотрении всех последующих страниц борьбы украинских советских отрядов с немецкими оккупантами. Без этого учета многое будет или неправильно понято, или недостаточно осознано. С особой любовью надо отнестись к тем отдельным героическим попыткам, которые все же мы сможем отметить на страницах дальнейшего исследования. Ибо такая тяжелая обстановка, какая была создана для красногвардейских отрядов на Украине, уже больше нигде на протяжении всей истории гражданской войны не повторялась. Никогда ни Красная гвардия, ни Красная армия не имели перед собой столь превосходящего в силах и столь организованного противника, как весною 1918 года на Украине.

9 февраля Украинская Рада заключила договор с немцами, а 18-го немцы начинают свое наступление. Немецкое высшее командование мотивировало свое наступление тем, что мир заключен только с Северной Россией, что оно не признает нового Советского Украинского Правительства и что оно готово поддержать всей силой своего оружия договор с украинскими националистами, по которому немецкое правительство обязалось очистить Украину от большевиков. Севернее Вапнярки немцы легким толчком заняли наши окопы. Южнее их услужливо пропустила Румыния, которой вся эта история была только на-руку, ибо она, потерпев поражение под Рыбницей, должна была вернуть Бессарабию Советской Республике. Организационным центром оккупационных частей становится Ровно. Первая задача оккупантов захватить Киев, столицу Украины.

Рассмотрим все усилия, которые Украинское Советское Правительство предпринимает, чтобы отразить натиск немцев. Оно пытается задержать отступающие части юго-западного фронта, главным образом, части 2-го гвардейского корпуса. Но гвардейцы категорически отказались остановиться в Киеве, и все эшелоны с оружием в руках потребовали отправки на север. Задерживался перед Киевом и вел упорные бои в течение 8 дней в районе Житомир—Бердичев только отряд тов. Киквидзе. Была надежда на то, что удастся вовлечь в борьбу с немцами чехословацкий корпус, но он точно также активности большой не желал проявить. Киевские рабочие были истощены двукратным восстанием против Украинской Рады. Так обстояло дело с непосредственной обороной Киева. Небольшие наши части, прикрывавшие Киев, были легко отбиты, обозначился обход справа, по направлению к железнодорожному мосту, и единственный возможный путь отступления мог быть отрезан. Штаб обороны

с последним поездом отходит 1 марта 1918 г. к Дарнице. Народный Секретариат Украины 22 февраля пытался привлечь к обороне Киевского района первую армию Егорова. Этим приказанием фактически ничего не выигрывается, и только окончательно разваливается общий аппарат управления на фронте армий Муравьева. К 3 марта немцы заняли Жмеринку и этим порвали связь по фронту между киевской группой красногвардейцев и армиями Муравьева. 5 марта район Черкассы—Золотоноша точно также в руках у немцев. Это нависание оккупационных войск над Муравьевскими армиями заставляет их откатываться от линии реки Днестра. С захватом Киева и с занятием немцами правого берега Днепра следует считать **первый этап немецкого наступления законченным.**

Отступившие из Киева отряды, частично задержались в районе Ромны—Ромодан; часть сил, под командой тов. Белоконь, отступила через Бахмач. Не было никаких перспектив дальнейшей защиты Украины; казалось, что немцы триумфальным маршем пройдут по Украине. Эта величайшая опасность учитывалась центром Республики, который признал необходимым оказать сопротивление немцам, ибо там, где немцы встречали хотя бы малейшее сопротивление, там их темп наступления значительно ослабевал, и, наоборот, отсутствие сопротивления могло бы разжечь аппетиты немецких генералов, и мы могли-бы потерять территорию не только одной Украины. Вот почему, с целью координации всех действий по оказанию вооруженного сопротивления, тов. **Антонов-Овсеенко снова назначается главнокомандующим.**

Момент его назначения совпал с крайне важным событием. До сих пор бездействовавший и относившийся инертно ко всем событиям, 40.000-й, великолепно организованный, чехо-словацкий корпус вступил в бой с немцами. Это выступление чехо-словаков открывало блестящие возможности. Предполагалось, что их сопротивление создаст ту завесу, благодаря которой удастся спокойно сорганизовать на Украине достаточные силы. Когда же через 6 дней чехо-словаки прекратили бой с немцами и потянулись в эшелонах на восток, то многие их об'явили предателями революции. Кличка «предатели» к ним вовсе не подходит, ибо они никогда не были «защитниками» революции. Всегда всеми их действиями руководило одно лишь шкурничество, самого низкого пошиба.

Чехо-словацкое военное движение в России имеет историю с первых дней мировой войны. Выходцы из Австрии, чехословаки в царской России разбились на две социальные группировки. Жители крупных городов образовали чехо-словацкую буржуазию, черносотенно-монархически настроенную. Колонисты, явно кулацкого характера, по своим убеждениям примыкали к кадетам и с.-р. Чтобы избегнуть конфискации своего

имущества, как подданных Австро-Венгрии, чехо-словаки 6 августа 1914 года в городе Киеве организуют первую дружину для борьбы с немцами на стороне русских. Эти четыре роты на Юго-Западном фронте, в составе 3 армии, образовали разведывательный отряд. Особой охоты драться эти кулацкие сынки не выражают. Чтобы пополнить свои ряды и тем подчеркнуть лойяльность перед царским правительством, чехословацкая буржуазия обращает внимание на военно-пленных, среди которых много чехо-словаков. Работа идет формально под добровольческими лозунгами, но фактически вербовка проходит путем применения принудительных мер. 1 декабря 1915 года дружина расширяется до 1-го Чехо-словацкого полка, к апрелю 1916 года организуются 2-й полк и в гор. Киеве запасный 4-ротный батальон. Вся эта работа в России связывается с деятельностью чехо-словацкого комитета в Париже, под руководством Массарика. Франция щедро обещает, в случае поражения Германии, образовать независимую Чехо-Словацкую Республику; это обещание выгодно чехо-словацкой буржуазии и кулацкому крестьянству. Необходимо поэтому доказать Антанте полную свою преданность, и к этому фактически направлены все организационные мероприятия чехо-словацких буржуазных партий.

Однако, военно-пленные вовсе не представляют собой такой послушной массы, как это хотелось бы лакеям Антанты. Среди них много рабочих-социаластов и вообще усталых от войны. Февральская революция затрогивает чехо-словацкие массы, и среди них начинается выделение революционных элементов. Но, в целом, все же удается игра на националистические чувства, и чехо-словацкие полки внешне выражают покорность союзным миссиям Антанты. Временное Правительство не особенно доверяло чехо-словакам, но под давлением Антантовского дипломатического корпуса Керенский разрешает дальнейшее формирование чехо-словаков. Ставка все больше начинает благоволить чехо-словакам, так как они приняли деятельное участие в пресловутом июльском наступлении Керенского. К августу 1917 года чехо-словацкий корпус окончательно оформляется. Чехо-словацкий корпус выводится в тыл и располагается: 1-ая дивизия—в районе Житомир—Бердичев, 2-я дивизия между Киевом и Полтавой. Корнилов во время своего выступления пытался двинуть 1-ю чехо-словацкую дивизию на Петроград, но чехо-словаки не пошли. К октябрьской революции верхи чехословацкого корпуса отнеслись отрицательно. Они заключают договор с остатками Временного Правительства в Киеве, и один из чехо-словацких полков дерется против восставших киевских рабочих. После победы Украинской Рады, использовавшей выступление киевских рабочих, чехо-словаки предают Временное Правительство, столковываются с Украинской Радой, но во время наступления Муравьева на Киев сохраняют «нейтралитет», т.-е. предают Украинскую Раду.

В конце ноября 1917 г. в Яссах состоялась конференция Антантовских послов, которая решила восстановить анти-германский фронт на востоке, при чем чехо-словакам предлагалось занять фронт от Бессарабии до Дона, т.-е. служить связывающим звеном между войсками ген. Щербачева и ген. Каледина и Алексеева. Это приказание чехо-словаки не выполнили. В ноябре и декабре 1917 г. ген. Алексеев убедительно просит перебросить чехо-словацкий корпус к нему на Дон. Он предлагает разместить чехо-словацкие части по четырем направлениям: 1) Ростов-Новочеркасск, 2) на Владикавказской жел. дороге, 3) по жел. дор. Козлов—Воронеж и 4) Синельниково—Макеевка. Прикрываясь этим кольцом, ген. Алексеев предполагает более успешное формирование добровольческой армии. Однако, чехо-словацкий корпус категорически не желал связываться с Донскими контр-революционерами. Слишком выпирало наружу ярко монархическое реставрационное настроение царских генералов, и вожди слишком ясно понимали, что трудящиеся массы России ни в коем случае не пойдут за этими осколками помещичье-феодального режима. Чехо-словацких солдат можно было больше привлечь поездкой через всю Россию на Западный фронт, чтобы там, якобы, заслужить одобрение французской буржуазной клики.

Они не соображали того, что с выступлением Америки, Франция на Западном фронте больше не нуждалась в чехо-словацком пушечном мясе. Кроме того, Франция ни в коем случае не хотела подпустить к своим, и так бунтовавшим, войскам полуразложившийся, митинговавший чехо-словацкий корпус. Все стремления французских дипломатических агентов в России были направлены к тому, чтобы использовать чехо словаков именно на территории России.

Брестский договор, под давлением Антанты, чехо-словаками не признается. 3 февраля 1918 года они об'являют себя частью французской армии на русской территории. Однако, 3 марта 1918 года чехо-словаки совершают очередное предательство. Они в Киеве заключают перемирие с немцами, по которому они обязаны выдать оружие и не принимать участия в операциях против немцев. Немцы согласились пропустить их на восток. Об этом соглашении Штаб чехо-словацкого корпуса в общей суматохе немецкого наступления забывает предупредить 6-й полк, расположенный в Бахмаче. Когда же к Бахмачу со стороны Гомеля стали приближаться немцы и тем самым грозили отрезать от Киева чехо-словацкие эшелоны, вытягивавшиеся по железнодорожной магистрали Киев—Курск, то 6-й чехо-словацкий полк оказывает вооруженное сопротивление. Командир полка отлично понимает, что если немцами будет перехвачена дорога чехо-словацким эшелонам, идущим из Киева на Курск—Воронеж—Козлов—Пенза и далее на Владивосток, то им придется свои эшелоны пустить на Полтаву—Харьков—Лиски и

далее на Пензу, то-есть чехо-словацкий корпус приблизится к границам Донской Области, где его неизбежно союзники остановят и крепко свяжут с Донскими казаками. Этого хуже всего боялись шкурники, мечтавшие о трехмесячной кругосветной поездке, а тем временем, авось, подоспела бы ожидавшаяся со дня на день развязка на Западном фронте. Когда же немцы в Киеве запротестовали перед Штабом чехо-словацкого корпуса, что командир 6-го полка не выполняет заключенного договора, то тотчас же прекратились военные действия, и чехословацкие эшелоны беспрепятственно потянулись на восток. В районе Ельца их нагнало новое приказание французской миссии—остановиться и образовать два фронта: на запад—против немцев и на север—против большевиков и опять-таки соединиться с Донскими казаками, но это приказание снова чехо-словацкими полками не выполняется, тем более, что казаки, как организованная сила, уже к тому времени не существовали.

Тогда союзники, обеспокоенные высадкой немцев в Финляндии, приказывают чехо-словацкому корпусу следовать на Мурманскую железную дорогу, где, якобы, для них готовы транспортные средства. Фактически, конечно, никуда чехо-словаки не были бы отправлены и приняли бы участие в создании Северного анти-большевистского фронта совместно с англичанами и сербами. Эту комбинацию чехо-словаки раскусили и продолжали движение на восток, несмотря на заявление союзных миссий, что никаких транспортных средств во Владивостоке не будет. Такое стремление на восток, грозящее всевозможными осложнениями, заставляет Советское Правительство пред'явить ультиматум чехо-словакам, а далее уже разыгрываются события, именующиеся в истории Гражданской войны, как первоначальный этап создания Восточного фронта.

Таким образом, столкновение у Бахмача вовсе не является актом национальной ненависти чехо-словаков к немцам. Это было просто какое-то недоразумение: наоборот, чехо-словаки подобно польским легионерам, петлюровцам, красновцам, на словах называли большевиков немецкими шпионами, клялись перед союзными миссиями воевать с немцами до последней капли крови, а на деле покорно целовали сапоги германских генералов и заключали с ними такие позорные договоры, перед которыми наш Брестский договор бледнеет.

ГЛАВА IX.

Оккупация Украины и Донбасса.

Назначение Антонова—Овсеенко. Организация сопротивления.—Бои на Украине.—Потеря Донбасса. Переход к завесам.

Местные Советские Республики под непосредственной угрозой оккупации Украины собрались на с'езд 5-и республик юга России и санкционировали назначение тов. Антонова-Овсеенко главнокомандующим. Ему были подчинены войска только в оперативном отношении; тыл и новые формирования оставались в подчинении местных властей.

Тов. Антонову-Овсеенко пришлось все построить заново. Одним из первых его распоряжений было остановить направлявшиеся к северу колонны Саблина и Сиверса и двинуть их к Полтаве и Бахмачу. Отряду Петрова точно также был послан приказ переброситься на Украину. Остатки калединских отрядов должны были быть ликвидированы при помощи местных отрядов Северного Кавказа под командой тов. Автономова. Ему из отрядов Сиверса был оставлен латышский полк и некоторые мелкие отряды. Колонны Сиверса и Саблина пережили большую деформацию; большинство частей демобилизовалось. Так, например, из колонны Сиверса 4-я кавалерийская дивизия, 18-й стрелковый полк и ряд красногвардейских отрядов были отправлены в Москву на демобилизацию. Точно таким же образом из отрядов Саблина большое количество частей было направлено в Москву на демобилизацию. Всего-то у Саблина было 2.200 штыков, 2—3 батареи. Отряд т. Петрова был занят переформированием и вообще не мог в силу этого сразу следовать на Украину. Итак, мы констатируем, что красногвардейцы калединского фронта не смогли принять сразу большое участие в событиях на Украине и по своей малочисленности вряд ли смогли изменить общую неблагоприятную обстановку.

Перед штабом тов. Антонова-Овсеенко стояла задача определить линию фронта и наличные силы противника. Было установлено, что немцы, прорвав фронт во многих местах, стремительно заняли Киев, но еще не переправились через Днепр, а лишь распространяются к югу. 4 марта 1918 года

линия германского фронта проходила через пункты Могилев-Подольский, Жмеринка, Винница, Цветково, Бобринская, Черкассы, т.-е. нависала над армиями Муравьева.

Посмотрим, какие сведения имелись об армиях Муравьева. Его наиболее активная первая армия т. Егорова занимала район Вапнярка, Гайворон и Рудница. Штаб армии стоял в Елисаветграде. Южная граница фронта этой армии распространялась на Слободку—Ольвиополь до Помощной. Никаких активных боев эта армия почти не имела, отступая в перемежку с отходившими частями старой армии и подавляя у себя в тылу выступления анархистов и гайдамацких банд. Так как эта армия своими северными отрядами частично выполняла директивы Народного Секретариата Украинской Советской Республики, то некоторые части этой армии без всякой пользы путались в районе Ровно, Казатин-Фастов.

3-я армия Муравьева, сформированная из местных отрядов, занимала фронт от Ямполя до Аккермана. В состав этой армии, как мы уже раз указали, основным ядром входили Тираспольский отряд и конный отряд Котовского.

Все резервные формирования об'единялись т. Беленковичем и находились в районе Елисаветград—Екатеринослав. Если бы немцы не задержались в Киеве и ударили бы сразу в направлении Киев—Екатеринослав - Мариуполь, то они все эти силы отрезали бы и пленили.

Итак, мы видим, что все наличные силы на Украине дробились на две группы: Муравьевскую и Киевскую. Эти обе группы соединялись небольшой группой войск под командой т. Коляденко, которая занимала район Знаменки—Бобринской—Черкассы.

Рассмотрим сначала численность и расположение киевской группы отрядов. После величайших затруднений штаб Антонова установил, что примерно на линии Московско-Брянской ж. д. в районе Хутор-Михайловский—Глухов—Кролевец находится до 20 мелких отрядов, об'единенных громким названием—«2-я особая армия». Они были здесь оставлены Муравьевым для формирования, с тем, чтобы потом отправиться к нему на Румынский фронт. Эти отряды, по характеру полубандитские, никому не подчинялись, вообще не были склонны к тому, чтобы воевать, а предпочитали грабить местное население. Южнее этой «армии» находились отряды, отступившие из Киева. Ядро их, во главе с крупными партийными товарищами Пятаковым, Бош и Аусемом, находилось в Полтаве. Наиболее сильная часть, под командой тов. Киквидзе, была у ст. Ромодан. Среди остальных частей можно указать на конный отряд тов. Примакова.

С противником прямой связи не было.

Если к этим отрядам прибавить Кременчугский отряд тов. Карнаухова,—то все они вместе составили до 2.000 штыков, 300 сабель.

Силы, как Муравьева, так и Киевлян, были явно недостаточны, необходимо их было пополнить. Штатные формирования никак не удавалось сколотить; штаб Антонова-Овсеенко пытается организовать повстанческое движение в тылу противника. Дело это поручается тов. Кожевникову. Попытка первоначально не имеет никакого успеха. Тем не менее, деятельность Кожевникова послужила зачатком последующего партизанского движения на Украине и как таковая должна быть учтена. Были попытки со стороны штаба т. Антонова-Овсеенко использовать остатки старой армии. Удавалось с величайшим трудом задерживать и использовать только одни штабы и кое-какие технические части. Главным образом, удавалось отбирать военное имущество.

Трудно было рассчитывать на приток пополнений. Формирование добровольческих отрядов протекало неуспешно. Только такой крупный центр, как Харьков, дал два-три полка. Места и в этом отношении сильно самостийничали и только вредили общему делу. В Юзовке был образованный с декабря 1917 г. Центро-штаб, который ничего путного не формировал и только доносил, что у него имеется сформированных 13.000 бойцов. Местные советские органы все еще не осознавали всей создавшейся для Украины опасности. Центральный Советский орган Украины часто менял место своей стоянки и тем самым окончательно дезорганизовал советский аппарат. В полосе, где действовали войска, устанавливался примитивный, и подчас принимавший нелепые формы, военный режим. Постепенно Украина превращалась в какой-то кипящий котел. Все это в своей совокупности отразилось на докладе т. Антонова-Овсеенко 20 марта на имя Совнаркома РСФСР. Основные моменты этого доклада были: а) незначительность сил, б) отсутствие кадров для формирования, в) недостаток снаряжения, г) полное отсутствие сведующих помощников в самом штабе.

Тем не менее, воевать надо было и воевать во что бы то ни стало. Приказано было киевской группе установить связь с Муравьевым. Наиболее угрожающим считался крайний правый фланг, т.-е. направление Киев—Харьков. Штаб решил усилить отряды техническими средствами и по мере сил и возможности выбрасывал на фронт отдельные артиллерийские и броневые силы.

Оперативный замысел связывался с проектом удара Брянской группой красногвардейцев под командованием тов. Берзина во фланг наступающим немцам. Этот верный по своей идее оперативный план не мог быть осуществлен в силу того, что группа Берзина сама едва сдерживала натиск превосходных сил 41-го германского корпуса, стремившегося через Брянск прорваться к Москве. Оставалось организовать фронтальное сопротивление. Все последующие усилия штаба Антонова-Овсеенко в основном были распределены по 3-м направлениям. Северное направление проходило по линии Бахмач—Ворожба—Белгород.

Среднее направление было Киев—Полтава—Харьков. Южное направление связано было с примерной линией Одесса—Екатеринослав. Все бои на этих направлениях будут связаны, как мы увидим впоследствии, с обороной и падением таких важных пунктов, как Полтава, Харьков и Екатеринослав. То, что мы будем рассматривать каждое направление в отдельности, вовсе не означает, что каждое направление действовало совершенно самостоятельно вне связи с остальными. Наоборот, мы во всех оперативных распоряжениях штаба Антонова-Овсеенко находим массу данных, говорящих за то, что со стороны высшего командования было неоднократное намерение координировать действия отдельных направлений. Но так как большинство этих попыток не приводило к очень осязательным результатам, то мы будем их затрогивать по мере рассмотрения боевых операций на том или ином направлении.

На крайнем северном направлении, т.-е. по жел. дор. Киев—Бахмач после падения Киева, действовал маленький отряд т. Белоконя. Это направление наиболее тревожило высшее командование. Оно туда бросает отряд тов. Примакова. 8 марта отряд Примакова занял Бахмач, в котором было только несколько гайдамаков. Сюда же командование из Таганрога—Ростова перебрасывает отряд тов. Шарова при 2-х легких и 2-х 6″ орудиях. В тылу у Шарова бродили отряды Ремнева, никак не желая ему подчиниться. Железная дорога была забита чехо-словацкими эшелонами, которые вытягивались на восток. К 15 марта это направление принимает переброшенная колонна тов. Сиверса. Она насчитывала до 1.000 штыков с двумя 6″ орудиями. Положение Сиверса было отчаянное. Демобилизация фронтовых частей больнее всего ударила по нем. У него сплошь и рядом от его многочисленной артиллерии оставались только пушки и по 10 чел. прислуги на батарею. На помощь Сиверсу посылается 1-й Ярославский полк тов. Вишневского. Постепенно Сиверс организуется, подчиняет себе все местные отряды и все это получает название 5-й армии.

Еще до того, как этот участок фронта привел себя в порядок, чехо-словаки бросили фронт у Бахмача, и последний, равно как и Конотоп, занимается немцами. Продолжая свое наступление на восток, немцы у Путивля атакуют части Шарова, отбирают его тяжелую артиллерию и заставляют откатываться. Армия Сиверса еще не подоспела, так что фактически бой на ст. Путивль вели 35 человек. К концу марта немецкое продвижение создает в районе Ворожба, Коренево и Сумы такое угрожающее положение, что Харьков об'является на военном положении. У Сиверса некоторые части были разбросаны не только вдоль жел. дор., но и в районе Сумы. Здесь действовал отряд Потапова в 1.500 чел. Когда немцы заняли Лебедянск, этот отряд снялся и укатил в эшелонах за Белгород.

Немцы продолжают стремительно наступать в разрез между Курском и Харьковом, занимают Кириковку и Ахтырку и создают прямую угрозу Харькову. Чтобы задержать противника на подступах к Харькову, отряд Сиверса приказом высшего командования снижается в район Грайворона. Однако все попытки привлечь Сиверса непосредственно к обороне Харькова ни к чему не приводят. Он очень медлителен в выполнении приказов, к тому же сам едва-едва поспевает уклоняться от ударов превосходных сил немцев. Обходящие и окружающие немецкие колонны не дают ему возможности принять участие в обороне Харькова; Сиверс откатился, минуя Харьков, в район Волчанска.

На среднем направлении разыгрались наиболее упорные и кровавые бои. Здесь немцы наносили наиболее сокрушительные удары 1-ым резервным корпусом в 2-х направлениях: первый удар шел в направлении Бахмач—Ромны—Гадяч—Зеньков, второй удар шел от Гребенки на Лубны—Миргород—Полтаву. Этими ударами все остальные отряды Киевской группы, совместно со всеми прибывающими пополнениями, постоянно брались в клещи и вынуждались к отступлению. Немцы первоначально ударили по отрядам Бош и Аусема. Под натиском немцев здесь началась необ'яснимая паника. Все отряды, за исключением Примаковского, бежали в эшелонах и открыли противнику жел. дор. Лохвица—Гадяч—Ахтырка. Затем это направление прикрывал только один отряд Примакова, который в свою очередь теряет связь с остальными частями и под натиском немцев отходит к северу на Лебедин.

Южнее группы Бош и Аусем были силы тов. Киквидзе. С целью облегчить тяжкое положение под Бахмачем, ему дается директива перейти в наступление на Яготин с частной задачей взорвать там мост. После упорного боя с немецкими авангардами, длившегося 10 часов, наши части заставили их отойти. Когда подтянулись главные силы немцев, то в результате ожесточенных атак немцев красногвардейцы отошли и очистили район Гребенки. Сам командующий Киквидзе был в этих боях 17 марта ранен. Эти кровопролитные бои в корень подорвали боеспособность отрядов т. Киквидзе. В эту тяжелую минуту прибывает колонна Саблина; она насчитывала несколько сот бойцов, без полевой артиллерии. Моральное состояние колонн неважное, так как лучшие красногвардейцы Петрограда и Москвы ушли домой. Об'единив группу Киквидзе (к этому времени она насчитывала 1.850 штыков, 180 сабель, 4 орудия), отряды Бош и Аусема и южный отряд тов. Карнаухова, Саблин формирует так называемую 4-ю армию. Немцы ударяют по отряду Киквидзе и Медведева, наступают затем через Хорол на Белоцерковку в тыл Миргорода и тем самым заставляют окончательно деморализованные силы Киквидзе откатиться на Лозовую—Славянск. Взамен отступивших отрядов на реку Псел выдвигается

из самой Полтавы ряд мелких отрядов, как то отряд Сиверса 2-го, Крючковского, Нежинский и др. Эти отряды 22 марта терпят около Белоцерковки поражение. Одновременно отряд Карнаухова от Кременчуга отступил к Кобелякам. Ряд частных поражений создает прямую угрозу Полтаве, но на выручку прибывает колонна Петрова (1.500 чел. при 6 легких орудиях). Эта колонна выдвигается в район Решетиловки. План обороны Полтавы был своевременно выработан штабом Антонова и заключался в создании ряда опорных пунктов и в использовании некоторых речных рубежей. Тыловые штабы ровно ничего не делали, занимались фантастическими проектами. Так, например, в самой Полтаве штаб некоего авантюриста Бокитько собирался отразить наступление немцев при помощи ядовитых газов. Впоследствии, выяснилась вся предательская деятельность этого Бокитько.

Петров под Решетиловкой и Абазовкой ведет бои с переменным, но в конечном счете неудачным результатом. Немцы все же учитывают это сопротивление и решаются форсировать реку Ворсклу, севернее Полтавы. Их передовые части появляются у деревни Опочни и одновременно по их указаниям гайдамаки поднимают восстание в тылу Полтавы в районе деревни Войновка. Форсирование немцами реки Ворсклы у Опочни, и одновременный удар на Рябково заставляет 4-ю армию 29 марта очистить Полтаву и отойти к Валкам и Константинограду. В момент отступления наших частей из Полтавы, части Бокитько поднимают восстание и обстреливают отступавших. Точно такие же контр-революционные выступления были в ряде городов, как-то, Сумы, Константиноград и др., но всюду они были подавлены. Хуже обстояло дело в этом отношении в г. Кременчуге. Здесь выступление контр-революционеров было также подавлено, но красногвардейцы были настолько этим выступлением морально потрясены, что по какому-то ничтожному поводу загорелась невообразимая паника, и наши части оставили Кременчуг. Немцы беспрепятственно занимают город, при чем мост через реку Днепр нами не был даже взорван. Вместо Саблина в командование вступает вызванный из тыла Киквидзе.

Части Петрова отступили к Харькову, откуда им было приказано связаться с правым флангом 3-й армии тов. Лазарева. Оставшиеся на фронте части должны были занять фронт Лебедин-Ахтырка, т.-е. прикрыть Харьков с запада и северо-запада. Из Харькова им на помощь перебрасываются отряды местной Красной гвардии. Киквидзе, однако, уже не может занять указанного ему фронта, так как немцы успели к этому времени занять Ахтырку и Кириковку. Киквидзе разворачивается у Богодухова и переходит в наступление в северо-западном направлении вдоль жел. дороги. Активных сил у него не более 500 чел. пехоты, 100 всадников и 6 орудий. Передо-

вые части немцев насчитывали примерно такое же количество пехоты, но превосходили в части конницы и тяжелой артиллерии. Разгорелся ожесточенный кровавый бой. Противник подтянул подкрепление, обошел правый фланг Киквидзе и захватил ж.-д. станцию Пересечное. Тем самым немцы не только отрезали жел. дор. Харьков—Суджа—Коренево, но и фактически стали между частями Киквидзе и городом Харьковым. Положение Киквидзе становится тем более тяжелым, что как было уже выше сказано, отряд Потапова из соседней армии Сиверса бросил фронт и оголил тем самым фланг 4-й армии. Тяжелое положение Киквидзе было учтено и ему из Харькова был брошен на выручку один батальон левых эс-эров с 2 мя 42 лин. орудиями. В этом же районе был также отряд тов. Примакова, который об'единил командование на боевом участке в районе ст. Пересечное.

Использовав то, что Киквидзе повернул свой фронт на север и там ввязался в упорные бои, противник одной из своих колонн прямым движением от Полтавы на Харьков стремился разорвать стык между отрядами Киквидзе и Петрова. Петрову в районе Люботина—Валки удалось эти обходящие колонны остановить и после упорного боя он даже заставил часть германских передовых отрядов отступить. Но все же положение на этом участке оставалось катастрофичным, так как дальнейшее беспрепятственное движение немцев от ст. Пересечное на ст. Основу отрезало от Харькова все наши силы. Пришлось им затем штыками пробивать себе дорогу на Харьков. В этих упорных боях Петров контужен, Киквидзе снова ранен. 6 апреля в командование вступает т. Чудновский, который будучи ранен, не желая сдаваться в плен немцам, кончает самоубийством на поле сражения. Очень не хотелось нашим частям Харьков отдавать; это была красная столица Украины. Вокруг Харькова в течение нескольких дней кипели горячие бои. Командиры пытались вывести свои части из эшелонов и заставляли их маневрировать, но все их усилия кончались неуспехом, ибо части к полевой войне не были способны.

В то время, когда на правом фланге части истекали кровью в неравной борьбе, у станции Мерефа должен был, с целью выручить выбивающиеся из сил части, перейти в наступление Павлоградский отряд в 1.000 штыков при 100 пулеметах и 2 орудиях. Командовал ими тов. Девицкий. Отряд, несмотря на все личные качества своего начальника, не принимая боя, бросает фронт, удирает в эшелонах через ст. Лозовую и только вносит панику в ряды соседней южной армии. Небольшой отряд в 100 человек (большею частью партийные товарищи) временно здесь сдерживал натиск противника. Подобные этому инциденты были не только у станции Мерефа. Мы его привели только для того, чтобы дать понятие об общем характере боевых действий этого этапа гражданской войны. Наряду

с отдельными героическими попытками сплошь и рядом наблюдались самые безотрадные картины. Не было среднего боевого напряжения, столь характерного для армии, прошедшей регулярное обучение и управляемой иерархически построенным аппаратом Здесь была толпа и вожак. В определенные моменты вожак увлекал за собой толпу, и она творила чудеса. Иногда толпа брала верх над вожаком, и последний терял в этой толпе всякое значение.

Вечером 6 апреля предпринимаются последние разрозненные попытки отстоять Харьков. Из города выбрасываются на окрестные возвышенности 2 батареи и несколько мелких отрядов. Ночью одна из этих батарей самовольно снимается. На другой день немцы входят в Харьков.

Причину падения Полтавы и Харькова следует искать в том коротком сроке, который имело в своем распоряжении для подготовки сил высшее командование красных, в том быстром темпе, с которым немцы вели свое наступление и, наконец, в той общей политической и военной обстановке, о которой мы уже говорили раньше.

Иной характер носили действия на южном участке украинского фронта. Как мы уже излагали выше, армии Муравьева, пассивно стоявшие на берегу Днестра и ожидавшие заключения мира с Румынией, начали откатываться только в начале марта 1918 г. В направлении на Елисаветград отступали части 1-й и отчасти 3-й армий. От Слободки до Знаменки эти отступавшие колонны имели частичные бои с переменным успехом, но с обычным конечным результатом – эшелоны откатывались на восток. В Одессе, в связи с наступлением немцев и с занятием ими Киева, создалось паническое настроение, заразившее даже пролетарские слои. Муравьев 8 марта покидает Одессу. 13 марта Одесса в руках немцев. К 15 марта отступающие части 1-й и 3-й армий, отбиваясь от гайдамаков и немцев, были уже в районе Елисаветграда и Кременчуга. К ним по дороге присоединялись местные советские деятели. Главные силы 3-й армии отступали несколькими путями. Часть сил на пароходах отправилась в Крым, часть походным порядком отошла на гор. Николаев. Гор. Николаев занимается без сопротивления немцами, через несколько дней в нем вспыхивает восстание местных рабочих при помощи нескольких отрядов 3-й армии. Восстание вначале развивается успешно, но при помощи подтянутых подкреплений жестоко подавляется немцами и австрийцами.

Командование южными армиями заменяется Егоровым. Муравьев окончательно устраняется от командования, временно назначается нач. штаба Антонова, бросает штаб через пару дней и затем, в связи с пред'явленными ему обвинениями, в г. Москве был арестован. Положение нового командующего чрезвычайно тяжелое: помимо немцев и гайдамаков на него наседает Дроздовская бригада, сформированная сплошь из офи-

церов и пробивающаяся на Дон. Кроме того, некоторые отряды, находясь под влиянием анархистов, не желают ему подчиняться и частично подымают восстание против Советской власти. В этом же районе с оружием в руках пробиваются на родину части румынского и юго-западного фронтов. Всюду орудовали какие-то местные партизанские отряды, неизвестно кому подчинявшиеся, и неизвестно с кем и за что дравшиеся. Вот при каких условиях высшее командование в лице тов. Антонова-Овсеенко принимает южное направление.

Необходимо было, однако, и здесь также организовать сопротивление. Первым делом приказывается частям, ушедшим с тов. Лазаревым в Крым, перейти совместно с отрядами черноморских моряков в район Лозовой—Константиноград, связаться с 4-й армией и принять на себя Лозово-Полтавское направление. Затем предстояло установить, что сохранилось более или менее боеспособное из отступавших частей Муравьева. Были взяты на учет в районе ст. Знаменка группа т. Коляденко, в составе, примерно 600 шт., 100 сабель, 30 пулеметов, 6 легких орудий. В районе ст. Адабаш находилась группа т. Крещапова, в составе 1.000 шт., 150 сабель, 30 пулеметов, 15 орудий. На ст. Помощная была группа Полупанова, в составе 1 бронепоезда, нескольких сот шт. и нескольких десятков кавалеристов. На ст. Людмиловка бронированный поезд Кирсанова и 1 рота Венедиктова. В районе Вознесенска как будто бы был отряд Котовского. Максимум всех этих сил было до 3.000 шт., 300 сабель, 100 пулеметов, 25 орудий. В организационном отношении полнейший хаос и неразбериха. Каждый действовал на свой страх и риск. Высшее командование первоначально предполагает об'единить эти силы в руках Коляденко и с ними наступать вдоль правого берега Днепра в северо-западном направлении с целью ударом во фланг остановить наступление немцев. Ничего из этого, понятно, не вышло.

В связи с общей обстановкой создается благоприятное положение для развития партизанских действий. Отряд тов. Петренко зашел в тыл беспечно наступавших немцев и вырезал около ст. Знаменки пару тысяч немцев. В силу разрозненности операций партизанские действия в общем существенного влияния в этот период не оказали.

Высшее командование пытается подпереть южное направление из тыла. В районе Екатеринослава организуется специальный штаб обороны во главе с т. Гузарским. Вызываются из Криворожского и Мариупольского районов отряды шахтеров. Быстрое продвижение особой группы немцев (15-я, 7-я, пех. и 4-я кавалерийская дивизии, при поддержке 5-й, 59-й и 11 й австрийских дивизий) не позволяет, однако, организовать должное сопротивление немцам. Все же т. Егорову удается сколотить из местных сил и отступивших частей Муравьева три армии, из которых самой сильной была 3-я армия тов. Лазарева.

Сказывается разнобой в управлении, отсутствие спайки в отрядах и Екатеринослав также переходит в руки немцев. Первая армия отходит в район Славгорода, вторая в район Чаплино, 3-я армия, подчиненная непосредственно штабу Антонова, оставалась в районе Барвенкова. Беспрерывное отступление в корне расшатывает боеспособность этих армий, из которых все же наиболее боеспособной была 3-я армия, имевшая ядром Тираспольский отряд. Рабочие и крестьяне Екатеринославской губ. были готовы поддержать красногвардейские отряды, но на местах не было крепкого советского аппарата, который смог бы их сколотить и вооружить. Советские силы на юге России были разрознены, занимались высокой политикой по части организации самостоятельных советских республик и не обладали тем боевым и организационным опытом, который постепенно накоплялся у товарищей, работавших на фронте против Керенского, Каледина, Дутова, Довбор-Мусницкого и Украинской Рады.

С падением Полтавы, Харькова и Екатеринослава можно считать второй этап немецкого наступления законченным. Немцам была открыта дорога в Донецкий бассейн. В немецких источниках мы читаем, что захват Донецкого бассейна был им крайне важен, так как до сего времени им приходилось питать наши южные жел. дор. своим германским углем, что очень тяжело отражалось на хозяйственном положении и так истощенной Германии. Отсюда приказ высшего германского командования «оккупацию продолжать дальше, занять Донецкий бассейн и, что самое главное, обязательно захватить Крым и Черноморский флот».

С этими боевыми операциями будет связан уже 3-й этап наступления немцев.

Еще 20 марта высшее командование, учитывая возможность перенесения военных действий в Донбасс, поручает тов. Геккеру (бывш. командарму 8) разработать план обороны Донбасса. Согласно такового возможный театр военных действий делится на 5 участков и был обращен фронтом на северо-запад. Укрепления предполагались в виде нескольких линий опорных пунктов. Так как фактически ничего сделано не было и так как формирование красногвардейских отрядов в Донецком бассейне протекало мало успешно, то из подготовительной работы ничего утешительного не вышло. Прямой враг повседневной жизни Каледин был разбит. В пришествие немцев как-то не верилось, ибо линия фронта все же находилась где-то в нескольких стах верст. Когда пал Харьков и необходимо было, хотя бы на время, сменить отступающие войска, то был отдан приказ выдвинуть из Донбасса какие-нибудь свежие силы. Фактически вышел на фронт только один отряд в 250 человек. Все остальное где-то яко бы организовывалось и формировалось. Падение Харькова сильно отразилось на настроении Донецких рабочих.

Особенно плохо было то, что отступавшие тылы украинских армии заражали паникой трудящиеся слои.

Штаб высшего командования переходит в Никитовку. Начинается упорная борьба за Донецкий бассейн путем выбрасывания отдельных отрядов навстречу наступающим немцам. Благодаря тому, что Советская Республика была вынуждена подписать Брестский договор, по которому она не должна была вмешиваться в украинские дела, приток отрядов из Центра на Украину прекратился. Пришлось базироваться исключительно на местные силы.

На крайнем севере Украины, отряд тов. Сиверса, так называемая 5-я армия, 7 апреля 1918 г. покинула станцию Дергачи и походным порядком отошла на Волчанск и далее к северу на Новый Оскол. Остатки отрядов Киквидзе и Петрова отошли в тыл и из них впоследствии была сформирована знаменитая дивизия Киквидзе. В силу этого направление Чугуев—Купянск никем не прикрывалось и всякие попытки высшего командования красных заставить Сиверса снизиться на юг ни к чему не приводили. В сущности говоря, последние оперативные распоряжения штаба Антонова-Овсеенко сводились к тому, чтобы как нибудь заткнуть образовавшуюся брешь в районе Купянска.

Красногвардейские отряды настолько панически отступали, что Купянск в течение 2 х дней никем не был занят и 224-я германская дивизия вошла в этот город без боя. Впоследствии части Сиверса были переименованы во 2-ю особую армию и по своей инертности никакого участия в дальнейшей борьбе за Донбасс не принимали. Эти части ограничивались лишь тем, что наблюдали в сторону противника, а затем вошли в состав южной завесы. Лишь 1 мая 1918 года после того, как 2-ая особая армия Сиверса получила кое-какие подкрепления и когда она сама себя привела в кой-какой порядок, у высшего командования возникла идея ударить этой армией в южном направлении и налетом захватить Харьков, где немцы в своем быстром продвижении оставили лишь незначительные силы в качестве постоянного гарнизона. Заключение мира с немцами и установление точной демаркационной линии не позволили провести в жизнь этот весьма интересный оперативный план. Но в конечном результате в непосредственной обороне Донецкого бассейна эти части никакого участия не принимали. Единственная их заслуга это то, что они приковали к себе пару немецких ландверных дивизий.

Наиболее кровавые бои разыгрались в направлении Харьков—Луганск. Разбитые под Харьковом части бросились отступать на Змиев. Здесь они были окружены немцами и им пришлось пробиваться с боем. В результате горячей штыковой схватки немцы потеряли 2 орудия, понесли большие потери и были вынуждены раскрыть кольцо окружения. Всей этой отступавшей группой командовал тов. Ворошилов. Несмотря на успешный

результат, бой этот настолько расстроил войска, что они откатились непосредственно к Луганску. Если мы вспомним, что отряды Девицкого после позорного поведения у Мерефы откатились на юг в распоряжение 3-й армии, что отряды Петрова, доблестно сражавшиеся у Люботина, настолько морально разложились, что их удалось собрать только около Воронежа, то будет вполне ясно, что прямое направление от Харькова на Изюм и Луганск никем не прикрывалось,—настолько войска были потрясены боями впереди Харькова. В такие тяжелые моменты положение могут спасти только части высокого личного состава. Такой отряд из партийных товарищей под командой тов. Вадима, в 200 человек, несколько дней задерживал наступление передовых частей немцев, пока к нему на поддержку не была выдвинута так называемая Донецкая армия тов. Баранова. Этой новой армии первоначально ставится задача повести наступление на Изюм и далее на Купянск, при чем предполагалось, что с севера Сиверс будет наступать в южном направлении. Этой операции—взять в клещи 224-ю германскую дивизию—придавалось серьезное значение и в связи с ней предполагалось, что 3-я армия тов. Лазарева поможет Донецкой армии. Однако с первых же дней действия Донецкой армии были крайне неудачны. Она оставляет Святогорск и начинает оттягиваться к северному Донцу. Основными причинами было то, что в ней хотя и было до 2.000 местных красногвардейцев, но они были совершенно не обучены и не смогли оторваться от своих эшелонов. Основное ядро этой армии так называемый Знаменский отряд взбунтовался и сам «командарм» едва избег самосуда. Кончилось все это тем, что Донецкая армия оголила фланги своих соседей и откатилась в расположение отряда тов. Ворошилова. Последний в районе Луганска собирал все разрозненные отряды и при помощи местных формирований организовывал 5-ю армию. Благодаря отступлению Донецкой армии 24 апреля 1918 г. немцы заняли Бахмут и одновременно продолжали свободно распространяться на восток в прорыве между Ворошиловым и Сиверсом, т.-е. в направлении Купянск—Старобельск.

Намечается новая попытка со стороны высшего командования спасти положение, а именно, вновь сорганизовавшаяся армия Ворошилова должна перейти в наступление в северо-западном направлении и, во что бы то ни стало, перехватить шоссе Харьков—Старобельск. В качестве авангарда на этом участке временно действовал отряд тов. Годлевского. Нужно было занять деревню Сватово на шоссе. Для этого выбрасываются: отряд левых эс-эров в 300 человек и 100 сабель, бронеплощадки, отдельные отряды Кареева, Киселева-Белгрудова. В разыгравшемся бою под Сватово обе стороны понесли большие потери. Лево-эсеровский отряд от боя уклонился. Несмотря на то, что части понесли большие потери, все же удалось подбить неприятельский броневик и отбить его кавалерийские атаки.

В последующем развитии этого же боя харьковские красногвардейские формирования бросили фронт и убежали. С большим трудом удалось увести артиллерию; Сватово переходит в руки немцев Таким образом важнейший узловой пункт железных и шоссейных дорог перешел в руки противника. К этому бою Ворошиловские силы не подоспели; его головные части доходят только до станции Кабанье. Силы Ворошилова до 2.000 человек, из коих по его донесению 1.500 мало боеспособных. У него также было очень мало артиллерии и очень плохо было налажено снабжение; понятно, что при таких условиях особенно большой активности от него нельзя было и ожидать.

Немцы, все время продвигавшиеся вдоль шоссе от Сватово на Старобельск, беспрепятственно обтекали наш правый фланг и грозили сердцу Донецкого бассейна—Луганску. Так как 19-го апреля Ворошиловскую группу не удалось продвинуть к северу, то уже непосредственно из Луганска к Старобельску выдвигается знакомый уже нам по Румынскому фронту Тираспольский отряд. Одновременно принимаются самые решительные меры, чтобы как нибудь помочь Тираспольскому отряду задержать немцев и не дать им выйти в район Чертково, т.-е. не дать перерезать железнодорожную магистраль Воронеж—Ростов. Все, что можно было собрать в этом районе, было двинуто навстречу немцам. Из района Чертково прямо в лоб наступающим немцам были выдвинуты местные отряды под командованием тов. Назарова. Тираспольский отряд встречает сильное сопротивление пехотной и кавалерийской дивизий немцев. 24-го апреля в районе деревень Евсук и Нижняя Айдар, Тираспольцы отбрасываются в пределы Донской области. Затем, там в районе станицы Мигулинской, восставшие казаки их предательски уничтожают. Чертковская группа тов. Назарова не дошла до Старобельска и после короткого боя у деревни Евсук отходит в Чертково. Таким образом, вся операция срывается и противник все же выходит в район станции Чертково.

Мелкие стычки с противником проходят чрезвычайно беспорядочно. Приходилось во время отступательного марша сводить мелкие отряды в более крупные. Одновременно происходил естественный отбор лучших бойцов, ибо все неустойчивое и примазавшееся разбегалось во все стороны. Боевая обстановка осложнилась еще тем, что отряды из плодородной Украины вступили в голодный Донбасс. Почувствовался недостаток продовольствия. Отсюда естественно, что командиры отрядов стремились скорей пройти неблагоприятный в продовольственном отношении и к тому же сильно пересеченный район и выйти в более богатые продовольствием местности.

Было очень трудно оторвать бойцов от эшелонов, так как вместе с боевыми эшелонами тянулись эшелоны с их семьями и домашним имуществом. Так как местные советские работники и лучшие представители рабочего класса знали, что вместе

с немцами идут гайдамаки и казаки, и что рабочий класс будет подвергнут жесточайшим репрессиям, то начался великий исход пролетариата Донецкого бассейна к берегам Волги. Там, впоследствии они послужили основанием лучших красноармейских частей и составили основное ядро обороны Царицына.

Все это вместе взятое придавало чрезвычайно своеобразный характер всем далее развивавшимся событиям, но в данный момент, боевых действий по обороне Донбасса, все эти эшелоны с семьями рабочих и советскими деятелями только отягощали оперативную обстановку военных действий.

Совсем печально обстояло дело с отходом наших отрядов на юге. Здесь отступали остатки Муравьевских армий. К ним присоединились местные отряды Криворожского и Донецкого бассейнов. Когда был оставлен Екатеринослав, то все эти три армии отошли в следующих направлениях: 3-я армия, наиболее сильная, расположилась в районе станции Барвенково, 2-я армия в районе Чаплино, 1-я армия вытянулась по линии Никополь—Александровск.

Первоначально все эти отряды не были сильно тревожимы противником и они успели окопаться. У высшего командования возникло в силу этого решение использовать создавшуюся благоприятную обстановку. Дело в том, что немцы в своем стремительном наступлении от Харькова на Бахмут подставляли свой правый фланг под удары нашей 3-й армии. 12-го апреля решено было атакой в направлении на Павлоград и Синельниково остановить движение немцев на восток. Что же собой представляли все эти армии к этому моменту? 3-я армия Лазарева окопалась вдоль реки Орел. Ей удалось привлечь местное крестьянское население на свою сторону. Южнее 3-й армии, 2-я армия 7 апреля у Синельникова имела упорный бой с немцами и, отскочив за Авдеевку, открыла Донецкий бассейн с юга, так как она оставила прямое железнодорожное направление Екатеринослав—Таганрог никем не прикрытым. Для спасения положения из Таганрога и Юзовки выдвинуты были шахтерские отряды, которые под командой Бондаренко заняли в районе станции Гришино фронт и позволили тем самым основному ядру 2-й армии привести себя в порядок. Южнее 2-й армии располагалась 1-я армия, которая 11 апреля оставила Никополь. Продвижение немецких и белогвардейских отрядов вдоль побережья Черного и Азовского морей все время беспокоило высшее командование.

Итак, 1-я и 2-я армии, едва оправившиеся после Екатеринославских боев и слегка пополненные отрядами из тыла, должны были двинуться в северо-западном направлении, дабы помочь наступлению 3-й армии с целью остановить движение немцев в Бахмутском направлении. Все бойцы понимали важность постановленной им задачи и были готовы к упорному бою. Им пришлось бороться с первым германским резервным

корпусом в районе Лозовой и с южной группой немецких дивизий в районе Александровска. Первоначально наступление разыгрывается для нас успешно. В этот момент донецкая армия Баранова сдает Изюм и немцы выходят во фланг 3-й армии. Но затем наш правый фланг, теснимый немцами, стал отступать. 224-й германский полк и 2 кавалерийских эскадрона зашли в тыл 3-й армии. Батальон имени тов. Ленина под командой Андреева по пояс в воде сдерживал наступление противника; батальон погиб, но не дал окружить армию. 3-я армия в этих 4-хдневных боях потеряла 50%; не выдержав таких потерь, она оставляет район Барвенково и, совершенно деморализованная, отдает противнику Славянск-Крамоторское—Константиновку, к 20-му апреля сбилась в районе Никитовка—Дебальцево и с оружием в руках потребовала отправления в тыл на переформирование.

Также, примерно, обстояло дело и в районе Александровска. В то время, когда все силы красногвардейцев были прикованы боями в районе Лозовая—Синельниково, немцы при помощи местных белогвардейцев-колонистов переправились через Днепр у Александровска, чуть было не захватили в плен штаб 1-й армии и стали угрожать тылу дерущихся у Синельникова красногвардейских отрядов. Тогда красногвардейские отряды поворачиваются фронтом на Александровск, снова его занимают, уничтожают переправившуюся группу немцев, но под влиянием больших потерь отступают в Чаплино и в Крым.

Вторая армия точно также 20 апреля 1918 года доносит, что вследствии отхода своих соседей, она отступает на Гришино и Юзово без боя. 1-я армия через пару дней доносит, что ее преследуют австро-германцы и что она вынуждена оставить район узловых железнодорожных станций Пологи и Волновахово. Таким образом, Донбасс с юга и с запада был совершенно открыт для беспрепятственного движения немцев. Все, что можно было им противопоставить, уже было разбито в боях и совершенно деморализовалось. Тыл ничего не давал им на смену.

В то время как в боях под Екатеринославом и Павлоградом красногвардейские отряды всех 3-х южных армий истекали кровью, южнее у г. Берислава разыгрывалось событие, достойное быть отмеченным в истории гражданской войны и характерное для понимания последующей ориентации генерала Краснова на немцев. Дело в том, что белогвардейский офицерский отряд Дроздовского, сформированный на Румынском фронте с благословения генерала Щербачева, пробивался на Дон к Каледину. Параллельно с ними, не трогая его, наступали оккупационные войска австро-германцев. Переправу у Каховки через Днепр защищал небольшой красногвардейский отряд. Австрийцы любезно представляют дроздовцам атаку этого красногвардейского отряда, а затем, когда они выполнили эту обязанность,

то на их плечах через Днепр переходят оккупационные войска Таким образом устанавливаем, что одна из лучших составных частей Добровольческой армии являлась в те дни авангардной частью немецкого империализма. Эти же самые дроздовцы затем также услужливо занимают Мелитополь, где отлично дрался в пять раз более слабый отряд тов. Полупанова. Под Таганрогом дроздовцы точно также разыгрывают бои с местными отрядами, в том числе с сформированным в Таганроге полком тов. Каска. После двухдневных боев полк разбит и сам Каска убит. Постепенно все побережье Черного и Азовского моря в руках оккупантов, при чем значительную роль играла белогвардейская бригада полковника Дроздова.

Ни о какой дальнейшей защите Донецкого бассейна не могло быть больше и речи; он был охвачен с севера Старобельской группой немцев, с юга частями, оккупировавшими побережье. Перед высшим командованием красных стоит одна задача: вывести из окружения все остатки живой силы и наметить своим пяти армиям пути отступления.

Украина и Донбасс потеряны; на очереди Донская область. Советское правительство Донской области пытается остановить движение немцев путем дипломатических переговоров, указывая на свою самостоятельность и независимость от Украинской Советской республики.

Был даже опубликован приказ о разоружении наших отрядов. Частично к этому и приступали. Многие отряды не позволяли себя разоружать. На этой почве возникали конфликты и всякая планомерная оборона рушилась.

Понятно, что немцы не посчитались с этими юридическими тонкостями и в своем стремлении к кавказской нефти продолжали наступление на Ростов.

Однако, перед отступавшими эшелонами красногвардейцев возник новый враг, гораздо более серьезный в данной обстановке, чем преследовавшие немцы. Под влиянием слухов о неудачах большевиков поднимается кулацкое казачество. Вспомним, что разбитые калединские части отошли частично на Екатеринодар (под командой генерала Корнилова), частью в Сальские степи. Вот последний то отряд выслал от себя агитаторов, организаторов, которые во всех казачьих станицах создали повстанческие комитеты. Первого апреля 1918 г. восставшие казаки захватили было Новочеркасск, но затем 4 апреля он был обратно занят местными красногвардейскими частями. Усилиями атамана генерала Полякова Донская повстанческая армия к 10 апреля доходит до 5.000 пехоты, 1.000 сабель, 6 орудий и 30 пулеметов. 23 апреля восставшие Донские казаки снова захватывают город Новочеркасск. 21 апреля подошедший Дроздовский отряд в пасхальную ночь атакует Ростов и легко его берет. На другой день красногвардейцы отбили обратно Ростов и Дроздовцам уже приходится пригласить нем-

цев для того, чтобы окончательно с их помощью занять Ростов.

Но, помимо этих сравнительно организованных повстанческих сил, почти во всех станицах Донской области подымается стихийное восстание. Уже 21 апреля все отступающие эшелоны красногвардейцев начинают подвергаться обстрелу из каждой станицы, из каждого угла. Красногвардейцам пришлось повернуть свой фронт на восток и ввязаться в упорные бои не столько с немцами, сколько с казаками. Особенно сильное восстание было в районе Мигулинской. Здесь, как мы уже указали, отступивший после неудачных боев в районе Старобельска Тираспольский отряд подвергся изменническому нападению, и командующий отрядом тов. Венедиктов и его штаб были зарублены. От Лихой до Царицына вспыхнуло сплошное восстание. В огне этих восстаний произошла окончательная боевая закалка наших частей.

Еще раз напомним порядок отхода красногвардейских отрядов: войска Сиверса вошли в состав южной завесы, где послужили ядром формирования известной пехотной бригады Сиверса. 3-я армия отошла на Воронежское направление и вместе с спасшимися остатками Тираспольского отряда и Назаровских частей вошла в состав Воронежской завесы, в качестве так называемой Евстратовской группы. Сюда отошло около 2.000 штыков, 500 сабель и 20 орудий.

Обшая директива для всех остальных сил была «отходить в район Миллерово-Лихая» и далее на север в Россию. Сюда же вытягивались отряды 5-ой армии тов. Ворошилова.

В районе станции Каменская отступавшие отряды т. Ворошилова вошли в соприкосновение с отрядами тов. Щаденко. В этом районе тов. Щаденко формировал части Советской Донской армии. Местная Донская армия формировалась теми работниками, которые в свое время создали в Каменской Ревком, помогли свергнуть власть Каледина и которые остались в качестве местной власти после того, как колонны Сиверса и Саблина отошли на север. На крайнем севере Донской области формирование проходило под руководством тов. Миронова. Он сформировал до 7.000 бойцов, которые, однако, были скованы местными восстаниями казаков, и которые в рассматриваемых боевых действиях участия не принимали. В центре Донской области в районе станции Каменской и Александровска Грушевска вел формирование Каменской Революционный штаб во главе с тов. Щаденко. Тов. Щаденко сформировал из крестьян добровольцев Донецкого округа Титовский Советский крестьянский полк. Затем он сформировал первый донецкий революционный полк, в составе 2.800 штыков, 4 орудий, 16-ти пулеметов и 180 ти сабель. Во второй половине марта 1918 года в станице Нижняя-Чирская вспыхнуло контр-революционное восстание, которое стало быстро распространяться и на другие ста-

ницы и хутора того же округа. Тов. Щаденко все это восстание ликвидировал. Вслед за этим было ликвидировано восстание в районе станицы Гондуровской. Однако, 9-го апреля 1918 года казаки вызывают на помощь немецкие части и отбрасывают отряды тов. Щаденко. Когда тов. Щаденко соединился с отрядами тов. Ворошилова, он перешел в наступление и снова занял станицу Гондуровскую. Однако немцы подтягивают подкрепления и выбрасывают красногвардейские отряды. Ворошилов со своими отрядами, насчитывавшими от 12 до 15.000 бойцов, тянулся в сторону Царицына и, когда южная группа немцев захватила Зверево—Александровск-Грушевск—Сулин (здесь было вырезано до 3.000 шахтеров) и тем самым угрожала Ворошилову отрезать пути отступления к Царицыну, то он оставляет Каменскую и в 65 эшелонах стремится прорваться к Царицыну. Щаденко отходит походным порядком, пополняется огнеприпасами из эшелонов Ворошилова и в течение месяца занимается вооружением крестьян Скасырской и др. волостей Обстановка, в которой пришлось отступать эшелонам Ворошилова, не поддается описанию. Одна за другой восставали станицы и обрушивались на наши истомленные части, взрывали не только ж.-д. мосты, но и полотно железной дороги. Нужны были нечеловеческие усилия, чтобы преодолеть клокотавшую стихию восставшего казацкого кулачества. Нужно было иметь глубокую веру в торжество своего дела, чтобы в такой обстановке не только героически сопротивляться и переносить тяжелые лишения, но и для того, чтобы найти силы для организационно-творческой работы. В эти моменты полного окружения выковывалась боевая спайка, все больше закалялась воля к победе. У станции Чир восставшие казаки, под командой Мамонтова, окружают эшелоны Ворошилова и взрывают мост через реку Дон. Оставалось либо сдаться казакам, либо бросить эшелоны и отступать на Царицын походным порядком, либо починить мост и тем временем обороняться. Было принято последнее решение. Эшелоны были окружены кольцом окопов. Части под руководством тов. Рухимовича строили мост через реку Дон. Пока Ворошилов строил мост через реку Дон, Щаденко вел упорные бои у станицы Морозовская. Здесь он переорганизовал свои крестьянские части и создал кадры Донецко-Морозовской дивизии. Впоследствии эта дивизия вошла в состав 10-й армии, в качестве 38-й стрелковой пехотной дивизии. У станции Обливская казачьи части генерала Фецхелаури атакуют Щаденко, но неудачно. Тогда они снова призывают немецкие части на помощь и под давлением последних Щаденко отходит на соединение с отрядами Ворошилова и вместе с ним в Царицыне закладывает основы 10-й Красной армии.

Весьма неблагополучно было в районе Ростова. Здесь еще с первых дней советской власти никак не ладилось с организацией аппарата местной власти. В самом Ростове с большим

трудом подавлено восстание некоторых казачьих частей. Окончательно же район деморализуется с появлением многочисленных тылов отступавших с Украины частей. Все нездоровое, все анархически настроенное, бросало фронт против немцев, устремлялось в тыл и здесь своими безобразиями в корне дискредитировало советскую власть, давая богатую пищу для агитации контр-революции. Местным властям не столько приходилось строить свою вооруженную силу, сколько вести отчаянную борьбу с этими деклассированными элементами.

По одному белогвардейскому литературному источнику в 20-ых числах апреля 1918 г. через Ростов в направлении на Тихорецкая-Царицын прошло свыше 100 эшелонов; это были, главным образом, отряды первой и второй армии. Они, под командой тов. Харченко, пробивались на восток, будучи также многократно атакованы восставшими казаками. Частично им удалось пробиться в Царицын, частично они слились с войсками северо-кавказского фронта.

Интересно отметить два момента: первый из них это тот, что казаки, в лице своих контр-революционных вождей, подобно румынским генералам, польским лигионерам, украинской раде, все время вопили о том, что они непримиримые враги немцев, а фактически при первой возможности обращаются к немцам за помощью, и за эту помощь готовы отдать все и вся. Мы видим, что до тех пор, пока немцы не пришли в Донскую область, все местные восстания нами легко ликвидировались и рано или поздно, но местная власть Советов окрепла бы. И только под прикрытием немецких штыков смогло развиться формирование казачьей армии генерала Краснова, который в середине мая 1918 г. был избран Донским атаманом. Шло не только формирование казачьей Донской армии, но фактически снабжалась немецкими деньгами и оружием и так называемая добровольческая армия генералов Алексеева и Деникина. В этом факте еще раз раскрывается действительное лицо русской контр-революции и вся ее низменная психология. В союзе, хотя бы с самим чертом,—только бы свергнуть большевиков.

Другой момент связан с тем, почему немцы при оккупации юга России не довели до конца своих первоначальных задач—захватить Кавказ и воссоединиться с Турцией. Немцы в этом отношении определенно просчитались. Для того, чтобы оккупировать такой громадный район, у них не хватило просто-напросто людей. Кроме того, на арену весной 1918 г. выступил новый мощный фактор. До сих пор не участвовавшее в гражданской войне украинское крестьянство, под влиянием беспощадной реквизиции ,частично подымает восстание. Немцы чувствуют свое шаткое положение на Украине, они должны держать в каждом городе крупные гарнизоны и это в конце концов привело к тому, что наступательный порыв немцев ослабел. Вот откуда их предупредительная политика по отношению к генералам Краснову и Деникину.

4 мая главнокомандующий Украинским фронтом т. Антонов-Овсеенко отдает приказ о сложении командования и о том, чтобы его отряды отошли на территорию РСФСР. Одновременно тов. Троцкий приказывает эти отряды разоружить и личный их состав влить в организуемые завесы уже на совершенно новых началах. Отходом войск в район завес, где они подверглись коренной чистке и реорганизации, заканчивается первый этап гражданской войны.

Причины поражения Советских Красногвардейских отрядов на Украине и Дону коренятся в огромном количественном и качественном превосходстве немецких оккупационных войск. Против шестисот тысяч немцев мы едва могли выставить несколько десятков тысяч бойцов, плохо обученных и недостаточно организованных. Но вместе с тем это рисует революционную доблесть наших отрядов, не убоявшихся, при таком неблагоприятном соотношении сил, в течение трех месяцев оказывать сопротивление немцам и даже кое-где наносить им поражение.

Почему же наши силы на Украине были так ничтожны? Ответ может быть только один: Советские кадры на Украине были очень слабы. Пролетариат крупных Украинских центров истощил себя в первых схватках с Керенщиной, Украинскими националистами и Калединщиной. Он настолько ослабел, что не смог выделить из себя крепкого организационного ядра для успешного Советского строительства. В такой короткий срок между победой над Калединым и Радой и немецким наступлением (всего не больше 3—4 недель) трудно было ожидать достаточно благоприятных результатов. С переходом же немцев в наступление и с открытием военных действий ни о какой планомерной работе не могло быть и речи. Приходилось все силы, какого бы они качества ни были, бросать на фронт. Крестьянство Украины молчало. Крестьянская война (единственное, что могло бы спасти положение) вспыхнула гораздо позже, и красногвардейские отряды в своих героических попытках остановить продвижение немцев были одиноки.

В силу внезапности перехода немцев в наступление и в силу короткого срока существования Советской власти на Украине, организация сопротивления приняла несовершенные формы. Мы видим, как высшее командование, в лице тов. Антонова-Овсеенко, получает Украинский фронт совершенно разложенным и без всяких реальных возможностей к его исправлению. Отряды были разноколичественны, разнокачественны, различных побуждений к борьбе, различных источников возникновения и это уже одно исключало возможность быстрой их спайки.

Крах старой армии и ее демобилизация совпали с наступлением немцев. Этот крах оставил красное командование

без опытных кадров. Наоборот, белогвардейцы имели отличные кадры и не смогли только привлечь на свою сторону массовый человеческий материал. И, в сущности говоря, вся борьба в этот первый период гражданской войны для красных это есть выковывание крепких боевых кадров, а для белой стороны это— искание извне вооруженной опоры для создания такого государственного аппарата, при котором можно было бы силой мобилизовать крестьянское население в армию.

Великое испытание германского штыка отделило от красногвардейских отрядов все попутные элементы. Оно оформило революционные кадры, послужившие затем основанием для формирования красногвардейских дивизий. В кровавой борьбе Красной гвардии отчетливо намечалась дифференциация всех революционных сил страны и на кровавом опыте намечались последующие организационные формы строительства вооруженных сил. От развала старой армии, выделившей из себя революционные полки, от заводов и фабрик, выделивших красногвардейские отряды, через борьбу с Калединым, польскими легионерами, Украинской Радой, румынскими олигархами, немецкими оккупантами—идут тесные нити, в лице так называемой отрядной системы, к современным нам организационным формам Красной армии.

Последующий период борьбы Красной армии на Дону с красновцами, на берегах Волги с чехо-словаками, в сущности говоря, будет этапом вооруженной борьбы той же отрядной системы по существу, хотя формально и внешне войска были сведены в регулярные части. И лишь только последующие бои в 1919 году уже по существу перестроили и углубили вооруженную силу в регулярные формы. В истории строительства вооруженной силы РСФСР нет резкой грани между периодом партизанских частей и периодом регулярных частей. Переход к последующему связан был в свою очередь с большой тяжелой кровавой школой и совершенно игнорировать первый период борьбы Красной гвардии было бы исторически неверно и совершенно нецелесообразно.

Еще в первый период борьбы русский пролетариат доказал свою высокую сознательность и готовность заплатить кровью за достижение поставленных им задач. Пролетариат Киева трижды восстает, пролетариат Ростова, Таганрога, Екатеринослава не уступает ему в доблести. Достаточно было нашим красногвардейским частям приблизиться к любому фабричному или заводскому центру Украины и Дона, как в нем автоматически восстает рабочий класс против врагов революции. Заводы Питера и Москвы в течение первых месяцев революции выбрасывали десятки своих рабочих отрядов на многочисленные фронты гражданской войны. Истекая кровью рабочий класс обрел формы вооруженного строительства государства, где пролетариат ведет за собою огромные крестьянские массы. Но в

период отражения немецкого наступления вся тяжесть борьбы пала исключительно на рабочий класс, и лишь затем постепенно на собственном опыте крестьянство, чувствуя все прелести реставрации помещичьего строя, втягивается в гражданскую войну. Тогда пролетариат, расформировывая свои рабочие отряды, выступает в качестве организатора крестьянства.

А в противовес героической деятельности пролетариата что делают все буржуазные и псевдо-социалистические партии? Они способны были только на величайшие предательства, готовы целовать сапоги германских генералов, лишь бы не дать рабочему классу России перейти к новому строительству своей жизни.

К ГЛАВЕ 1-й.

Приложение № 1.

Прокламация.

Товарищи. началась уличная борьба восставших рабочих с войсками и полицией. В этой борьбе может много погибнуть ваших братьев, борцов за свободу, если вы не будете держаться некоторых правил. Главное правило—не действуйте толпой. Действуйте небольшими отрядами, человека в три—четыре не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше и пусть каждый из них выучится быстро нападать и быстро исчезать. Полиция старается с одной сотней казаков расстреливать тысячные толпы. Вы же против сотни казаков ставьте одного-двух стрелков. Попасть в сотню легче, чем в одного, особенно, если этот один неожиданно стреляет и неизвестно куда исчезает. Полиция и войска будут бессильны, если вся Москва покроется этими маленькими неуловимыми отрядами... Не занимайте укрепленных мест... Пусть нашими крепостями будут проходные дворы и все места, из которых легко стрелять и легко уйти. Если кто вас будет звать итти куда большой толпой и занять укрепленное место, считайте того глупцом или провокатором. Если это глупец—не слушайте его, если провокатор—убивайте. Строго отличайте ваших сознательных врагов от врагов бессознательных, случайных. Первых уничтожайте, вторых щадите. Пехоты по возможности не трогайте. Солдаты—дети народа и по своей воле против народа не пойдут. Их натравливают офицеры и высшее начальство. Против этих офицеров и начальства вы и направьте свои силы. Каждый офицер, ведущий солдат на избиение рабочих, об'является врагом народа и ставится вне закона. Его безусловно убивайте. Казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегдашние враги рабочих... Как только они выйдут на улицу—конные или пешие, вооруженные или безоружные—смотрите на них, как на злейших врагов и уничтожайте без пощады. На драгун и патрули делайте нападения и уничтожайте. В борьбе с полицией поступайте так: всех чинов до пристава включительно при всяком удобном случае убивайте; околодочных обезоруживайте и арестовывайте, тех же, которые известны своей жестокостью и подлостью, тоже убивайте. У городовых только отнимайте оружие и заставляйте служить не полиции, а вам. Дворникам запрещайте запирать ворота. Это очень важно. Следите за ними, и если кто не послушает, то в первый раз побейте, а во второй—убейте.

Приложение № 2.

Из воззвания ген. Дубасова к населению г. Москвы.

Безумная борьба мятежников с призванными для подавления восстания войсками и полицию все еще продолжается. Но в настоящее время бунтовщики, потерпев тяжелые поражения при действиях массами

и не осмеливаясь скопляться, иначе как на дальних городских окраинах, не занятых войсками,—обратились к другой тактике: они наводнили центр города малыми отрядами или кучками, стреляющими в полицию или войска из засад и из-за углов и быстро скрывающимися через переулки, открытые ворота домов и другие проходы с тем, чтобы в таких же условиях делать новые нападения в других местностях. При этом целью нападений мятежники избирают преимущественно отдельные полицейские посты, часовых или патрули, т.-е., такие воинские части, которые по своей малой численности представляют более удобную мишень для прицельных выстрелов и в то же время не могут предпринимать преследования,—почему нападения эти и остаются большею частью безнаказанными.

Против такого предательского образа действий, имеющего явною целью затянуть борьбу и повсеместно держать население столицы в тревоге и напряжении—мною сделаны следующие распоряжения:

Известные районы города подвергнуты тесному обложению войсками и путем обысков будут очищены от присутствия в них мятежников.

Для этого всякий сделанный в полицию или войска выстрел будет сопровождаться немедленным оцеплением того места, откуда выстрел произведен, и виновные, путем обыска, будут обнаруживаемы. Весьма возможно, что в таких случаях стреляющие мятежники будут искать спасения в закрытых частях дворов, в подвалах, надворных постройках и даже в квартирах мирных жителей, угрозами заставляя последних оказывать им укрывательство. Предупреждаю и требую поэтому, чтобы, независимо от запирания ворот домов, во дворах этих домов непременно заперты были подвальные чердачные и другие помещения, в которых могут укрываться мятежники, а также, чтобы домохозяева, квартиронаниматели и вообще все обыватели города, при необходимости произвести обыск в их помещениях, оказывали чинам полиции, на которых это будет возложено, полное содействие...

Приложение № 3.

Из приказа по войскам IV армии от 21 ноября 1914 г.

Мною усматривается из полученных донесений слишком большое количество без вести пропавших, из числа коих несомненно большинство попавших в плен. Приказываю произвести и впредь производить в полках строжайшие расследования об обстоятельствах, при которых могли иметь место подобные недопустимые случаи и по данным расследования составлять списки нижних чинов сдавшихся, не использовав всех средств к сопротивлению для предания их по окончании войны суду по законам военного времени. А также сообщать на родину о позорном поведении не исполнивших свой долг перед царем и родиной.

Из приказа II армии от 20 ноября 1914 года.

К глубочайшему моему сожалению узнал, что между ранеными имеются в левые руки со следами несомненного ожога, что свидетельствует об умышленном членовредительстве. Приказываю, таких раненых выделять в отдельные госпиталя..

Из приказа главкозап от 29 сентября 1915 года.

В последнее время наблюдается большое скопление нижних чинов, бродящих по тылам. Бродят партиями и в одиночку, сосредоточиваясь в более крупных пунктах, где нередко производят различного рода безпорядки и даже грабежи...

К ГЛАВЕ 2-й.

Приложение № 4.

Об'явление Верховного Главнокомандующего.

Телеграмма министра председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Гос. Думы Владимира Львова к Врем. Правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра председателя. Тому свидетель член. Г. Думы Алексей Аладьин.

Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества.

Русские люди!

Великая родина наша умирает.

Близок час кончины.

Вынужденный выступить открыто, я, ген. Корнилов, заявляю, что Врем. Правительство, под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережьи, убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все кто верит в Бога, идите в храмы, молите Господа Бога об об'явлении величайшего чуда, спасения Родной Земли. Я, ген. Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ—путем победы над врагами—до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага—германского племени—и сделать русский народ рабами немцев, я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама Русской Земли.

Русский народ! В твоих руках жизнь твоей родины!

Ген. **Корнилов.**

27 августа 1917 г.

Приложение № 5.

К ГЛАВЕ 3-й.

Протест иностранных миссий.

10 ноября в 4 часа дня начальниками иностранных миссий представлен был Верховному Главнокомандующему следующий протест:

Его превосходительству генералу Духонину, Верховному Главнокомандующему Российской армии.

Могилев 10/23 ноября 1917 г.

Ваше превосходительство.

Нижеподписавшиеся Начальники Военных Миссий, аккредитированных при Верховном Русском командовании, действуя на основании специальных указаний, полученных от своих Правительств через полномочных их представителей в Петрограде, имеют честь заявить самый энергичный протест пред Российским Верховным командованием против всякого нарушения условий договора от 23/5 сентября 1914 года держав Согласия, которым союзники, в том числе и Россия, торжественно обязались не заключать отдельно друг от друга перемирия, ни приостановки военных действий.

Нижеподписавшиеся Начальники Военных Миссий считают также своим долгом довести до сведения Вашего Превосходительства, что всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собою самые тяжкие последствия. Нижеподписавшиеся Начальники Военных Миссий просят Ваше превосходительство не отказать письменно уведомить о получении настоящего сообщения и принять уверения в совершенном их к Вам уважении.

Подписали: **Бартер** (Генерал-лейтенант, Начальник Британской Миссии). **Коанда** (Генерал, Начальник Румынской Миссии). **Ромей** (Генерал-майор, Начальник Итальянской Миссии). **Я. Такаянаки** (Начальник Японской Миссии). **Лавернь** (Бригадный генерал, Начальник Французской Миссии). Полковник **Лудкевич** (Начальник Сербской Миссии).

Генерал Духонин ответил иностраным миссиям уведомлением, что протест им получен. («Бюллетень от 11 ноября 1917 г.» за № 15).

Приложние № 6.

Радио Народных Комиссаров.

Всем, всем, всем.

Бывший главнокомандующий Духонин рассылает по Армии ноту представителей союзных держав при Ставке. Начальники всех союзных миссий, за исключением Американской, заявляют в своей ноте протест против всякого нарушения условий договора, заключенного царским правительством с союзниками 23 августа 1914 г. Представители союзных правительств протестуют против сепаратного перемирия России с Германией, но в то же время не дают никакого ответа на сделанное им Советом Народных Комиссаров предложение перемирия на всех фронтах. В заключение союзные представители угрожают, что нарушение договора со стороны России повлечет за собою самые тяжкие последствия.

По поводу этой телеграммы генерала Духонина считаем необходимым сделать перед лицом армии и страны следующее заявление: обращение союзных представителей с дипломатической нотой к генералу, отставленному за неподчинение распоряжению правительства, означало бы с формальной стороны недопустимое вмешательство во внутренную жизнь страны, с целью вызвать гражданскую войну. По существу дипломатическая нота, если она не вымышлена, означает попытку союзных представителей, путем угроз, заставить руский народ продолжать дальше войну, во исполнение договоров, заключенных царем и подтверждаемых правительством Милюкова, Керенского и Терещенко. Совет Народных Комиссаров, с первого дня своего существования, открыто заявил, что не считает русский народ связанным старыми договорами, заключенными за спиною народа в угоду буржуазным классам России и союзных стран.

Попытки воздействовать буквой тайных договоров на революционную волю советской власти заранее обречены на крушение.

Заключенные в ноте угрозы не могут отклонить нас от пути борьбы за честный демократический мир. Мы заявляем, что республиканская власть, в лице Совета Народных Комиссаров, предлагает не сепаратное, а всеобщее перемирие и в этом своем предложении она чувствует себя выразительницей подлинных интересов и стремлений народных масс не только России, но и всех, вообще, воюющих стран. Солдаты, рабочие и крестьяне. Ваша советская власть не допустит, чтобы вас из-под палки иностранной буржуазии снова гнали на бойню. Не бойтесь угроз. Исстрадавшиеся народы Европы с нами... Они все хотят немедленного мира. Наше предложение перемирия звучит для них, как благовест спасения. Народы Европы не позволят империалистическим правительствам обру-

шиться на русский народ, повинный лишь в том, что он хочет мира и братства народов. Пусть знают все, что солдаты, рабочие и крестьяне России не для того низвергали царя и правительство Керенского, чтобы оставаться пушечным мясом союзных империалистов. Солдаты. Продолжайте вашу борьбу за немедленное перемирие. Выбирайте ваших делегатов для переговоров. Ваш Верховный Главнокомандующий прапорщик Крыленко выезжает сегодня на фронт, чтобы взять в свои руки дело борьбы за перемирие. Долой старые тайные договоры и дипломатические происки. Да здравствует честная открытая борьба за всеобщий мир. Именем Совета Народных Комиссаров—народный комиссар по иностранным делам Л. Троцкий. 11 ноября 6 часов утра. Смольный.

Приложение № 7.

Его превосходительству генералу Духонину, главнокомандующему русскими армиями.

Ваше превосходительство. Председатель Совета министров и военный министр уполномочил меня заявить Вам нижеследующее: Франция не признает власти Народных Комиссаров. Доверяя патриотизму русского верховного командования, она рассчитывает на его твердые намерения отклонить всякие преступные переговоры и держать в дальнейшем русскую армию лицом к общему врагу.

Кроме того, я уполномочен обратить Ваше внимание на то, что вопрос о перемирии является вопросом правительственным, обсуждение которого не может иметь места без предварительного запроса союзных правительств, и что вследствие этого никакое правительство не имеет права обсуждать самостоятельно вопросов о перемирии или мире.

Прошу Вас, Ваше превосходительство, принять уверения в совершенном почтении—генерал Ливен.

Аналогичное заявление сделал представитель армий Соединенных Штатов: «Его превосходительству генералу Духонину, Верховному Главнокомандующему русской армии.

Ваше превосходительство. Согласно совершенно определенным указаниям моего правительства, переданных мне послом Северо-Американских Соединенных Штатов в Петрограде, имею честь довести до Вашего сведения, что в виду ведения Республикой Соединенных Штатов, в союзе с Россией, войны, являющейся в своей основе борьбой демократии против автократии, мое правительство определенно и энергично протестует против всякого сепаратного перемирия, могущего быть заключенным Россией.

Я прошу Ваше превосходительство не отказать в письменном извещении меня о получении этого сношения и принять выражение моего совершенного почтения—подполковник М. Керт .

За несколько дней до этого, аналогичное заявление было сделано генералу Щербачеву, переданного точно также последним в Ставку:

Начальник французской военной миссии генерал Бертело передал мне следующее письменное заявление:

Господин генерал, имею честь довести до Вашего сведения следующую телеграмму, полученную мною от председателя совета министров и военного министра: В сообщении главной русской квартиры от 21 ноября нового стиля ничего не говорится о положении на фронте и вместо того приводится приказ Совета Народных Комиссаров, предлагающий Верховному Главнокомандующему начать с военными властями противника переговоры о немедленной приостановке враждебных действий и приступить к мирным переговорам. Я прошу Вас об'явить Вашему русскому командованию, при котором Вы состоите, что Франция не признает

власти Совета Народных Комиссаров и, уверенная в патриотизме Вашего русского командования, она рассчитывает, что последнее решительно отвергнет всякие преступные переговоры и удержит русскую армию на фронте лицом к общему врагу.

Благоволите принять, господин генерал, уверение в моем высоком уважении и преданности». Подписал Бертело. Яссы. 12 ноября 1917 г. № 10445. Щербачев. С подлинным верно: ген.-м. Одинцов.

Приложение № 8.

Всем, всем, всем.

Всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, всем солдатам Революционной армии и матросам Революционного флота. 7 ноября ночью Совет Народных Комиссаров послал радиотелеграмму главнокомандующему Духонину, предписывая ему немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях.

Эта радиотелеграмма была получена Ставкой 8 ноября, в 5 часов 5 минут утра. Духонину предписывалось непрерывно докладывать Совету Народных Комиссаров ход переговоров и подписать акт перемирия только после утверждения его Советом Народных Комиссаров. Одновременно такое предложение заключить перемирие было формально передано всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде.

Не получив от Духонина ответа до вечера 8 ноября, Совет Народных Комиссаров уполномочил Ленина, Сталина и Крыленко запросить Духонина по прямому проводу о причинах промедления.

Переговоры велись от 2 до 4 с половиной часов утра 9 ноября. Духонин делал многочисленные попытки уклониться от об'яснений своего поведения и от дачи точного ответа на предписание правительства, но когда предписание вступить немедленно в формальные переговоры о перемирии было сделано Духонину категорически, он ответил отказом подчиниться. Тогда именем правительства Российской Республики, по поручению Совета Народных Комиссаров, Духонину было заявлено, что он увольняется от должности за неповиновение предписанию правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Вместе с тем Духонину было предписано продолжать вести дело, пока не прибудет новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие дел от Духонина. Новым главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко.

Солдаты, дело мира в ваших руках. Вы не дадите контр-революционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный военный порядок.

Пусть стоящие на позициях выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии в праве только Совет Народных Комиссаров.

Солдаты! Дело мира в ваших руках. Блительность, выдержка, энергия, и дело мира победит.

Именем правительства Российской Республики, подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин). Народный Комиссар по военным делам и Верховный Главнокомандующий Н. Крыленко. («Протоколы заседаний В. Ц. И. К. II созыва», стр. 54—55).

Приложение № 9.

Приказ.

Именем революции ко всем солдатам революционной армии и флота.

Товарищи, сего числа я вступил в Могилев во главе революционных войск. Окруженная со всех сторон ставка сдалась без боя. Последнее препятствие к делу мира пало. Не могу умолчать о печальном акте самосуда над бывшим главковерхом ген. Духониным,—народная ненависть слишком накипела; несмотря на все попытки спасти его, он был вырван из вагона на станци Могилев и убит. Причиной этому послужило, накануне падения ставки, бегство ген. Корнилова.

Товарищи. Я не могу допустить пятен на знамени революции, с самым строгим осуждением следует отнестись к подобным актам; будьте достойны завоеваний свободы, не пятнайте власти народа. Революционный народ грозен в борьбе, но должен быть мягок после победы.

Товарищи, с падением ставки, борьба за мир получает новую силу. Во имя революции и свободы я зову вас к революционной сплоченности.

Да здравствует власть Советов Солдатских и Крестьянских Депутатов. Главковерх Крыленко. («Правда» от 21 ноября).

К ГЛАВЕ 4-й.

Приложение № 10.

КАЛЕДИНЩИНА.

(Из разговора тов. Троцкого со Ставкой).

Каледин ввел в Донской области военное положение. Шахтеры Донецкого бассейна находятся под гнетом Калединского режима. В Ростове-на-Дону калединцы, поддерживаемые кадетами, установили на крышах пулеметы и терроризуют город. В руках нашей судебно-следственной комиссии имеются документы, с несомненностью устанавливающие теснейшую связь Каледина с монархическим заговором Пуришкевича. В виду этих фактов Советская власть приняла меры к тому, чтобы одним ударом положить конец преступным действиям калединцев и корниловцев, которые обманывают трудовое казачество, разоренное и обездоленное войной, и натравливают его на его братьев—солдат, рабочих и крестьян всей России. Равным образом и на Урале нами принимаются меры к тому, чтобы положить конец контр-революционному мятежу Дутова, члена казачьего правительства, который, опираясь на денежную поддержку кадетской буржуазии, разоружил Оренбургский гарнизон, арестовал Исполнительный Комитет, Военно-Революционный и Стачечный Комитеты и совершает отвратительные насилия над революционными гражданами, не щадя женщин. Мы приказали не входить ни в какие переговоры с контр-революционными заговорщиками, которые стремятся, рука об руку с Родзянко и Милюковым, в интересах казачьего дворянства и буржуазии, залить кровью весь Урал, а затем и всю Россию. Просим разъяснить казакам, что Совет Народных Комиссаров делает строгое различие между казачьими, офицерскими, помещичьими и буржуазными верхами, которые идут за одно со всей российской контр-революцией, и между трудовым казачеством, которому Советская власть готова придти на помощь всеми имеющимися у государства средствами. Ни мало не покушаясь на самоуправление казаков, их нравы и обычаи, Советская власть намерена в то же время беспощадно сокрушить восстание Калединых и Дутовых, которые действуют заодно с врагами народа—кадетами, и пытаются сно-

ва накинуть петлю на шею рабочих, крестьян, солдат и казаков. Поэтому мы предлагаем вам, товарищ Верховный Главнокомандующий, немедленно двинуть по направлению к Москве, Ростову-на-Дону и Оренбургу такие силы, которые, не колебля линии нашего фронта, были бы достаточно могущественны, чтобы в кратчайший срок стереть с лица земли контр-революционный мятеж казачьих генералов и кадетской буржуазии. Жду ответа.

Народный Комиссар **Троцкий.**

Приложение № 11.

Шайка Корнилова разбита.

(Телеграмма).

БОЛЬВА, 11 декабря. Отряд корниловцев в составе одного ударного полка, 2 и 8 Оренбургских ударных батальонов и 4 отдельного ударного батальона, численностью в пять-шесть тысяч человек при 200 пулеметах, нами стерт в порошок. После боя у станции Тамаровки, где нами были разбиты два эшелона ударников, корниловцы пытались обходным путем обойти Белгород, прорваться на Купянск или Обоянь: в боях у деревни Крапивна, Ольховка корниловцы были сбиты со всех позиций, обеспечивающих им беспрепятственно продвижение на Купянск и Обоянь, и все пути на Купянск и Обоянь были перерезаны нами. В результате боев у Ольховки и Крапивное было беспорядочное отступление корниловцев на северо-запад. Наш отряд, состоящий из черноморцев, балтийцев и польского легиона, держал все время противника под ударом и у деревни Драгунского окончательно разгромил и рассеял организованное ядро корниловских войск. Бой у деревни Драгунской продолжался около шести часов, выпущено более трехсот снарядов. Дальнейшее преследование противника привело к захвату у него обозов, пулеметов и т. п. Наш отряд преследовал противника на протяжении ста верст и уничтожил его, как организованную боевую величину. Наши потери за все время 19 убитых и 92 раненых. Все сведения и сообщения газет о том, что якобы от артиллерийской стрельбы горели деревни,—неверны. Утверждаю, что от нашей стрельбы не пострадали ни один дом, ни один из мирных жителей. Пострадали только несколько мельниц, где противником были установлены пулеметы.

Командующий отрядом прапорщик **Павлуновский.**

Приложение № 12.

К борьбе с Калединым.

В ответ на некоторые сообщения Антонова об успехах борьбы с калединцами, Ленин послал ему следующую телеграмму:

«От всей души приветствую Вашу энергичную деятельность и беспощадную борьбу с калединцами. Вполне одобряю неуступчивость к местным соглашателям, сбившим, кажется, с толку и часть большевиков. Особенно одобряю и приветствую арест миллионеров-саботажников в вагоне I—II кл. и советую отправить их на полгода принудительных работ в рудниках. Еще раз приветствую Вас за решительность и осуждаю колеблющихся».

Приложение № 13.

Мятеж генералов, офицеров и юнкеров.

Из Ростова-на-Дону сообщают следующие подробности:

Узнав об октябрьском перевороте, Ростовский Совет Р. и С. Д. постановил образовать Военно-Революционный Комитет для проведения в

жизнь в Донецкой области всех декретов Совета Народных Комиссаров. Меньшевики и эсеры в Военно-Революционный Комитет не вошли и совместно с городской думой образовали комитет спасения родины и революции, который, не имея под собой никакой почвы, и обманутый Калединым, введшим без его разрешения военное положение в Донской области, вскоре распался. В середине ноября Каледин издал приказ о разоружении пехотных частей, расквартированных в Донской области; на этой почве произошел раскол областного военного комитета и вся пехотная секция этого комитета, под угрозой ареста, переехала из Новочеркасска в Ростов. Там она совместно с представителями Городской Думы вступила в переговоры с Военно-Революционным Комитетом об об'единении. Результатом переговоров было образование Областного Военно-Революционного Комитета об'единенной демократии. Комитет этот об'явил себя единственной властью в Донской области и поставил себе целью борьбу с Калединым и войсковым правительством.

Благодаря состоявшемуся соглашению, работа Военно-Революционного Комитета старого состава затормозилась и вся деятельность последнего сводилась к ведению переговоров с Калединым о способах мирного улажения конфликта.

24 ноября в Ростов прибыли 3 тральщика Черноморского флота. Представители матросов в лице Совета Пяти вошли в состав Военно-Революционного Комитета; в нем они сочли своим долгом заявить, что они не ограничатся борьбой с Калединым и что они прибыли помочь Совету взять власть в свои руки. 25 ноября состоялось очередное заседание Совета. Заседание было торжественное и было посвящено исключительно приветствованию матросов и представителей некоторых казачьих частей, явившихся в Совет. Заседание закончилось к 12 час. ночи. В час той же ночи здание Совета было окружено отрядом в 100—150 юнкеров.

В Совете в это время сидели 4 дежурных члена. Все они были растерзаны юнкерами. Само же здание ими было превращено в сарай в буквальном смысле этого слова.

Одновременно они устроили также нападение на Городской Комитет Рос. С.-Д. Р. П. (большевиков).

В воскресенье, 26 ноября, гарнизон и все рабочее население было поднято на ноги. Юнкера и казачьи части, находящиеся в Ростове почти без всякого сопротивления сдались и были разоружены. Необходимо отметить, что в каждой юнкерской школе оказалось до 500 винтовок, 5—10 пулеметов и запас гранат и бомб.

Все это попало в руки Совета, который благодаря этому имеет возможность вооружить все рабочее население и дать отпор эшелону юнкеров, прибывшему 27 ноября из Новочеркасска и высадившемуся на Нахичеваньском полустанке. Эшелон был окончательно разбит. В тот же день был арестован генерал Потоцкий со всем своим штабом и вся власть в городе перешла к Военно-Революционному Комитету. К этому времени представители городской думы из состава Военно-Революционного Комитета ушли и начали принимать все меры к тому, чтобы дезорганизовать советские войска.

Каледин тем временем не дремал: он и его ставленники собирали все силы для окончательного разгрома Ростова. Военно-Революционный Комитет учел это и принял меры к тому, чтобы вызвать в Ростов верные Совету войска. Но к сожалению, до субботы 2 декабря помощь не подоспела. В этот день, утром разведчики сообщили, что город окружен тесным кольцом казаков, численностью до 50.000. Сопротивляться против такой силы Военно-Революционный Комитет счел невозможным, а потому он отдал приказ гарнизону и красногвардейцам сняться с постов.

К 12 часам дня казаки без всякого сопротивления заняли город. В городе начались повальные обыски и аресты и самые безобразные распра-

вы. В воскресенье носились упорные слухи, что С. Ф. Васильевиченко, член Учредительного Собрания—большевик, юнкерами растерзан.

Приложение № 14.

Власть трудового казачества на Дону.

Резолюция с'езда фронтового казачества 10 января в станице Каменской.

Учитывая создавшееся положение на Дону и обсудив его, мы решили взять на себя революционный почин освобождения трудового населения и прежде всего трудового казачества от гнета контр-революционеров, помещиков и капиталистов-мародеров и спекулянтов.

С'ездом образован Военно-Революционный Комитет, к которому впредь до образования новой власти трудового казачества, с этого часа, который войдет в историю славного Дона, переходит власть Донской области.

С'езд и Военно-Революционный Комитет призывают все казачьи части, все трудовое казачество, все трудовое население Донской области отнестись с доверием к нему, сплотиться и сорганизоваться для поддержки Военно-Революционного Комитета, который воскрешает лучшие страницы истории вольнолюбивого Дона.

Братья и товарищи! устраивайте собрания сотенных, полковых и других комитетов, собрания частей, станичные и сельские сходы, выносите резолюции о поддержке, отстраняйте контр-революционеров, арестовывайте мешающих делу создания трудовой власти, устраивайте перевыборы командного состава, присылайте ходоков для связи.

Приказ о роспуске годов, как контр-революционного, направленного на то, чтобы обессилить казачество не выполнять; казакам не расходиться и докончить начатое дело. Части, не имеющие своих представителей, немедленно посылают своих делегатов. Поддержите нас фронтовиков, клавших все силы в окопах и не вытерпевших того порядка, которым опоганили наш светлый, тихий Дон.

Товарищи рабочие и крестьяне! Мы своим выступлением разрушаем последние преграды между вами и казачеством. Мы уверены в вашей полной поддержке.

Военно-Революционный Комитет, справившись при поддержке всего трудового казачества и трудового населения и при поддержке его со стороны трудового казачества Кубани, Терека, Урала и Сибири и всех трудящихся, созовет С'езд всего трудящегося казачества, рабочих и крестьян для организации на Дону трудовой власти.

Да здравствует трудовое казачество! Смело за свободу и счастье трудящихся! Правда на нашей стороне!

Председатель Военно-Революционного Комитета
подхорунжий **Подтелков.**

Секретарь прапорщик **М. Крывошлыков.**

Резолюция общенародного митинга Донской области станицы Каменской.

Обсуждая настоящее положение и создание Военно-Революционного Комитета Донской области станицы Каменской, мы, граждане, трудовое казачество, крестьяне, солдаты и рабочие выносим полное доверие и поддерживаем настоящий Военно-Революционный Комитет и протестуем против существующего в гор. Новочеркасске Донской Области Войскового круга во главе с Калединым и Богаевским.

Долой контр-революционеров: Каледина и Богаевского и всю свору и их прихвостней. Вся власть Народным Комиссарам в лице Совета Казачьих, Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Резолюция принята единогласно числом в пять тысяч человек.

Председатель собрания казак **Шамов.**

Секретарь **Колесников.**

От Донского Военно-Революционного Комитета к гражданам станицы Каменской.

Граждане!

Северный фронтовой с'езд делегатов от казачьих воинских частей, взяв власть в свои руки, принял экстренные меры к устранению от ответственных должностей в общественных и правительственных учреждениях станицы Каменской всех лиц, противодействующих установлению власти трудового казачества. Сохранение порядка и водворение спокойствия в станице принимает на себя Военно-Революционный Комитет.

Военно-Революционный Комитет призывает граждан к полному спокойствию и к продолжению своих общих занятий. Никаких беспорядков или покушений на имущество или безопасность мирных граждан допущено не будет. По распоряжению Комитета продажа водки прекращена.

Военно-Революционный Комитет.

Председатель **Подтелков.**

Секретарь **Крывошлыков.**

К ГЛАВЕ 5-й.

Приложение № 15.

БОРЬБА С ПОЛЬСКИМИ ЛЕГИОНАМИ.

Приказ Главковерха.

Телеграмма из Ставки 22 января 1918 года.

Товарищи и граждане! В тяжелую минуту в жизни страны, когда помещики и капиталисты употребляют последние усилия для того, чтобы ниспровергнуть Народную власть Советов; когда Украинская буржуазная Центральная Рада, калединские, юнкерские и офицерские банды, дутовские орды и румынские помещики, все ополчились на Советскую Власть, чтобы взорвать ее изнутри, помогая тем самым союзу немецких, австрийских, французских и английских капиталистов, стремящихся задавить ее извне; и когда, поэтому, возможность быстро и энергично действовать и поддерживать связь между отрядами революционных войск является одним из главных условий успеха,—здесь, у нас, в Могилевской, Минской и Витебской губерниях внезапно появился еще один враг—вскормленные и пригретые попустительством правительства Керенского, образованные польской буржуазией с специальной целью защиты польских помещиков против крестьян, так называемые польские легионы и польский корпус, которые в лице командира корпуса Довбор-Мусницкого, об'явили войну Советским войскам. Наймиты буржуазии, поддерживаемые французскими деньгами, в тайном союзе с Украинской Радой, польский комитет и другие руководящие круги польской буржуазии, не даром так противились демократизации армии; они знали, чем пахнет для них выборное начало в войсках. И когда оттягивать демократизацию больше не могли, они поши-

ли на все: обманутые офицерами польские войска заняли станцию Рогачев и Бобруйск, а отдельные войска осмелились ударить в тыл революционным войскам.

Советская власть не может допустить подобных явно мятежнических действий. Никакая часть войск не может пред'являть требований Советской власти, как не может быть признана ею воюющей стороной.

В согласии с этим, предписываю: прекратить отпуск довольствия приставшим к контр-революционному командному составу и поднявшимся на защиту польских помещиков войскам. Предлагаю товарищам, польским солдатам, немедленно оставить место расположения польского корпуса и явиться с заявлением готовности бороться вместе с русскими солдатами. Арестовать командный состав и офицеров; командира корпуса—Довбор-Мусницкого об'являю врагом революции и вне закона. Всех офицеров, взятых с оружием в руках, приказываю немедленно на месте предавать революционному суду и действовать по отношению к ним без пощады, а в случае сопротивления расстреливать без суда. Крестьянам Могилевской губернии предлагаю расправляться с насильниками по своему усмотрению.

Верховный Главнокомандующий **Н. Крыленко.**

К ГЛАВЕ 6-й.

Приложение № 16.

Ультиматум Совета Народных Комиссаров Раде.

4 декабря 1917 года.

№ 262.

Исходя из интересов единства и братского союза рабочих и трудящихся, эксплоатируемых масс в борьбе за социализм, исходя из признания этих принципов многочисленными решениями органов революционной демократии Советов, и особенно 1 Всероссийского С'езда Советов, социалистическое правительство России, Совет Народный Комиссаров, еще раз подтверждает право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России.

Поэтому мы, Совет Народных Комиссаров, признаем народную Украинскую Республику, ее право совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой о федеративных или тому подобных взаимоотношениях между ними.

Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа признается нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же, без ограничений и безусловно.

Против финляндской буржуазной республики, которая остается пока буржуазной, мы не сделали ни одного шага в смысле ограничения национальных прав и национальной независимости финского народа, и не сделаем никаких шагов, ограничивающих национальную независимость какой-бы то ни было нации, из числа входящих и желающих входить в состав Российской Республики.

Мы обвиняем Раду в том, что, прикрываясь национальными фразами, она ведет двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и советской власти на Украине (между прочим Рада отказывается созвать по требованию Советов Украины краевой с'езд Украинских Советов немедленно). Эта двусмысленная политика, лишающая нас возможности признать Раду, как полномочного представителя трудящихся и эксплоатируемых масс Украинской

Республики, довела Раду в самое последнее время до шагов, означающих уничтожение всякой возможности соглашения.

Такими шагами явились, во-первых, дезорганизация фронта.

Рада перемещает и отзывает односторонними приказами украинские части с фронта, разрушая таким образом единый, общий фронт до размежевания, осуществимого лишь путем организованного соглашения правительств обеих республик.

Во-вторых, Рада приступила к разоружению советских войск, находящихся на Украине.

В-третьих, Рада оказывает поддержку кадетско-калединскому заговору и восстанию против советской власти. Ссылаясь заведомо ложно на автономные будто бы права «Дона и Кубани», прикрывая этим калединские контр-революционные выступления, идущие в разрез с интересами и требованиями громадного большинства трудового казачества, Рада пропускает через свою территорию войска к Каледину, **отказываясь пропустить войска против Каледина.**

Становясь на этот путь неслыханной измены революции, на путь поддержки злейших врагов как национальной независимости народов России, так и советской власти, врагов трудящейся и эксплоатируемой массы,—кадетов и калединцев,—Рада вынудила бы нас об'явить без всяких колебаний войну ей, даже если бы она уже была вполне формально признанным и бесспорным органом высшей государственной власти, независимой буржуазной республики Украины.

В настоящее время, в виду всех вышеизложенных обстоятельств, Совет Народных Комиссаров ставит Раде пред лицом народов Украинской и Российской Республик, следующие вопросы:

1. Обязуется ли Рада отказаться от попыток дезорганизации общего фронта?

2. Обязуется ли Рада не пропускать впредь, без согласия верховного главнокомандующего, никаких войсковых частей, направляющихся на Дон, на Урал или в другие места?

3. Обязуется ли Рада оказывать содействие революционным войскам в деле их борьбы с контр-революционным кадетско-калединским восстанием?

4. Обязуется ли Рада прекратить все свои попытки разоружения советских полков и рабочей Красной гвардии на Украине и возвратить немедленно оружие тем, у кого оно было отнято?

В случае неполучения удовлетворительного ответа на эти вопросы в течение сорока восьми часов, Совет Народных Комиссаров будет считать Раду в состоянии открытой войны против советской власти в России и на Украине.

Совет Народных Комиссаров.

Приложение № 17.

Положение на Румынском фронте.

КИШИНЕВ, 15 декабря. Положение на Румынском фронте тяжелое. Румынскими войсками занято местечко Леово и несколько сел Бессарабии. Расстреляны революционеры. Рада передала железную дорогу «Ясы-Унгены» в распоряжение румын. Четвертой армии не посылаются продукты и фураж. Щербачев сказал, что бунтовщикам, жаждущим власти Советов, не полагается ничего. Украинцы четвертой армии не признают Щербачева и Раду: солдаты понимают, что вся буржуазия сплотилась для того, чтобы сорвать мир и потушить революцию. В Соколах образовался Военно-Революционный комитет, признанный всеми солдатами. Щербачев и румынские власти, через русского полковника и румынского генерала, пригласили

всех членов Революционного Комитета в Яссы, гарантируя им всякую безопасность, на что они согласились. В Яссах весь Комитет был арестован офицерами ударных баталионов и казаками, после того все члены Революционного Комитета были переданы румынским властям, которые пытались расстрелять их, но казаки опомнились и не допустили. Некоторые члены были отпущены. Задержаны Рошаль, Рок, Аксионов и Корчев, один из них расстрелян. В Кишеневе организовался Военно-Революционный Комитет южного района. Приняты меры к освобождению заключенных и улучшению положения четвертой армии. Щербачев и румынское правительство являются ответственными за всякие разгромы и беспорядки, чинимые голодными солдатами. Бессарабия об'явлена Молдавской республикой, входящей в состав Российской Федеративной республики с национальным парламентом в Сфатул-Церии. По пути Рады она никогда не пойдет. Осветите нам положение на фронтах вообще, скоро ли начнется работа в Учредительном Собрании без кадетов. Кишенев, Ревком—Куйбань, Брянский.

По получении этой телеграммы Народный Комиссар по Иностранным делам обратился к румынскому посланнику со следующим заявлением:

Нами получено собщение от Кишиневского Революционного Комитета о том, что румынскими войсками окупированы местечко Леово и несколько сел Бессарабии, при чем расстреляны революционеры. Сверх того сообщение гласит: «Румынские власти через русского полковника и румынского генерала пригласили всех членов Революционного Комитета в Яссы, гарантируя им всякую безопасность. В Яссах однако весь комитет был арестован. Все члены Революционного Комитета были переданы румынским властям, которые пытались расстрелять их, но казаки опомнились и не допустили».

В виду того, что такого рода преступные действия не могут быть терпимы, мы просим г-на румынского посланника сообщить нам в течение сегодняшнего дня все, что известно румынскому посольству по этому поводу, а равно, какие меры приняло румынское правительство до настоящего дня для того, чтобы покарать преступные элементы из румынского офицерства и румынской бюрократии, осмелившиеся поднять руку на российскую революцию.

Мы считаем необходимым здесь же предупредить румынское посольство, что на территории Российской Революции, мы не потерпим более никаких репрессий не только против русских, но и против румынских революционеров и социалистов. Всякий румынский солдат, рабочий и крестьянин найдет поддержку русской Советской власти от произвола реакционной румынской бюрократии. Вместе с тем мы считаем нужным через Ваше посольство поставить на вид всем румынским властям что советская власть не остановится перед самыми суровыми мерами против контр-революционных румынских заговорщиков, сообщников Каледина, Щербачева и Рады, совершенно независимо от того, какие посты занимают эти заговорщики в румынской иерархии.

Народный Комиссар по иностранным делам **Л. Троцкий.**

Приложение № 18.

От Совета Народных Комиссаров.

Покрытая преступлением румынская олигархия открыла военные действия против Российской Республики. Привыкшая утверждать свое государство на нищете, кабале и крови румынских крестьян и рабочих, румынская монархия сделала попытку спасти себя, своих помещиков и своих банкиров путем захвата Бессарабии и превращения ее в оплот про-

тив могущественного потока русской революции. Преступлениям румынских военных и гражданских властей нет числа. Комиссары и представители революционных российских войск арестуются и расстреливаются. Революционные войска морятся голодом и разоружаются. При отступлении в тыл они подвергаются обстрелу орудийным огнем. Во всех этих кровавых преступлениях одно из виднейших мест принадлежит главнокомандующему румынским фронтом Щербачеву.

В виде протеста и предупреждения Совет Народных Комиссаров подверг кратковременному аресту румынского посла. Эта мера не оказала действия. Преступления идут своим чередом.

Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Все дипломатические сношения с Румынией прерываются. Румынское посольство и все вообще агенты румынской власти высылаются за границу кратчайшим путем.

2. Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии об'является неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность за сохранение этого фонда и передаст его в руки румынского народа.

3. Восставший против революции—бывший гланокомандующий румынского фронта Щербачев об'является врагом народа и ставится вне закона.

13 января 1918 г., Таврический Дворец.

К ГЛАВЕ 7-й.

Приложение № 19.

Германия и Финляндия.

По просьбе финляндского законного правительства могучая Германская держава отправила свои славные войска сражаться вместе с финляндской «белой гвардией» за право, закон и культуру против анархии, произвола и ниспровержения порядка. Немецкие войска уже освободили столицу Финляндии, и скоро вся наша страна с помощью их будет вырвана из тисков красного насилия.

Любящий закон и право финский народ чувствует горячую благодарность Германии и ее храбрым войскам за ту ценную помощь, которую они оказывают нашему народу в этой борьбе. Глубокую скорбь чувствует каждый любящий свою родину финляндец, вынужденный сказать, что в этой борьбе финляндец идет против Финляндии. Мы тем не менее глубоко убеждены и просим наших немецких собратьев по оружию поверить нам, что те финляндцы, против которых направлено наше и их оружие, введены в заблуждение и не знают действительного характера этой борьбы. Восставшие против законного порядка массы, веря своим старым предводителям, которые вероломно их обманули, взялись за оружие в том убеждении, что это их обязанность по отношению к тому классу, к которому они принадлежат.

Вы так же знаете, как и мы, что война идет не против какого-либо класса; это война, в которой финская и немецкая кровь льется вместе, есть война в защиту тысячелетних наследий западной культуры, против анархии и революции, угрожающих с востока непосредственно Финляндии, но косвенно и всему миру.

Культурные связи Финляндии с Германией насчитывают сотни лет.

Нет другого великого культурного народа, с которым мы, финляндцы, чувствовали бы такое духовное родство, как с германским народом, нет другой иностранной культуры, которая здесь была бы так близка нам, как германская, нет другого великого культурного языка, который был-бы здесь так известен, как немецкий. Немного также, вероятно, стран, в которых могучие деяния, совершенные силой оружия

благодаря немецкому порядку и их организаторским способностям, в настоящей войне против всего мира, возбудили бы столь большое восхищение, как в Финляндии. Наш народ знает также, что, получая теперь самое дорогое для каждого народа политическую самостоятельность, он прежде всего должен благодарить за это победоносное оружие германской армии. Это сознание, вместе с заключенным теперь финско-германским воинским братством должно укрепить те дружественные связи, которые соединяли нас с доблестным германским народом. Мы оплакиваем те жертвы, которых бог войны требует здесь в нашей дальней стране из рядов храбрых немецких воинов. Утешением нам служит чувство, что и они сознают, что пали здесь не только для нашего блага, но и за великие идеалы своего народа и всего человечества.

Приложение № 20.

Финляндским гражданам.

Мировая война сокрушила русский царизм, в течение десятков лет угнетавший Финляндию.

На обломках царской России большевики основали свою власть. Их цель сокрушить общественный порядок и распространить беззаконие и анархию по всему миру. Их способ борьбы: грабежи и убийства. Финляндия первая страна, которая стала предметом раздражения и нападения большевиков. Часть нашего народа примкнула к ним и восстала против своего же отечества.

В настоящее время у нас идет борьба против этих сокрушающих сил.

Финляндское правительство и законопослушные жители не являются, однако, одинокими в этой борьбе. Они имеют могучую поддержку в лице немецкого народа и его победоносной армии, которая сокрушила власть царизма и открыла путь к самостоятельности Финляндии.

Граждане!

Те германские войска, которые идут теперь в Финляндию, не имеют намерения завоевать нашу страну. Они идут сюда, чтобы вместе с нашим народом бороться против восточной заразы и уничтожить красный террор. Примите эти войска, как желанных гостей из той страны, которая желала и впредь желает способствовать счастью и успеху Финляндии.

Председатель Финляндского Сената **Свинхувуд.**

На пути из Германии в Финляндию через Швецию, в марте 1918 г.

К ГЛАВЕ 8-й.

Приложение № 21.

Радио.

«Берлин, правительству германской империи: «Совет Народных Комиссаров выражает свой протест по поводу того, что германское правительство двинуло войска против Российской Советской Республики, об'явившей состояние войны прекращенным и начавшей демобилизацию армии на всех фронтах. Рабочее и крестьянское правительство России не могло ожидать такого шага уже по тому одному, что ни прямо, ни косвенно ни одна из находящихся в состоянии перемирия сторон не предупреждала о прекращении перемирия за 7 дней, как это обязались сделать обе стороны, по договору 2/15 декабря 1917 года.

Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным при создавшемся положении заявить о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациям четверного союза в Брест-Литовске.

Совет Народных Комиссаров заявляет, что ответ на точные условия мира, предлагаемые германским правительством, будет дан безотлагательно.

Совет Народных Комиссаров. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин). Народный Комиссар по иностранным делам Л. Троцкий».

«Правда», 1913 г. № 30.

Приложение № 22.

Выдержки из доклада Главковерха, представленного в конце января 1918 г. т. Ленину.

«Сведения о состоянии армии, которые даны в приложенной записке, рисуют картину катастрофы. Голод и неуверенность в мире сделали свое дело. Постановлениями отдельных корпусных комитетов демобилизуются в отдельных корпусах все года по 1919 г. включительно. Изголодавшиеся массы бегут и движимые инстинктом самосохранения затевают разгромы в поисках недостающих денежных знаков и хлеба в местностях прифронтовой полосы. Недостаток фуража и ослабление конского состава делают невозможным вывоз материальной части и артиллерии. Армия оказывается неспособной даже стоять на позиции. Фронта фактически нет. Между тем, сведения разведки делаются все тревожнее. В отдельных местах фронта идет торг лошадьми и солдатским имуществом с немцами, в других местах немцы исправляют дороги через нашу передовую линию, надежда же на противопоставление им каких-либо революционных кадров новой армии делается все призрачнее и необходимость заключения мира диктуется теперь не невозможностью сопротивления, а невозможностью произвести организованный отход и спасти стоящие миллиарды материальные части. Это заставляет отвергнуть как неприемлемое решение «войны не вести и мира не подписывать»...

И мы обязаны подписать мир. Мы обязаны это сделать, тем больше, чем успешнее идут наши действия на внутренних фронтах. Необходимо напряжение всех сил для урегулирования и закрепления Советской власти. Советская власть требует обеспечения от деморализующего положения «ни войны ни мира» и об'ективно неизбежных потерь на внешнем и внутреннем фронтах. Ибо немцам представляется слишком легкая и заманчивая добыча, чтобы они на нее не покусились. С другой стороны, население уже свыклось и не будет протестовать против сепаратного мира, на каких угодно условиях. У советской власти все же будут развязаны руки.

Об'ективно неизбежной мировой революции такой мир также едва ли даст слишком длительную отсрочку. Самое же главное при той обстановке работ, какая сейчас имеется в военном ведомстве, едва ли можно надеяться на быстрое формирование Красной армии для об'ективно все же неизбежного, чтобы бы там ни говорили, противодействия немцам».

Приложение № 23.

Воззвание Верховного Главнокомандующего.

Товарищи граждане!

Совет Народных Комиссаров уже об'явил своим воззванием о неуклонном решении защищаться до последней степени против разбойничьего набега германских капиталистов и германского правительства.

По полученным известиям, совершенно определенно установлено, что Германия не в состоянии бросить на революционную Россию достаточно крупных сил. Наступление ведется сравнительно небольшими

отрядами, и только общая разруха нашей армии, усталой, измученной и истерзанной войной, в связи с всеобщей жаждой мира, и провокационные слухи, распространяемые буржуазией и ее агентами о немецком нашествии, создают невозможность для нас сразу же, в первую минуту, сорганизовать сопротивление.

Буржуазные агенты, газетные писаки,—все те, кто до сих пор кричали и обвиняли нас, все, кто кичился своим патриотизмом, теперь ждут не дождуться момента пришествия немцев, которое должно избавить их от власти рабочих и крестьян, от власти Советов, от власти рабочего и крестьянского правительства, правление которого оказалось для них в достаточной степени солоно. Недаром в Двинске и в других занимаемых или угрожаемых немцами городах буржуазия всех национальностей—русская, еврейская, польская, белорусская,—забыв свою вражду, вся об'единилась в ненависти к Советской власти и, в первую очередь, стремится к ее низвержению. Недаром сверженная Украинская Рада старается восстановить свою власть при помощи австрийских штыков, а молдаванская буржуазия—при помощи румынских солдат.

При этих условиях, для всех должно быть ясно, за что теперь идет борьба.

Борьба идет не за те или иные условия мира, не за подписание того или иного договора. Чтобы избавить исстрадавшийся народ от бедствий продолжения войны, чтобы с успехом докончить дело борьбы с буржуазией у себя в тылу, чтобы докончить упрочение Советской власти во всех областях Российской Республики, Совет Народных Комиссаров заявил, что готов подписать этот мир для спасения дела революции в тылу.

Но германское правительство в союзе с нашей буржуазией, понимая, чем пахнет для него сохранение Советской власти, где бы то ни было, идет на нас войной, для восстановления буржуазной власти и ниспровержения Советской власти: так пишут в своих прокламациях немцы, посылая своих юнкеров и офицеров против нас, а их встречает с цветами русская буржуазия, как избавителей. В таких условиях нам нет другого выхода, кроме борьбы не на жизнь, а на смерть, в случае отказа немцев заключить мир.

Борьба не на жизнь, а на смерть, беспощадная борьба, борьба, в которой нет отступления, нет отходов, в которой есть либо смерть, либо победа. Народную месть, народный террор должны мы противопоставить нашествию противника.

И если нам удастся бросить навстречу сплоченные массы революционных граждан, которые не только по правилам военной стратегии, а из-за угла, всюду и везде мелкими отрядами и крупными сражениями, за каждый город, и за каждое село, и за каждую улицу, за каждый дом в городах подымут бой, наш отчаянный бой гражданской войны—нет сил, которые немцы могли бы противопоставить нам. Отряды в 1000—1500 человек, достаточно снабженные элементарным вооружением и легкими батареями, отряды способные быстро окапываться и со стремительностью наших революционных отрядов гражданской войны нападать—таких отрядов будет достаточно для задержания немецкого передвижения.

И революция в праве требовать сейчас от всех такого самоотвержения. Во исполнение постановления Совета Народных Комиссаров об'является настоящим революционная мобилизация. Все незаписавшееся, способное к труду население, должно быть привлечено к работам по укреплению и устройству заграждений на всех путях немецкого движения. Всякий буржуа, противящийся таким распоряжениям, должен быть немедленно предаваем суду и насильственно привлечен к работе.

Запись революционных войск открывается по всем районным Советам, по всем районным штабам Красной армии. Революционная дисци-

шлина должна быть доведена до высшего напряжения, с преданием всех неповинующихся революционному суду.

Запись инструкторов открывается в отделе формирования Красной армии.

Формирование идет по утвержденным штатам красного батальона.

Все к оружию!

Все на защиту революции!

(«Солд. Пр.», № 31 (147), 22 февраля 1918 г.).

Перечень основных источников и пособий.

Архив военно-ученый. Дела Ставки и кабинета военного министра за 1917 год.

Архив Красной армии. Дела Высшего Военного Совета и Наркомвоена за 1917—18 год.

Архив Красный. (Издание Центрархива). Переписка Янушкевича с Сухомлиновым.

Архивы личные и записки т.т. Антонова-Овсеенко, Подвойского, Ягоды, Саблина, Щаденко, Р. Берзина, Вацетиса и др. (хранятся частично в ВИК'е).

Архив Русской Революции под ред. Гессена, Берлин. Все тома.

Васильев, Ф. Моонзундская операция. (Рукопись ВИК'а).

Васильев, Ф. Стратегический очерк мировой войны. Румынский фронт. Издание ВВРС.

Верховский, А. И. Россия на Голгофе.

Восстание на броненосце «Потемкин Таврический». Сборн. под ред. В. И. Невского. Госиздат, 1923 год.

Волков, А. «Возникновение Донского фронта». (Рукопись).

Дашкевич, В. «О польской вооруженной силе». Москва, 1920 г. Сборник ВИК.

Добрынин. «Борьба с большевиками на юге России». Прага, 1921 г.

Деникин, А. И. Очерки русской смуты. Т. I, II и III.

Декабрьское восстание в Москве 1905 года. Сб. под ред. Н. Овсянникова. Госиздат, 1920 г.

Затонский, В. «Дела Украинские». (На правах рукописи).

Зиновьев. Война и кризис социализма. Госиздат, 1920 г.

Каменев. Борьба за мир.

Зайончковский. Стратегический очерк мировой войны. Ч. VII. Изд. ВВРС.

Катая. Террор буржуазии в Финляндии. Изд. Петросовета.

Керенский. Дело Корнилова. Москва, 1918 год.

Керенский. Гатчина.

Красная летопись. Издание Петроистпарта за 1923 г.

Куусинен. Революция в Финляндии. Самокритика. 1919 год.

Лейхтенбергский, Г. Н. «Воспоминание об Украине». Берлин, 1921 г.

Лелевич. Октябрь в ставке. Гомель, 1922 год.

Ленин. Собрание сочинений. Тома VII, VIII, XIV и XV.

Людендорф. «Мои воспоминания». Т. I и II.

Лукомский. Воспоминания. Том I и II. Отто Кирхнер, Берлин.

Локерман А. «74 дня Сов. власти». Ростов/Д., 1918 г.

Майоров, М. «Из истории револ. борьбы на Украине». Киев, 1922 г.

Малаховский. Хроника гражданской войны. (Рукопись).

Маннер, Куллерво. О ведении нами войны. Сборн.: «Революция и гражданская война в Финляндии».

Милюков. История второй Русской Революции. Том I и II.

Москва в декабре 1905 года. Издание Кохминского. Москва, 1906 г.
Официальные отчеты о мирных переговорах в Брест-Литовске.
«Октябрьская Революция». Сборник. Харьков, 1922 г.
Павлович (Вельтман). Брестский мир и условия экономического возрождения России.
Парский. Рижская операция 1917 года. (Рукопись ВИК'а).
Порниайен. Рабочая революция в Финляндии.
Пресня Красная. Сборник, посвященный декабрьскому восстанию 1905 года.
Пролетарская Революция. Журнал Истпарта. Статьи, воспоминания и матер僚алы.
Примаков, В. «Борьба за Советскую власть на Украине». 1923 г.
Равич, М. «История К. П. У.». Харьков, 1923 г.
Рафес, М. «2 года на Украине». Москва, 1920 г.
Савинков, Б. К делу Корнилова.
Сырцов, С. «Революционная борьба на Дону». Ростов/Д. 1922 г.
Свечников, М. С. Революция и гражданская война в Финляндии. Истпарт.
Станкевич. Судьбы народов. Берлин, 1921 год.
Суханов. Записки о революции.
Троцкий. Октябрьская революция. 1918 год. Москва. Изд. Коммунист.
Троцкий. Как вооружалась революция. Т. I.
Троцкий. Война и Революция. Т. II.
Френкель, А. А. «Орлы революции». Ростов/Д., 1920 г.
Шляпников. Канун 1917 года. Госиздат, 1920 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 1 р. 20 к.

